

**International conference
LINGUISTIC FORUM 2019:
INDIGENOUS LANGUAGES OF RUSSIA AND BEYOND**

4–6 April 2019

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

**Международная конференция
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2019:
КОРЕННЫЕ ЯЗЫКИ РОССИИ И МИРА**

4–6 апреля 2019 г.

Москва, Институт языкоznания РАН

International conference “Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and Beyond”. 4–6 April 2019. Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia: Abstracts / Ed. by Andrej A. Kibrik, Valentin Gusev, Andrey Shluinsky. — 222 p. — Moscow: Institute of linguistics RAS, 2019.

Международная конференция «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира». 4–6 апреля 2019 г. Институт языкоznания РАН, Москва: Тезисы докладов / Под ред. А. А. Кибрика, В. Ю. Гусева, А. Б. Шлуинского. — 222 с. — М.: Институт языкоznания РАН, 2019.

Программный комитет:

Т. Б. Агранат
Д. Брэдли
Л. Гренобль
В. Ю. Гусев
А. В. Дыбо
О. А. Казакевич
А. А. Кибрик (председатель)
Ю. Б. Коряков
Т. А. Майсак
Дж. Николз
П. Остин
В. А. Плунгян
Р. Салверда
И. В. Самарина
Я. Г. Тестелец
О. В. Ханина
А. Б. Шлуинский

Program committee:

Tatiana B. Agranat
Peter Austin
David Bradley
Anna V. Dybo
Lenore Grenoble
Valentin Gusev
Olga A. Kazakevich
Olesya Khanina
Andrej A. Kibrik (chair)
Yuri Koryakov
Timur Maisak
Johanna Nichols
Vladimir A. Plungian
Reinier Salverda
Irina V. Samarina
Andrey Shluinsky
Yakov G. Testelets

ISBN 978-5-6041117-5-8

9 785604 111758

© Authors

© Institute of linguistics RAS, 2019

© Авторы

© Институт языкоznания РАН, 2019

CIPL presidential address   Обращение президента CIPL

David Bradley. Sociolinguistics of language endangerment 8

Plenary talks   Пленарные доклады

Hèctor Alòs i Font. Is Chuvash an endangered language? 9

Tjeerd de Graaf. Historical data on the languages in Witsen's Noord en Oost Tartarye and the work of the Mercator Centre and the Foundation for Siberian Cultures 10

Тъерд де Грааф. Исторические данные о языках в книге Н. Витсена

«Северная и Восточная Тартария» и работа Фонда культуры народов Сибири 11

Juha Janhunen. "Dying languages – Who is killing them?" 13

Н. Б. Кошкарева. Парадигма уральского простого предложения 14

Regular talks   Секционные доклады

Mustapha Aabi, Abdeslam Jamai. Policy and perception of Tamazight

as an indigenous language in Morocco 17

Gilles Authier. Khinalug and the phylogeny of East Caucasian 18

Kate Bellamy, Jesse Wichers Schreur. Multiple methods for investigating code-switching in Batsbi nominal constructions 20

Mira Bergelson, Andrej A. Kibrik. Russian as a postcolonial indigenous language 21

Steven Bird. Keeping Indigenous languages strong through recognition 23

Bernadett Bíró. Mansi diminutives in a cultural linguistic framework 24

Rubina Espinoza Flores. Indigenous languages, interpreters and translators in the accusatory criminal justice system in the State of Guerrero, México 26

Ekaterina Gridneva. Mixed languages from the perspective of comparative linguistics 27

Camiel Hamans. Some background information about The European Charter for Regional or Minority Languages 30

Heinike Heinsoo, Eva Saar. Reduplicated adjectives and adverbs in Finnic languages 31

Egor Kashkin. Hill Mari field (team project of OTIPL MSU) 33

Olesya Khanina. Spread of Russian in the Soviet North: a study in sociolinguistic history 35

Andrej A. Kibrik. Is glossing universal? 37

Ana Kondic. Documentation of Northern Mixe varieties (Mixe-Zoquean, Mexico) 39

Rebeka Judit Kubitsch. Evidentials related to media in Udmurt 40

Ibragim A. Kurbanov. The case system of Anklukh and Amukh dialects of Dargwa 42

И. Я. Курбанов. Падежная система анклухского и амухского диалектов даргинского языка 43

Dejan Matić. Documenting dying languages: Kinship avoidance speech in Tundra Yukaghirs 46

Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova. Descriptive study of the Selemdzha local accent of the Evenki language 48

Savithry Namboodiripad, Matthew Zaslansky. Syntactic flexibility in the Djar dialect of Avar: experimental evidence from basic constituent order 48

<i>Irina A. Nevskaya, Saule Tazhibayeva.</i> “Meskhetian” Turkic endangered language varieties in Kazakhstan: sociolinguistic situation and linguistic features	51
<i>Vladimir A. Plungian.</i> Shughni: vigorous and unwritten?	52
<i>Kavita Rastogi.</i> Preservation of linguistic heritage of Raji community (India) through orthography development	53
<i>Tapani Salminen.</i> The Forest Nenets language in a changing world	55
<i>Moira Saltzman.</i> Jejueo talking dictionary: A collaborative online database for language revitalization	57
<i>Andrey Shluinsky.</i> Elicitation vs. text collection in linguistic fieldwork: what influences the choice of their ratio.....	58
<i>Katalin Sipőcz.</i> The event of giving in the Ob-Ugric languages	60
<i>Claudia Soria.</i> The DLDP methodology for digital language planning	62
<i>Murad Suleymanov.</i> The development of possessive predication in two Tat dialects	64
<i>Arzhaana Syuryun.</i> On the future of the Tofa language: documentation and revitalisation steps	67
<i>Sándor Szeverényi.</i> A cultural interpretation of perspectivization in Nganasan.....	68
<i>Maria Usacheva, Yulia Zubova.</i> Noun phrase coordination in Beserman Udmurt: an experimental study	69
<i>Rimma I. Vasilyeva.</i> Yakuts in cultural borderzone conditions	71
<i>Васильева Римма Иннокентьевна.</i> Якуты в условиях культурного Пограничья	72
<i>Albert Ventayol-Boada.</i> Internal relative clauses in Tungusic from a cross-linguistic perspective.....	74
<i>Michael Walsh.</i> The rise and rise of Australian languages.....	75
<i>Joy Jing-lan Wu.</i> Indigenous language testing in Taiwan: history of its standardization	76
<i>Aleksandr Zamiatin.</i> Linguistic identity among students from the Finno-Ugric regions of Russia in Finland and Estonia	77
<i>Daria Zhornik.</i> Mansi documentation: new approaches and new data	78
<i>Ю. Д. Абаева.</i> Сохранение диалектного разнообразия бурятского языка методами корпусной лингвистики.....	79
<i>И. А. Абдулаева.</i> Ахвахский язык в современном мире	80
<i>Л. Ф. Абубакирова, М. М. Зимин.</i> К составлению теоретической грамматики башкирских диалектов в сопоставлении с литературным башкирским стандартом	81
<i>Т. Б. Агранат.</i> Преподавание миноритарных и исчезающих языков как лингвистическая проблема	83
<i>Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер.</i> Новые алгоритмы использования коренных языков в современной латиноамериканской поэзии	85
<i>О. А. Александров, Е. А. Либерт.</i> Mudersproch и Muttasproak: к вопросу о сохранении родного языка российских немцев	86
<i>Ф. Г. Алексеев.</i> Ногайские идиомы Нижнего Поволжья: социолингвистическое положение и перспективы сохранения	88
<i>В. М. Алпатов.</i> Можно ли спасти малые языки?.....	90
<i>В. В. Барanova.</i> Калмыцкий онлайн: ревитализация, особенности языка и эффективность коммуникации.....	91
<i>К. М. Бельды.</i> Язык – богатство народов	92

<i>М. М. Биданок. Специфика орфографической грамотности в билингвальных условиях Адыгеи и Кавказа.....</i>	93
<i>Н. М. Бичурина. Франкопровансальский язык в Северном Причерноморье .....</i>	94
<i>И. А. Виноградов. Документация и ревитализация коренных языков в Гватемале .....</i>	96
<i>С. П. Виноградова, Л. Р. Додыхудоева. Урбанизация Прикаспийской зоны: изменение языка с изменением условий жизни и труда .....</i>	98
<i>А. А. Винокурова, Ленор Гренобль. Урбанизация и устойчивость: эвенкийский язык .....</i>	99
<i>Antonina Vinokurova, Lenore A. Grenoble. Urbanization, sustainability and resilience: The case of Even .....</i>	101
<i>В. Ф. Выдрин. «Малые электронные корпуса текстов на языках манде»: State of the art .....</i>	103
<i>Р. В. Гайдамашко, А. С. Лобanova. Коми-язывинский идиом в XXI веке: состояние и перспективы .....</i>	105
<i>Ю. Е. Галямина. Этническая идентичность: тоска по языку или минус язык .....</i>	106
<i>А. В. Громова. «Самый красивый и сладкий как мед»: диалектные материалы на казеруни в интернете .....</i>	107
<i>Екатерина Груздева. Проект по возрождению нивхского языка .....</i>	109
<i>В. Н. Денисов. Об опыте нидерландско-российского сотрудничества по сохранению звукового наследия некоторых коренных народов Российской Федерации .....</i>	110
<i>Victor Denisov. On the experience of the Dutch-Russian cooperation on preservation of sound heritage of some indigenous peoples of the Russian Federation .....</i>	111
<i>Э. Н. Денмухаметова, К. С. Фатхуллова. Технология обучения речевому общению на татарском языке .....</i>	113
<i>Э. Н. Денмухаметова, А. Ш. Юсупова. Роль словарей при обучении татарскому языку .....</i>	114
<i>Л. Р. Додыхудоева. Памирские языки в обучении: история и перспективы развития .....</i>	115
<i>Л. Р. Додыхудоева. Памирские языки в урбанизирующемся мире: к вопросу о становлении письменной традиции .....</i>	116
<i>М. В. Дьяконова. Карельский язык в Республике Карелия: современное положение и перспективы ревитализации.....</i>	117
<i>М. А. Егорова. Эвиденциальность в эвенкийском языке: новые полевые данные .....</i>	119
<i>С. В. Едыгарова. Влияние русской лингвистической культуры на языковые представления пермских народов .....</i>	121
<i>Л. Н. Загуляева, Е. А. Шалаева. Ресурсный центр как практическая модель этнокультурного воспитания (инновационный опыт работы по сохранению языка, традиций и культуры вепсского народа) .....</i>	122
<i>Н. Г. Зайцева. «Virantanaz» – эпический памятник вепсскому языку эпохи ревитализации ...</i>	123
<i>Л. О. Захарова. Раннее обучение иностранному языку в условиях кочевья.....</i>	124
<i>М. М. Зимин. К обновлённому описанию структуры нанийских языков (на примере ульчского (нань) языка) .....</i>	126
<i>Н. И. Иванова. Функциональный статус языка саха в г. Якутске в контексте урбанизационных процессов.....</i>	128
<i>О. Н. Иконникова. Салишские языки в урбанизирующемся мире .....</i>	130
<i>О. А. Казакевич. Многообразие языковых ситуаций в локальных группах эвенков России: языковой сдвиг на разных стадиях .....</i>	132
<i>В. А. Кожемякина. Языки коренных народов Канады в эпоху глобализации.....</i>	134

<i>Ю. Б. Коряков.</i> Коренные языки России – сколько же их?	136
<i>З. К. Кочакаева.</i> Кумыкский и кара-ногайский языки. Диалектная фонология и построение теоретической грамматики.....	137
<i>И. Н. Кравченко.</i> Сохранение традиций, идеалов и ценностей коренных народов Хабаровского края в мультикультурном, многонациональном, поликонфессиональном образовательном пространстве региона	139
<i>А. С. Крылова, Е. А. Ренковская.</i> Пять видов письменности языка сора: причины появления и процессы становления.....	140
<i>Е. А. Крюкова.</i> Жанровая трансформация кетского фольклора в условиях урбанизации.....	142
<i>С. Н. Курилова.</i> К проблеме идентификации словообразовательных аффиксов в языке тундровых юкагиров: на примере аффикса <i>-чи</i>	144
<i>Samona Kurilova.</i> To the problem of identification of the word-formation affixes in Tundra Yukaghir: the affix <i>-čii</i> as an example	145
<i>Р. Д. Куруч.</i> Некоторые вопросы сохранения и развития саамского языка	148
<i>М. В. Куцаева.</i> Особенности преподавания этнического языка в диаспоре: чувашский в Московском регионе	149
<i>М. П. Лукина.</i> Морфологические средства выражения модальности и эвиденциальности в юкагирском языке	151
<i>М. Д. Люблинская.</i> Сегодняшние проблемы преподавания родных языков на Ямале	152
<i>М. Д. Люблинская, М. В. Пушкина.</i> Создание административно-политической терминологии на ненецком языке.....	154
<i>Ю. В. Мазурова.</i> Изменения в языке и жизни: рассказы на куллуи	156
<i>С. С. Макаров.</i> Пословичные паремии в записях якутского эпоса: от канона к инновациям	157
<i>Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский.</i> О количественном противопоставлении дифтонгов в сойкинском диалекте ижорского языка.....	159
<i>С. М. Махмудова.</i> Малые языки: перспектива благодаря или вопреки	161
<i>Е. К. Молчанова.</i> Коренной язык Ирана зороастрыйский дари в урбанизирующемся мире	162
<i>Д. Д. Мордашова, М. Ю. Пупынина, М. А. Сидорова.</i> Тундренный юкагирский в свете ареальных контактов в Нижнеколымском районе	164
<i>С. А. Москвичева.</i> Преподавание региональных языков во Франции как фактор языковой ревитализации (на примере окситанского и баскского языков)	166
<i>Р. О. Муталов.</i> Состав и структура кадарско-русского словаря	168
<i>С. В. Нагурная.</i> Новописьменный карельский язык в эпоху Интернета	169
<i>И. П. Новак.</i> Тверской карельский язык.....	170
<i>А. А. Озонова.</i> Некоторые изменения в системе аналитических средств связи в алтайском языке	171
<i>З. В. Остапова.</i> Коми язык в дошкольном образовании Республики Коми.....	173
<i>Н. М. Печенина.</i> Реализация государственной национальной политики в Кемеровской области на примере шорского языка. Аналитика с болью.....	175
<i>М. К. Раскладкина.</i> Языки коренных народов Аляски в зеркале статистики	176

<i>Т. И. Ретинская.</i> Из опыта исследования витальности регионального варианта национального языка (на материале арденнского региолекта).....	177
<i>А. П. Родионова.</i> К проблеме нормирования языка людиков.....	178
<i>Е. Л. Рудницкая.</i> Аккузативный объект в несобытийных номинализациях в эвенкийском языке	179
<i>И. В. Самарина.</i> Об опыте документирования архаичных вьетских языков севера Центрального Вьетнама	181
<i>Г. С. Сахатова.</i> Формальные способы выражения апременсив в тюркских языках	183
<i>Н. В. Сердобольская.</i> Партивные конструкции с посессивами в пермских языках	185
<i>Л. Г. Силантьева.</i> Китайские и уйгурские заимствования в ваханском языке	187
<i>Юлия Спешилова.</i> Условная морфологическая переменная в современном удмуртском языке	189
<i>Н. М. Стойнова, И. А. Хомченкова.</i> Данные документационных проектов за пределами документации языка	191
<i>З. И. Строгальщикова.</i> Языки коренных малочисленных народов: проблемы правового регулирования в постсоветский период	193
<i>А. Н. Таджибова.</i> Лингвокультурологический анализ фитонимов в русской, английской и лезгинской фразеологии.....	194
<i>Д. М. Токмашев.</i> О фонологическом статусе долгих согласных в телеутском языке	196
<i>А. Ю. Урманчиеva.</i> Нarrативные стратегии селькупского языкового континуума: соотнесение данных лингвистики, этнографии и фольклористики	198
<i>Н. Ю. Ушицкая.</i> Концепт « <i>хокто/дорога</i> » в языковой картине мира эвенков	199
<i>Н. Н. Федина.</i> Изучение языка как необходимое условие его ревитализации (на примере чалканского языка)	201
<i>К. В. Филатов.</i> Рутульское субстантивное склонение: реализационный и инкрементальный подходы	203
<i>З. М. Халилова, М. Ш. Халилов.</i> Собственные имена и посессивные конструкции в дагестанских языках.....	205
<i>В. С. Харитонов.</i> Опыт оживления нанайского языка	206
<i>В. С. Харитонов, Ф. Г. Алексеев.</i> Анализ витальности языков России в зависимости от различных факторов	207
<i>Э. В. Хилханова.</i> Факторы лингвистической витальности в эпоху национальных государств: внутренние vs. внешние (на примере тувинского, якутского и бурятского языков)	207
<i>Б. Ж. Цыбденова.</i> Об условиях сохранения национального языка	210
<i>Б. Д. Цырендоржиева.</i> Преподавание языков как инструмент их сохранения: проблемы и перспективы.....	213
<i>С. И. Шарина.</i> Диалектная система эвенского языка	216
<i>Sardana Sharina.</i> Even dialect system.....	217
<i>С. Х. Шихалиева.</i> Нефинитные конструкции табасаранского языка: типологический взгляд с наполнением банка данных.....	220
<i>Д. И. Эдельман.</i> О разработке алфавита для язгулямского языка (Памир)	221

SOCIOLINGUISTICS OF LANGUAGE ENDANGERMENT

David Bradley

Comité International Permanent des Linguistes

The three key clusters of factors in maintaining any language are 1) Attitudes and Identity; 2) Transmission and Use; 3) External factors. This paper will unpack all of these, including the third which includes political, demographic, geographical, economic, historical, sociocultural, educational and other components.

No amount of documentation and description, multimedia and other resources, formal teaching in educational settings or other positive external factors can offset negative attitudes to the indigenous language and breakdown of transmission. The key first step is to develop positive attitudes to indigenous language use within the community, to facilitate and expand language transmission in the family and community, and to build resources within the community for language reclamation.

The paper will briefly discuss several communities who have more or less successfully improved their attitudes to their indigenous language, maintained in-group language transmission, and developed a variety of new resources, and show how we as linguists can help in this process.

References

- Bradley, David & Maya Bradley (eds), 2002. *Language Endangerment and Language Maintenance*. London: RoutledgeCurzon.
- Bradley, David, 2015. Language reclamation strategies: Some Tibeto-Burman examples. *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 38(2):166–186.
- Bradley, David & Maya Bradley, 2019. *Language Endangerment*. Cambridge: Cambridge University Press.

IS CHUVASH AN ENDANGERED LANGUAGE?

Hèctor Alòs i Font

In 2017 the UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger changed the classification of Chuvash from "vulnerable" to "definitely endangered", meaning that "children no longer learn the language as mother tongue in the home". Is this an exaggeration? Strictly speaking it is. According to my surveys conducted among some 4000 students from the last five school grades in Chuvashia, more than half of the children of the Chuvash nationality of this age group living in a rural setting have Chuvash as their or one of their languages of family relationship. So, there are around 30,000 schoolchildren in Chuvashia speaking Chuvash as their mother tongue at home, out of a total of some 120,000 schoolchildren. This is the situation in a republic where 68% of the inhabitants declare themselves Chuvash and 55% know the Chuvash language (according to the 2010 population census), and where Chuvash has been the usual language of instruction in the elementary grades in rural schools since the 19th century. These seem like not too bad conditions for the maintenance of a language with around 1 million speakers.

Nevertheless, the surveys conducted among schoolchildren show that less than 1% parents of urban schoolchildren speak mainly Chuvash with their children, and less than 2% do it at the level of Russian. Family language transmission is also seriously damaged in all villages with a population of 3,000 inhabitants or more, as well as in smaller towns near cities. A higher education level of parents also negatively correlates with their children's Chuvash-language proficiency and use.

Survey data also show an increase in the use of Russian at home during childhood and adolescence among native speakers of Chuvash. The trend is significantly more marked among children who attend Russian-language schools. In the same way, teaching exclusively in Russian as of the 5th grade or earlier in environments where Russian is already a common language (small towns), dominant (district centres) or hyperdominant (cities) causes that even rural Chuvash-language children find it easier to read in Russian than in Chuvash. This reinforces the oral character of the language and contributes to erode its prestige.

But official data and even more my own field work show a sharp decline in the use of Chuvash as a language of education. The detailed study of the Murkaş/Morgaushsky district shows that this shift precedes family language shift. This can be also seen if we compare the evolution of the family use of the Chuvash language in the last 60 years in the adjacent districts of Tsil'ninsky in Ulyanovsk Oblast, Çüpräle/Drozhzhanyovsky in Tatarstan, and Şämärşä/Shermushinsky in Chuvashia. In the first Chuvash-language education was banned in the 1960s, while it was maintained in elementary school in the other two districts; today ethnic Chuvash are still the majority in Tsil'ninsky, but the children are mainly Russophone.

Unfortunately, over the past decade and a half, the federal government has been creating compulsory exams only in Russian at the end of the 4th, 9th and 11th grades, which do not attach any value to minority-language knowledge. In addition, in the words of Ksenia Sobchak, in autumn 2017 there was a "cavalry charge" on schools carried out by the Prosecutor's Office to eliminate compulsory teaching of the co-official languages of the republics. These kinds of policies seem not the best way to support education in the minority languages. The study of the linguistic landscape also shows a weak protection of minority languages in legislation and many failures to observe it on the part of authorities. In these conditions, while the maintenance of the situation occurring in the beginning of the years 2010 made foreseeable, without a significant increase of language awareness, a reduction of the Chuvash speakers to less than 5 % of the current number within 100 years, in the present circumstances one should expect an acceleration of the language shift to Russian. As a result, I find the assessment of the UNESCO experts correct.

HISTORICAL DATA ON THE LANGUAGES IN WITSEN'S *NOORD EN OOST TARTARYE* AND THE WORK OF THE MERCATOR CENTRE AND THE FOUNDATION FOR SIBERIAN CULTURES

Tjeerd de Graaf

Mercator Centre, Fryske Akademy, The Netherlands

In this conference contribution, we will discuss several projects for the study of endangered languages and cultures in Europe and Asia, which have been undertaken by research groups in the Netherlands, Russia, Germany and Japan. We shall relate the study of historical data of indigenous languages to the position of these languages in the present urbanising world.

The *Witsen Project* aims to investigate the minority peoples of Eurasia, their history, cultures and languages. It is inspired by the book *Noord en Oost Tartarije (NOT)*, the magnum opus of Nicolaas Witsen. This wealthy Dutch merchant and mayor of Amsterdam collected data on the physical features of this vast continent, its flora and fauna and, in particular, on the inhabitants and their languages. In 2010, a Russian translation of the book was published. The language material consists of lists of vocabulary items, short texts, writing systems and other data. In 2015, the book and the Russian translation were also published online. In 2018, as a follow-up, a team of scholars in the Netherlands prepared a separate volume devoted to the study of all language samples in Witsen's *NOT*, entitled *The Fascination with Inner-Eurasian Languages in the 17th Century*. The volume contains articles on the following languages: Georgian, Kabard-Cherkes, Ossete, Crimean-Tatar, Kalmyk, Mordva, Mari, Komi-Zyryan, Mansi, Khanty, Nenets, Enets, Nganasan, Mongol, Dagur, Yakut, Evenki, Even, Manchu, Yukaghirs, Korean, Chinese, Tangut, Persian and Uygur. Scholars who are familiar with the various languages have written a number of these contributions. The material in the book can be compared with the situation of these languages at present and possibilities can be considered to use the results in the work of the following two organisations devoted to minority languages.

The *Foundation for Siberian Cultures* (www.kulturstiftung-sibirien.de/index_E.htm) was founded in 2010. One of its main objectives is to preserve the indigenous languages of the Russian Federation and the ecological knowledge expressed in them. Published print- and open access electronic learning tools on the languages and cultures of Sakhalin, Kamchatka, Northern Yakutia and Central Siberia respond to the pressing need of local communities to sustain their cultural heritage. Together with other publications on the research history and the cultures of the Russian North they provide useful materials for anthropological and linguistic research. The results of fieldwork and the data based on archived materials provide important information for the preparation of language descriptions, grammars, dictionaries and edited collections of oral and written literature. These can subsequently be used to develop teaching methods, in particular for younger members of ethnic groups who do not have sufficient knowledge of their native language.

The *Mercator European Research Centre* on Multilingualism and Language Learning (www.mercator-research.eu) of the Fryske Akademy addresses the growing interest in multilingualism and the increasing need of language communities to exchange experiences and to cooperate in a European context. It gathers and mobilises expertise in the field of language learning in schools, at home and through cultural participation. The language diversity in Europe needs to be protected and promoted at all levels. The Mercator Research Centre tries to meet this need by participating in and developing a multitude of activities ranging from carrying out research projects and making inventories of existing research. It provides data and internet sites on (often endangered) regional and minority languages and provides publications, such as the series of Regional Dossiers on Minority Language Education. In recent years, the state of languages in the Russian Federation has also been studied and a first dossier on Nenets, Khanty and Mansi on the Yamal peninsula was published, both in Russian and in English. Further publications, such as a dossier on Udmurt, are being prepared in cooperation with colleagues in Russia.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ЯЗЫКАХ В КНИГЕ Н. ВИТСЕНА «СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ТАРТАРИЯ» И РАБОТА ФОНДА КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ

Тъерд де Грааф

Центр Меркатор, Фризская Академия, Нидерланды

В представленном материале для конференции мы рассматриваем несколько проектов по изучению находящихся под угрозой исчезновения языков и культур Евразии, которые были проведены исследовательскими группами в Нидерландах, Германии, России и Японии. Они связаны с изучением исторических данных о языках коренных народов в сравнении с позицией этих же языков в современном урбанистическом мире.

Проект *Witsen* является нидерландской инициативой по опубликованию исторических материалов, содержащихся в книге Николаса Витсена «Noord en Oost Tartarije» – («Северная и Восточная Тартария»). Этот состоятельный голландский торговец и мэр Амстердама собрал данные о физических особенностях этого огромного континента, его флоры и фауны и, в частности, о жителях и их языках. В 2010 году был опубликован русский перевод книги. Языковой материал состоит из списков словарных статей, коротких текстов, описания систем письменности и других данных. В 2015 г. книга и русский перевод были также опубликованы в Интернете. В 2018 г. в качестве последующего шага группа ученых из Нидерландов подготовила отдельный том, посвященный изучению всех языковых образцов, приведенных в работе Н. Витсена (NOT), под названием «Очарование внутренне-евразийскими языками в 17 веке». В томе представлены статьи на следующих языках: грузинском, кабардино-черкесском, осетинском, крымско-татарском, калмыцком, мордовском, марийском, коми-зырянском, мансийском, хантыйском, ненецком, энечком, ногайском, монгольском, дагурском, якутском, эвенкийском, эвенском, маньчжурском, юкагирском, корейском, китайском, тангутском, персидском и уйгурском. Ученые, эксперты по данным языками, подготовили эти статьи. Материалы, представленные в книге, можно сравнить с современными данными в этих же языках, и, по возможности, использовать эти результаты в работе следующих двух организаций, изучающих языки меньшинств.

Фонд Культуры Народов Сибири (www.kulturstiftung-sibirien.de/index_E.htm) был основан в 2010 г. Одной из основных целей его деятельности является сохранение языков коренных народов Российской Федерации и их экологических знаний. Печатные и электронные учебные пособия в открытом доступе по языкам и культурам народов Сахалина, Камчатки, Северной Якутии и Центральной Сибири отвечают насущной потребности местных общин в сохранении своего культурного наследия. Вместе с другими публикациями по исследованию истории и культуры русского Севера они предоставляют ценные материалы для антропологических и лингвистических исследований. Результаты полевых исследований и данные, основанные на архивных материалах, дают важную информацию при подготовке описаний языков, грамматик, словарей и редактировании сборников устной и письменной литературы. Впоследствии их можно использовать для разработки методов обучения, в том числе, представителей молодого поколения этнических групп, не имеющих достаточного уровня знания своего родного языка.

Европейский Исследовательский Центр Меркатора по многоязычию и изучению языков (www.mercator-research.eu) Фризской академии в своей деятельности обращает внимание на растущую заинтересованность в многоязычии и увеличение потребности языковых сообществ в обмене опытом и сотрудничестве в европейском контексте. Он собирает и мобилизует опыт в области изучения языка в школах, дома и посредством участия в культурной жизни. Языковое разнообразие в Европе необходимо защищать и пропагандировать на всех уровнях. Исследовательский центр «Меркатор» стремится удовлетворить эту потребность,

участвуя в различных мероприятиях, начиная от проведения исследовательских проектов и составления кадастров существующих исследований. Он предоставляет данные и интернет-сайты на региональных языках и языках меньшинств (часто находящихся под угрозой) и обеспечивает публикации, такие, как серия региональных досье по использованию языков меньшинств в образовательном процессе. В последние годы также изучалось состояние языков в Российской Федерации, и было опубликовано первое досье о ненцах, хантах и манси на полуострове Ямал, как на русском, так и на английском языках. В сотрудничестве с коллегами из России готовятся дальнейшие публикации, такие, например, как досье по удмуртскому языку.

"DYING LANGUAGES – WHO IS KILLING THEM?"

Juha Janhunen

University of Helsinki

The talk will address the well-known issue of language endangerment from several angles, including historical, social, and political. The argument is that languages are being lost because of the double pressure of globalization and the nation state model of international order. Contributing factors are also the spread of monetary economy, literacy, and formal education, as well as of monocultural digital applications based on supranational commercial interests.

ПАРАДИГМА УРАЛЬСКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Н. Б. Кошкарева

Институт филологии СО РАН

Новосибирский государственный университет

Основной единицей синтаксического яруса языка является элементарное простое предложение (ЭПП), в состав которого входит именной или глагольный предикат и его обязательные распространители – актанты и, при бытийно-пространственных предикатах, локализаторы. ЭПП репрезентирует только одну пропозицию, и ни один его компонент не может быть развернут в самостоятельную пропозицию. Как любая единица языка, элементарное простое предложение представляет собой совокупность парадигматических вариантов и варьирует, оставаясь тождественным самому себе, в определенных пределах.

Рассмотрим объем синтаксической парадигмы для одного типа предложений, в основе которых лежит акциональная пропозиция. В ее состав входит субъект-агенс (активный исполнитель действия, контролирующий протекание действия, целенаправленно осуществляющий воздействие на объект), объект непосредственного воздействия и глагольный предикат креативного, деструктивного, трансформационного воздействия на объект, обозначающий появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него. Модель таких предложений имеет вид: $N^{Ag}_{nom} N^{Obj}_{nom/acc} V_f$.

Универсальными предикативными категориями являются темпоральность, модальность, персональность и негация, лежащие в основе понимания предикативности как основного признака предложения. Они составляют ядро синтаксической парадигмы и опираются на морфологические категории глагола, что обеспечивает сходство парадигм в разных языках. Наличие или отсутствие в предложении конкретных слов, репрезентирующих определенные семантические роли, относится к речевым особенностям реализации высказываний как единиц речи и при описании парадигмы не учитывается. Репрезентанты модели элементарного простого предложения вычленяются из распространенных, осложненных и сложных конструкций.

Следующие хантыйские предложения представляют собой члены одной синтаксической парадигмы и отражают результат варьирования по разным категориям, часто разные категории сложным образом комбинируются друг с другом:

1) варьирование по категории темпоральности, персональности утвердительности / отрицательности:

каз. *Mүң хүл кавәрт=л=әв*
мы рыба варить=PR=SUBJ.1SG
'Мы рыбу варим'.

каз. *Кев пүт=ән ыйңк кавәрт=әс=Ø*
камень котел=LOC вода варить=PAST=SUBJ.3SG
'Кипятила воду в котле'.

шур. *Мäшайäн хүл пүт=ән кавәрт=c=әңäн*
молча рыба котел=LOC варить=PAST=SUBJ.3DU
'Молча рыбу в котле сварили'.

2) варьирование по категории модальности регулярно сопровождается варьированием по категории персональности: если действие реально не осуществляется, субъектная позиция либо редуцируется, либо форма номинатива заменяется формой датива, указывающей

на то, что субъект в действительности не выполняет никакого действия (ср. в русском языке: *я пойду / мне надо пойти*):

шур. (*Ман=эм*) мус үиңк кавәрт=ты мос=әл=∅
я.OBL=DAT корова вода варить=PrP быть нужным=PR=SUBJ.3SG
'(Мне) надо вскипятить молоко'.

каз. *Тым пүш үиләп ләтум, үиләп лант па кавәрт=a*
этот раз новый еда новый мука и варить=IMP.SUBJ.2SG
'В этот раз еще свари свежую еду, свежую кашу'.

3) варьирование по категории аспектуальности также может быть включено в парадигму простого предложения, в разных языках оно может выражаться преимущественно лексически, грамматически или синтаксически:

а) фазисность в хантыйском языке выражается, в частности, конструкциями с фазисными глаголами. При этом также возможны сложные комбинации с категорией персональности:

шур. *Лант кавәрт=ты үэтша=t=aл тумпийн, [пäсана ал опсаты]*
мука варить=PrP закончить=PrP=3SG пока не
'Пока суп не сварится, за стол не садитесь'.

б) результативность выражается при помощи конструкций, в которых позиция субъекта редуцируется, сказуемое принимает причастную или деепричастную форму, которые дополнительно передают эвиденциальные смыслы:

шур. *Лант кавәрт=эм*
мука варить=PP
'Суп сварен'.

шур. *Хўл холна ёнта кавәрт=эм*
рыба еще не варить=PP
'Рыба еще не сварена'.

каз. *Лант үиңк=ем кавәрт=ман вўл*
мука вода=POSS.1SG.SG варить=CV быть.PR.SUBJ.3SG
'Суп сварен'.

4) коммуникативные варианты. Специфика уральских языков Сибири состоит в наличии серии парадигматических вариантов, в основе которых лежит актуальное членение предложения. В хантыйском языке с ним прежде всего связано варьирование в оформлении сказуемого, которое принимает формы субъектного, объектного спряжения и пассивного залога. Поскольку в западных диалектах хантыйского языка падежная парадигма редуцирована, а порядок слов варьирует ограниченно, основная нагрузка по выражению тема-рематического членения ложится на глагольные категории и посессивное оформление актантов.

каз. *Лант кавәрт=л=ай=эм, пүт кавәрт=л=ай=эм*
мука варить=PR=PASS=SUBJ.3PL котел варить=PR=PASS=SUBJ.3PL
'Суп варят, котел варят'.

каз. *Лант=ем уп=эм=эн кавәрт=л=a=∅*
мука=POSS.1SG.SG старшая сестра=POSS.1SG.SG=LOC варить=PR=PASS=SUBJ.3SG
'Суп варит моя старшая сестра'.

В сургутском диалекте хантыйского языка набор падежных аффиксов шире, поэтому в формировании коммуникативной парадигмы в большей мере задействовано падежное маркирование, ср. в примере с семантикой передачи:

сург. *Ма нүн=ат пүмән сөхәт=ат мә=ð=әм*
я ты=ACC теплый шкура=INSTR дать=PR=SUBJ.1SG
'Я дам вам теплую шкурку'.

В ненецком языке наличие в системе склонения имен винительного падежа обусловливает комплекс средств выражения актуального членения, в котором участвуют тип спряжения глагола, падежное варьирование актантов (номинатив / аккузатив), посессивные показатели.

лесн. Натмянтуң Пучи Пыләлки касама=m=tuң ни=mы=tuң ката=∅
поэтому Пучи Пырерка парень=ACC.Sg=POSS.3PL NEG=EVID=OBJ.3PL убить=CONN
'Поэтому Пучи Пырерку не убили'. [Турутинा 2003: 16].

лесн. Неша=ма" нохо=m ката=шту=∅=ш
отец=POSS.1PL песец=ACC.SG добывать=HAB=SUBJ.3SG=PAST
'Отец наш песца добывал'.

Внутри каждого языка набор предикативных категорий зависит от типа предложения: парадигмы именных и глагольных предложений закономерно различаются. Для бытийно-пространственных, статальных, акциональных и др. типов предложений устанавливаются разные парадигматические параметры. Ядром предикативных категорий являются морфологические категории сказуемого. Различия между синтаксическими парадигмами в разных языках обусловлен набором морфологических категорий имени и глагола, но не сводится к морфологическим парадигмам. В докладе анализируются разные типы парадигм, различия между ними объясняются, в частности, с опорой на тип пропозиции, лексическое значение предиката, специфику заполнения актантных позиций.

Специфику уральских парадигм составляют синтаксические способы выражения коммуникативных типов высказываний, в которых грамматикализованы тема-рематические отношения. Они выражаются при помощи глагольных (тип спряжения – субъектное / объектное, возможность пассивных трансформаций) и именных категорий (падежное варьирование, посессивное оформление). Актуальное членение высказывания в уральских языках грамматикализуется и является частью синтаксической парадигмы элементарного простого предложения как единицы языка.

POLICY AND PERCEPTION OF TAMAZIGHT AS AN INDIGENOUS LANGUAGE IN MOROCCO

Mustapha Aabi   Abdeslam Jamai

Ibn Zohr University   Mouly Ismail University

The multilingual context of Morocco accommodates a variety of linguistic discourses that are imbued with the ideology of the social, cultural and historical meanings of each, at least to the speakers of each language. To this effect, behind every language policy in Morocco lies a culturally pre-established patterning of reality in ideological terms.

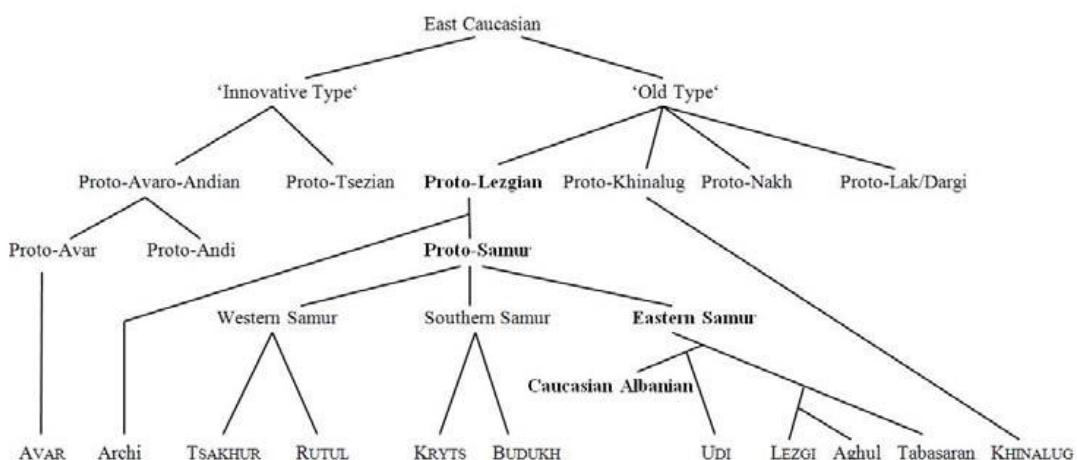
This study sets out to shed some light on top down language policy towards Tamazight, as an endangered indigenous language, from the perspective of both its native speakers and their compatriot non-native speakers. The research is descriptive in design and is conducted using a survey with forced Likert scale questions. The questions are drafted in a manner that would assist in collecting both demographic information from 600 participants representing Tamazight populated areas in the North, South and Midlands of Morocco as well as ensuring a deeper understanding of their perspective of language policy and planning concerning Tamazight. The results have shown that they have generally been received negatively by the two major linguistic communities. There is both a pessimistic and bleak outlook of the current state of Tamazight by its speakers, and sate of fear and opposition by Arab non-Tamazight speakers- both perceptions pointing to a reality rejecting 'imposition' from one party and 'diversity' from the other.

KHINALUG AND THE PHYLOGENY OF EAST CAUCASIAN

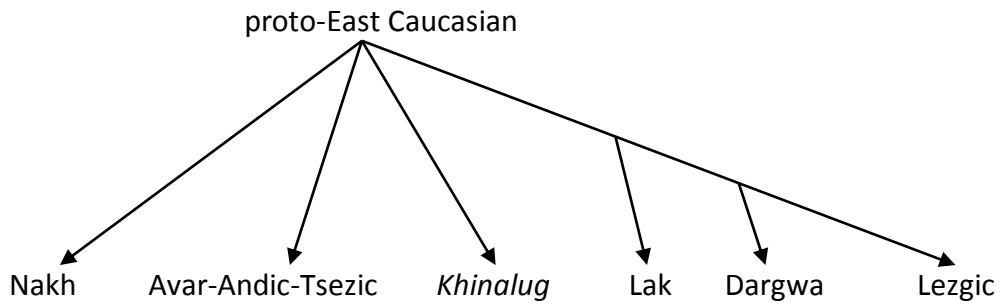
Gilles Authier

École Pratique des Hautes Études, Paris

Although it has been documented and adequately described in Desheriev (1959), Kibrik (1972), and Ganieva (2002), the precise origins of the Khinalug language, spoken in a single village in Azerbaijan, remain a mystery. Its identity as a member of East Caucasian has never been in doubt, and while some researchers like Talibov (1960), Gigineishvili (1977) or Bokarev (1981) have linked it to the Lezgic branch of the family, which surrounds Khinalug geographically, its status as a separate branch was recognised as early as Trubetzkoy (1920), Deeters (1963), Nikolaev and Starostin (1994), and is nowadays broadly accepted. The most recent attempt to classify the languages of this family (Schulze 2015, cf. tree below) situates Khinalug in a clade defined as conservative ('Old Type') on the basis of scarcely explicated criteria (essentially, in our view, the retention of aspect marking on the verb stem):

Deviating from this opinion, which treats Khinalug as constituting a sub-branch of the 'Old Type' languages and is based on the claim that « [t]here are no systematic features that would allow placing Khinalug in one of the subgroups (in terms of common innovations) » (Schulze 2008), we will propose a radically different status for this language, arguing on the basis of a phonological innovation which Khinalug shares with the (structurally) 'innovative' languages of the Avar, Andic, and Tsezic branches: this is the loss of opposition (i.e. merger) between two of the three original affricate series, namely the voiced affricates and the ejective intensive affricates. Affricates have long been recognised as very frequent phonemes in East Caucasian, and this opposition is extremely well attested in basic vocabulary roots and is retained, in the Lezgic, Lak and Dargwa branches with perfectly regular correspondences, as well as in Nakh, where the correspondences are less clear. Therefore Khinalug's ancestor must have diverged from the common ancestor of the Avar, Andic and Tsezic branches, which underwent this non-trivial merger. This obviously occurred at a very early date, but after the split which separated this ancestor from those of the structurally conservative branches where the opposition is retained (probably Lezgic, Lak, Dargwa on the one hand, and Nakh on the other hand). Recognition of this shared innovation has fundamental consequences for the history and comparative grammar of this language family, because seen in this light, structural retentions shared between Khinalug and other branches currently assigned to the 'Old Type' have no classificatory value and can be taken to go back to the proto-language.

References

- Bokarev, E.A. (1981). *Sravnitel'no-istoricheskaja fonetika vostochnokavkazskix jazykov*. Moskva: Nauka.
- Deeters, Gerhard (1963). *Armenisch und kaukasischen Sprachen*. HdO, 1. Abteilung, VII. Band, 1–79. Leiden & Köln: Brill.
- Desheriev, Junus (1959). *Grammatika khinalugskogo jazyka*. Moscow: AN SSSR.
- Ganieva, Farida (2002). *Khinalugsko-russkij slovarj*. Daghestan department of the Soviet Academy of Sciences: Makhachkala.
- Gigineishvili, B.K. 1977. *Sravnitel'naja fonetika dagestanskix jazykov*. Tbilisi: Izd. Tbilisskogo Universiteta.
- Kibrik, Aleksandr, Sandro Kodzasov and Irina Olovjannikova (1972). *Fragmenty grammatiki khinalugskogo jazyka*. Moscow: MGU.
- Nikolayev, S. L., S.A. Starostin (1994). *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Schulze, Wolfgang (2008). Towards a History of Khinalug. In: Brigitte Huber, Marianne Volkart and Paul Widmer. *Chomolangma, Demavend und Kasbek. Festschrift für Roland Bielmeier zu seinem 65. Geburstag*. 2 Bände, 703–744. Halle (Saale): International Institute for Tibetan and Buddhist Studies GmbH.
- Schulze, Wolfgang (2015). Aspects of Udi-Iranian Language Contact. In: Uwe Bläsing, Victoria Arakelova and Matthias Weinreich. *Studies on Iran and The Caucasus, Presented to Prof. Garnik S. Asatrian on the Occasion of his 60th Birthday*. Leiden: Brill.
- Talibov, B.B. 1960. *Mesto xinalugskogo jazyka v sisteme jazykov lezginskoj gruppy*. Uchennye Zapiski Dag. Fil. AN 7: 281–304.

MULTIPLE METHODS FOR INVESTIGATING CODE-SWITCHING IN BATSBİ NOMINAL CONSTRUCTIONS

Kate Bellamy   Jesse Wicher Schreur
Leiden University   Goethe University Frankfurt

Batsbi is a highly endangered Nakh-Dagestanian language spoken by approximately 500 people in the village of Zemo Alvani, eastern Georgia. All speakers are trilingual Batsbi-Georgian-Russian, but only 2% of children under age 18 learn the language at home. A corpus of 250,000 words, comprising all available data collected to date, is currently being compiled (Wicher Schreur, 2018). In this paper we demonstrate how data from this corpus can be supplemented with data from experimental tasks to explore how Georgian nouns are inserted into otherwise Batsbi utterances ('code-switching').

Batsbi has five grammatical genders: masculine and feminine refer to humans only, while the three 'neuter' genders (called B, D, J after the form of their agreement targets) have a non-transparent semantic distribution (Wicher Schreur, forthc.). Georgian has no grammatical gender. We extend existing research of gender systems in Caucasian languages (e.g. Chumakina & Corbett 2015; Forker 2016, 2018) to the code-switching context. Previous codeswitching studies (e.g. Parafita Couto et al., 2015; Bellamy et al., 2018), identify three gender assignment strategies: (i) analogy with the gender of the translation equivalent, (ii) phonological cues from the ungendered language, or (iii) a default gender preference.

In the pilot director-matcher production task, we elicited mixed nominal constructions with intended target responses such as *baqqō cxviri* 'big nose', containing a Georgian noun and a Batsbi adjective. Of the 180 combinations elicited, in 163 (90.6%) the adjective took the gender of the Batsbi translation equivalent. The remaining pairs display a clear preference for D as default gender (12/17). These results indicate a preference for gender assignment based on analogical criteria. This is surprising given that (1) phonological cues have played a role in loanword adaptation in the history of Batsbi, and (2), the B-gender is an unproductive class for loanwords (Wicher Schreur, forthc.). An ongoing online grammaticality judgement task is examining whether this pattern holds for comprehension.

References

- Bellamy, K.; Parafita Couto, M.C.; Stadthagen-Gonzalez , H. 2018. "Investigating gender assignment strategies in mixed Purepecha–Spanish nominal constructions". *Languages* 3(3): 28.
- Chumakina, M. & Corbett, G.G. 2015. Gender-number marking in Archi: Small is complex. In: Baerman, M.; Brown, D.; Corbett, G.G. (eds), *Understanding and measuring morphological complexity*, Oxford.
- Forker, D. 2018. Gender agreement is different. In: Forker, D. & Haig, G. (eds) *Person and gender in discourse: An empirical cross-linguistic perspective* (=Linguistics 56(4)).
- Forker, D. 2016. "Gender in Hinuq and other Nakh-Daghestanian languages", *International Journal of Language and Culture* 3(1): 90–114.
- Parafita Couto, M.C.; Munarriz, A.; Epelde, I.; Deuchar M.; Oyharçabal, B. 2015. "Gender conflict resolution in Spanish–Basque mixed DPs", *Bilingualism, Language and Cognition* 18(2): 304–323.
- Wicher Schreur, J. forthc. The adaptation of borrowed nouns into the gender system of Batsbi (Nakh-Daghestanian, Georgia). In: Forker, D. & Grenoble L.A (eds.) *Language contact in the territory of the former Soviet Union*.
- Wicher Schreur, J. 2018. "Collection and annotation of the corpus of the Batsbi language." Paper presented at International Conference for Linguists and Caucasiologists, Tbilisi, 22–24/11/2018.

RUSSIAN AS A POSTCOLONIAL INDIGENOUS LANGUAGE*

Mira Bergelson

National Research University Higher School of Economics
Institute of Linguistics, RAS

Andrej A. Kibrik

Institute of Linguistics, RAS
Lomonosov Moscow State University

The concept of “indigenous language”, topical in 2019 and at this conference, is not at all obvious. As even a preliminary research shows, this term does not get a comprehensive definition. The English-language Wikipedia, supposedly a result of the world’s collective intelligence, defines “indigenous” based on the term “native”: “An indigenous language or autochthonous language is a language that is native to a region and spoken by indigenous people.” One finds a similar definition in a UNESCO document (Bühmann and Trudell 2008) referring to a well-known author (Spol'sky 2002).

Of course, some cases are more obvious than others. For example, Basques are an indigenous ethnic group in the Pyrenees, and the Basque language is definitely indigenous to that area. At the opposite end of the scale, the Turkish population in Germany is not indigenous to that area (country). There are many cases lying in between these two extremes. Will be Native Americans, forced by the US government to move to Oklahoma in the 19th century, considered indigenous there? Are the Yakuts indigenous to the northeastern Siberia if they only arrived there a few centuries ago? Can one consider Russians an indigenous population of modern Central Russia, assuming that East Slavic groups arrived in the first millennium from the west to this area, then populated by Finnish and Baltic peoples? All of these complicated questions suggest that the lack of clear definitions of “indigenous”, pointed out above, is not at all incidental. Attempts to draw boundaries of the category “indigenous language/ethnic group” are quite problematic and even dangerous. In the current social context, it makes sense only to separate the most obvious cases of non-indigenous languages (ethnic groups) and to consider all the others indigenous to an extent.

Then, most non-indigenous languages (ethnic groups) would be those that result from migrations in the first (or first-second) generation. Another relatively clear case is those languages (ethnic groups) that spread in the last five centuries as a result of deliberate colonization and became newly dominant in certain territories. These kinds of colonial languages are generally considered non-indigenous as well. English has been spoken in Australia for over two hundred years, but such a duration did not make the native speakers of English an indigenous people of Australia, nor English an indigenous language. This is clear from the modern Australian discourse in which English is set apart from the indigenous languages/ethnic groups inhabiting Australia before the colonization – see for example Inquiry 2012. So, it appears that the term “indigenous” presupposes the notion of “non-dominance”. Icelanders are rarely spoken of as indigenous, because they are and have always been a dominant ethnic group in Iceland.

Our paper focuses on a more complicated case – Alaskan Russian. Along with other European powers, Russia was expanding its territory, but unlike British, French and Portuguese, the Russian colonization was terrestrial, except for the North American case. Russian possessions in North America were called *колонии* ('colonies'), which was not the case for the Siberian lands. In the 19th century, the Russian population was dominant in Alaska with respect to more numerous indigenous ethnic groups. Still, after the sale of Alaska in 1867, the status of Russian was (though slowly and gradually) undergoing a dramatic change in the context of the new dominance of American English. Eventually Russian became a *postcolonial* language: an erstwhile colonial language that lost its dominance to a newer colonial language. At a certain point Michael Krauss (personal communication) suggested including Russian in the category of Alaska’s native languages. We compare

---

* Research underlying this paper was supported by a Russian Science Foundation grant #17-18-01649.

Alaskan Russian with other languages having undergone similar transformation (Afrikaans, Cajun French, Portuguese in Macao, and some other cases). Our goals include determining the category of post-colonial languages, creating their typology and searching for shared structural and functional features.

Modern Alaskan Russian is a unique blend of various external influences upon the Russian base. In addition to early Aleut, Eskimo and Athabaskan influences that have appeared during the original colonial stage, there is a number of specifically postcolonial features, resulting from the loss of connection with the metropole after 1867 and from the new English dominance. In particular, these postcolonial features are:

- preserved archaic features of the 19th century Russian, having evanesced from Continental Russian during the 20th century;
- independent local innovations, not found anywhere in Continental Russian;
- English influences acquired by the modern speakers, born in 1920s and 1930, who were growing in the situation of Russian-English bilingualism.

References

Dörthe Bühlmann and Barbara Trudell. Mother tongue matters: local language as a key to effective learning. UNESCO, 2008. https://unesdoc.unesco.org/in/documentViewer.xhtml?id=p::usmarcdef0000161121&file=/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_d3cd4d72-f0df-44d3-affa-2829904695f3%3F_%3D161121eng.pdf&locale=ru&multi=true&ark=/ark:/48223/pf0000161121/PDF/161121eng.pdf#page=34&zoom=auto,28,623

Inquiry into language learning in Indigenous communities. Commonwealth of Australia, 2012. https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/House_of_representatives_Committees?url=/atsia/languages2/report

Spolsky, B. 2002. Prospects for the survival of the Navajo language: a reconsideration. Anthropology and Education Quarterly, Vol. 33, No. 2, pp. 139–62

KEEPING INDIGENOUS LANGUAGES STRONG THROUGH RECOGNITION

Steven Bird

Charles Darwin University

Over the past three years I have begun investigating a new approach to language maintenance based on recognition. A key factor in language shift is the prestige of a language; members of the mainstream society unwittingly send a powerful signal to linguistic minorities, by showing in countless ways that small languages do not matter, or that they are merely a barrier to the free flow of information. Yet for these communities, language indexes identity and place. Maintaining the local language is linked to sustaining cultural practices and strong local identity. How then can outsiders influence the vitality of a language?

Existing practices involve working with communities to create linguistic resources and to build their linguistic capacities (Hinton 2001, 2002; Shafer 1998). This is necessary for maintenance and revitalisation, but not sufficient for addressing the dominant pressure on indigenous languages: a history of low prestige amongst the locally dominant culture.

Recognition Theory is a body of work in social science that accounts for the way personal identity is shaped by recognition and how non-recognition inflicts harm on ethnic and linguistic minorities 'imprisoning someone in a false, distorted, and reduced mode of being' (Taylor 1994). Simple attempts to redress the recognition deficit have led to new kinds of oppression and disrespect (McBride 2013). Thus, when members of mainstream society show respect for indigenous languages and the people who are keeping them strong, they may contribute to the vitality of these languages. I will report on two initiatives in this area.

The first is a new format for public storytelling in which speakers of indigenous languages take to the stage in places of high culture to share stories in the original languages. To date we have run eight storytelling shows featuring indigenous languages from Africa, Asia, Australia and North America (treasurelanguage.org). Several more storytelling shows are scheduled to take place during 2019 (see iyil.org) and we see potential for trying this format in Russia.

The second initiative is a series of non-intrusive mobile technologies which support experiential language learning; speakers of the dominant language who work in remote regions may use these methods to learn task-specific vocabulary in the local indigenous language. The goal is not fluency but rapport and recognition.

The result of both of these initiatives is to show indigenous minorities that their languages are important enough to be heard, and important enough to be learnt. The presentation will report on actual practice during a three year period, producing storytelling shows, and learning to participate in the life-world of a remote indigenous community.

References

- Hinton, Leanne (2001). The Master-Apprentice Language Learning Program. In Hinton and Hale (eds), *The Green Book of Language Revitalization in Practice*, Academic Press.
- Hinton, Leanne (2002). *How to Keep Your Language Alive*. Heyday.
- McBride, Cillian (2013). *Recognition*. Wiley.
- Shafer, Susanne (1988). Bilingual/bicultural education for Maori cultural preservation in New Zealand. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 9, 487–501.
- Taylor, Charles (1994). *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton University Press.

MANSI DIMINUTIVES IN A CULTURAL LINGUISTIC FRAMEWORK

Bernadett Bíró

University of Szeged

In my presentation I examine the diminutive suffixes of Mansi from a cultural linguistic point of view.

Mansi is a Uralic/Finno-Ugric language, its only remaining dialect is Northern Mansi spoken by cca. 1000 people in Western-Siberia. Northern Mansi is a seriously endangered language, almost all of its speakers are Russian-Mansi bilinguals.

Diminutive suffixes are used in many languages and present interesting examples of language phenomena which encode cultural rules and meanings. Extensive research has been done on such aspects of Slavic languages (Gladkova 2015, Wierzbicka 1979). In Mansi two diminutive suffixes are used: *-riš* ~ *rəš* and *-kwe* (*-ke*). They are very productive and can be likely attached to any word with the exception of conjunctions (Rombandeeva 1973: 176). A curious feature of Mansi is that these diminutive suffixes occur also in verb conjugation as well, attaching to any verb stem, with the possibility that then genus, tense and mood inflections can also combine with them. When attached to verbs, they serve to express subjectivity: *-kwe* (*-ke*) expresses the speaker's positive stance and adds a meaning of affection and politeness to the verb, cf. examples (1) and (2), while *-riš* ~ *rəš* expresses regret and scorn, cf. examples (3) and (4) (Rombandeeva and Vahruseva 1989: 140, Riese 2001: 59). In the case of nouns derived with the two diminutive suffixes, however, the positive and negative meanings are not conveyed necessarily, cf. *piyriš* 'little boy', *piykwe* 'little boy'.

The aim of my presentation is to show exactly what principles govern the use of diminutive suffixes and what cultural phenomena are behind these principles as well as to ascertain whether the positive and negative meanings associated with the two derivational suffixes are really so clearly separable. My investigation is based on both written sources and data collected from informants.

Examples:

(1) *toti-ke-m*

bring-DIM-1SG

'I gladly bring'

(2) *toti-ke-n!*

bring-DIM-IMP.2SG

'Bring some, dear!'

(3) *toti-riš-əm*

bring-DIM-1SG

'I bring, poor me (it is hard for me)'

(4) *tājə-riš-en!*

eat-DIM-IMP.2SG

'Eat (you poor, pitiable hungry wretch)!' (Munkácsi 1894: 40, Kálmán 1989: 56, 61)

References

Gladkova, Anna (2015): Ethnosyntax. In: Sharifian, Farzad (ed.), *The Routledge Handbook of Language and Culture*. Routledge, London and New York. 33–50.

Kálmán, Béla (1989): *Chrestomathia Vogulica*. Tankönyvkiadó, Budapest.

Munkácsi, Bernát (1894): *A vogul nyelvjárások szórágazásukban ismertetve*. [Dialects of Mansi presented through their inflection.] MTA, Budapest.

Riese, Timothy (2001): *Vogul. Languages of the World/Materials 158*. Lincom Europa, Muenchen.

Rombandeeva, Evdokia Ivanovna [Ромбандеева, Евдокия Ивановна] (1973): *Mansijskij (vogulskij) jazyk*. [Мансиjsкий (вогульский) язык.] Издательство «Наука», Москва. 65–79.

Rombandeeva, Evdokia Ivanovna – Vahruseva, M. P. [Ромбандеева, Евдокия Ивановна – Вахрушева, М. П.] (1989): *Mansijskij jazyk*. [Мансиjsкий язык.] Просвещение Ленинградское отделение, Ленинград.

Wierzbicka, Anna (1979): Ethno-Syntax and the Philosophy of Grammar. *Studies in Language* 3:3, 313–383.

**INDIGENOUS LANGUAGES, INTERPRETERS AND TRANSLATORS
IN THE ACCUSATORY CRIMINAL JUSTICE SYSTEM
IN THE STATE OF GUERRERO, MÉXICO**

Rubina Espinoza Flores
Autonomous University of Guerrero

Translators and interpreters in native languages are very important in the criminal justice system, since they are considered language bridges between justice administrators and related citizens in a criminal proceeding (López, 2014). By not granting an interpreter or using translations in the original languages, their linguistic rights are violated; thus, condemned to face a process without understanding anything ad consequently are subject to multiple violations of their human and linguistic rights (Hernández, 2015).

In order to carry out this work, the qualitative and quantitative methodology was used, in which questionnaires were applied to the people who are imprisoned in the Social Readaptation Center (CERESO) of Chilpancingo, Guerrero, and who speak one of the indigenous languages that exist in Mexico.

The results obtained were that 90% of the people stated that they were not granted an interpreter, in their indigenous language during their criminal process; except in some cases they mentioned that they did have an interpreter, but only in their first statement, adding that they did not understand him, mentioning that they were not from the same original town. López, Sánchez (2014) points out that a misinterpretation or translation, of native languages, can define the legal status of a person, freedom or imprisonment.

Bibliographic references

Hernández Priscilla (2015). Indigenous before justice: without interpreters, without defense. Magis ITESO. Retrieved from: <http://www.magis.iteso.mx/content/ind%C3%ADgenas-la-justicia-sin-int%C3%A9rpretes-sin-defensa>.

Ten News (2014). Enables INALI interpreters in maternal languages for new accusatory criminal system. Video file Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=jogdbgbWuKM>.

MIXED LANGUAGES FROM THE PERSPECTIVE OF COMPARATIVE LINGUISTICS

Ekaterina Gridneva

Higher School of Economics, Moscow

This study aims to consider the core vocabulary of four mixed languages from the stance of traditional comparative linguistics. The following languages are under the study: Michif, Medny Aleut, Media Lengua and Gurindji Kriol.

Swadesh defined the ‘core’ vocabulary as the part of the lexicon is basic in all cultures (Swadesh 1971: 203), (Campbell 2013: 140). Core vocabulary is supposed to be stable and is thus more useful to establish genealogical relations of a language than less stable lexicon. For mixed languages, there is a discussion whether conventional comparative methods yield interpretable results. We want to test whether core vocabulary comparison yields counts that show lexical mixture to the same extent as vocabulary in general.

Michif is a mixed language based on French and Plains Cree. The Cree part of the language remains grammatically intact, while the French vocabulary and morphosyntax is dominant in noun phrases. It also combines two separate phonological systems: one for the lexical items of French origin, the other for those of Cree origin (Bakker 1997).

Medny Aleut is spoken on Bering island and shows blending of Russian and Aleut elements in most components of the grammar, but most profoundly in the verbal morphology. The Aleut component comprises the majority of the vocabulary, all the derivational morphology, part of the simple sentence syntax, nominal inflection and certain other grammatical means. The Russian components comprise verbal inflection, negation, infinitive forms, part of the simple sentence syntax and all of the compound sentence syntax (Головко, 2009), (Головко, Вахтин, 305, 1997).

Gurindji Kriol is a mixed language which is spoken by Gurindji people in the Victoria River District of northern Australia. It arose from contact between white pastoralists who spoke English, and the Gurindji, the traditional owners of the country the pastoralists colonised. This language consists of lexicon and structure of Gurindji, a Pama-Nyungan language, with Kriol, an English-lexifier creole language. Typologically, Gurindji Kriol exhibits a split between the verbal and nominal systems (Meakins 2008).

Media Lengua, a mixed language with mostly Quechua syntax, morphology, phonology, and semantics and Spanish lexical shapes. This language is spoken in Central Ecuador by a Quechuan group known as the Obreros (Muysken 1997). Morphology and syntax of Media Lingua is Quechua and therefore agglutinating with around 90% of its stems replaced by Spanish forms (the introduced language) (Bakker, Matras 2013).

In this section we consider the results of Swadesh lists usage to find out whether these mixed languages (Medny Aleut, Michif, Media Lengua and Gurindji Kriol) are mixed from the comparative methodology point of view. For this study Swadesh 200 lists were used. Medny Aleut and Michif lists were collected by the author with the help of the dictionaries. Media Lengua and Gurindji Kriol were made by Pieter Muysken and Felicity Meakins correspondingly. Firstly, we consider the Medny Aleut language. The majority of the vocabulary came from Aleut language (70%). Only 11% are originally Russian. It is interesting to note that the word father has 2 variants and both have Aleut and Russian roots *ayaxx* (Aleut etymology) and *taatkaxx*¹ (Russian etymology) while the word mother has the Russian origin only. Cardinal numbers share both Russian and Aleut etymology. Finally, prepositions and conjunctions have either Russian roots or Russian and Aleut roots. Moreover, all conjunctions in Medny Aleut language are Russian by origin (there are no conjunctions in Aleut, with the exception of *ama* 'and' – only for the connection of two names). As a con-

¹ Russian word *mama* /*tata*/ means ‘father’ according to some Russian dialects.

sequence, the results are expectable. All in all, the results show that Medny Aleut is not mixed from the Swadesh list point of view. The vast majority of its vocabulary belongs to Aleut language while just the tenth part belongs to the Russian language. Michif language is a ‘perfect’ mixed language from Swadesh list 200 point of view. It is half Cree and half French plus there are some words with mixed etymology and unknown word. The results are expected with a few exceptions, if consider Swadesh list from the word classes distribution. There were French nouns and Cree verbs, adjectives can be French and Cree, French, personal pronouns are derived from Cree etc. Also there are some words which have both Cree and French origins. To conclude, we can mention that the core vocabulary in the Michif language is evenly distributed and it is a purely mixed language in terms of basic vocabulary field. The results of Swadesh list collecting correspond to the general description of the Media Lengua language. The majority of content words are replaced by their Spanish derived forms. Swadesh list approves this statement. According to the statistics, most of the core vocabulary originated from Spanish. In conclusion, the results show that Media Lengua is not a mixed language in terms of core vocabulary. The vast majority of the words belong to Spanish origins. Gurindji Kriol presents almost even distribution of the basic vocabulary between the lexifieres languages: 35 % of the core vocabulary came from Kriol and 28 % came from Gurindji. What is interesting about this language is that the biggest proportion of the overall words’ number originated from both languages. Meakins (2008) states that ‘there are are synonymous forms from both languages which are used interchangeably, depending on a number of sociolinguistic factors including group identification and the age of the addressee’. There is an example: the Gurindji form *tipart* (jump) may be chosen if the speaker is addressing an older person, whereas the Kriol form *jam* may be used in conversation with peer groups or younger people (Meakins & O'Shannessy, 2005, p. 45). Additionally, it is worth to consider synonyms and the preferred forms. In other words, here are the words originated from Kriol and Gurindji and the preferred word (where both Kriol and Gurindji forms are in use). To sum up, we can conclude that Gurindji Kriol is really mixed in terms of basic vocabulary. However, it has its interesting feature connected to the big proportion of synonymous forms from both languages.

These results show that not all the mixed languages are purely mixed from the comparative linguistics point of view. This conclusion leads to the further question and studies: what are the mixed languages and its nature in terms of comparative linguistics. Now we can state that only some languages are really mixed while others have very strong influence of the one lexifier language.

Reference list

- Kassian, A. et al. "The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification." Вестник РГГУ. Серия «Филология. Вопросы языкового родства» 16 (59) (2010).
- Bakker, P. (1997). A language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis (Vol. 10). Oxford University Press.
- Bakker, P., & Papen, R. A. (1997). Michif: A mixed language based on Cree and French. Contact languages: a wider perspective, 17, 295.
- Campbell, Lyle. Historical linguistics. Edinburgh University Press, 2013.
- Heine, B., & Kuteva, T. (2005). Language contact and grammatical change. Cambridge University Press.
- Matras, Y. (2000). Mixed languages: a functional–communicative approach. Bilingualism: Language and Cognition, 3(2), 79–99.
- Matras, Y. (2009). Language contact. Cambridge University Press.
- Matras, Y., & Bakker, P. (2003). The study of mixed languages. Trends in linguistics studies and monographs, 145, 1–20.

- Matras, Y., & Bakker, P. (Eds.). (2003). *The mixed language debate: Theoretical and empirical advances* (Vol. 145). Walter de Gruyter.
- Swadesh, M. (1950). Salish internal relationships. *International Journal of American Linguistics*, 16(4), 157–167.
- Velupillai, V. (2015). *Pidgins, creoles and mixed languages: An introduction* (Vol. 48). John Benjamins Publishing Company.
- Головко, Е. В. (2009). Алеутский язык в Российской Федерации (структура, функционирование, контактные явления). Дисс.... докт. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб.
- <https://www.ethnologue.com>

SOME BACKGROUND INFORMATION ABOUT THE EUROPEAN CHARTER FOR REGIONAL OR MINORITY LANGUAGES

Camiel Hamans

Comité International Permanent des Linguistes /
University of Amsterdam / Adam Mickiewicz University Poznań

The aim of this paper is to provide some background information about the European Charter for Regional or Minority Languages.

The Charter is a European convention initiated and adopted by the Council of Europe. The Charter was adopted in 1992 and came into force in 1998. Although the Russian federation is one of the member states of the Council of Europe and although the Russian federation signed the Charter on 10 May 2001, the Russian Federation never ratified the Charter.

From 2009 to 2012 the Council, the Russian federation and the European Union implemented a joint programme ‘Minorities in Russia: Developing Languages, Culture, Media and Civil Society’, which aimed, *inter alia*, at helping different public authorities that would be involved in the future ratification and implementation of the Charter. However so far, the Charter has not yet been ratified by the Russian Confederation.

That is why it may be interesting to sketch the background of the charter. In this presentation it will be shown how the Charter originally has been drafted as a peace instrument aiming at stopping linguistic wars in Western Europe. The initiatives leading to the Charter mainly came from politicians in countries where serious linguistic disputes led to unrest and violence. In for instance a country such as Spain the 19th century nationalistic philosophy of coincidence of nation and language was prevailing. Giving rights to (linguistic) minorities was considered to be a threat to the unity of the state. To provide some background information about the 19th century ideas about the relation between nation and language a short excursion is made to 19th century German philosophy.

After 9 November 1989 the Council of Europe could welcome new member states with their own problems and peculiarities. However, the existing or upcoming treaties of the Council were not adopted to the new situation. So, the Charter also had to deal with for instance the still-tangible linguistic effects of the Treaty of Trianon (1920). The Committee of Experts, which monitors the implementation of the Charter in the different signatory countries, simply tries to apply the effect of the treaty to new situations. In this presentation a few examples will be showed.

In addition, it will be explained why the treaty does not define essential notions such as language and dialect, minority, region or recent immigration. Finally, the paper will end with the presentation of a few (best) examples of the implementation of the Charter and with a brief comparison between the Charter and Russian language law.

REDUPLICATED ADJECTIVES AND ADVERBS IN FINNIC ANGUAGES

Heinike Heinsoo, Eva Saar
University of Tartu

The purpose of my presentation is to compare Finnic reduplicated adjective and adverb compounds from morphological, etymological and semantic perspective.

In Finnish, a large number of adjectives and adverbs are formed with the help of reduplicated particles (Kotilainen 2014: *prefiksoid*). This type of words belongs to the category of reduplicated compounds. Their modifiers are typically sound combinations which, at least at first sight, seem to lack an independent meaning. The only function of the modifier seems to be to emphasize the meaning of the head of the compound, without altering it.

The same kind of adjectives exists also in Estonian: e.g. *uhiuus* ‘very new’, *võhivõõras* ‘very alien’. However, Finnish *jäpi-*, *pilkko-* *puti-*, *ruti-*, *selko-*, *sepo-*, *supi-*, *tipo-*, *typö-*, *täpö-*, *upi-*, *upo-*, *vento-*, *viho-*, *ypö-* particles seem not to have much in common with *uhi-*, *võhi*, *puru-*, *ihu-*, *haru-* etc. particles in Estonian compounds. Furthermore, there are similar compounds also in the Votic language: *kupokuiva* ‘very dry’, *köhiköyhä* ‘very poor’, *pilkopimiä* ‘very dark’, *siposiittiä* ‘very clean’, *upiuuvvökköin* ‘very new’, *vapivana* ‘very old’; or adjective *tšepotšennätä* ‘barefoot’; and in the Ingrian language: *mäeoï märgä* ‘very wet’, *kueoi kuiva* ‘very dry’.

There are not many reduplicative affixes that would exist in all languages discussed here (Estonian, Finnish, Votic, Ingrian), but the method of formation is rather similar in all of them: the structure of the affix is typically (C)VCV and it doesn’t seem to carry an independent meaning; moreover, there is often alliteration between the modifier and the head.

Only few of the reduplicative adjectives share both the meaning and form in several Finnic languages: Vot *pilkopimiä*, Fi *pilkopimeä*, Est *pilkases pimeduses* ‘very dark’, Fi *upouusi*, Vot *upiuusi*, Est *uhiuus*, Izh *uboi uus* ‘very new’.

A rather similar situation is found in descriptive verbs. The descriptive verbs in Estonian, Finnish, Votic and Ingrian only rarely share the same meaning, even though their structure is similar (Heinsoo, Saar 2015). Sound imitations and reduplication are frequent features in descriptive vocabulary, and descriptive adjectives often also have affective connotations. The usage of this type of adjectives seems to be decreasing, though.

There are also cases where the modifier does have an independent meaning, but within a compound its function is to emphasize the meaning of the head: Fi *patalaiska* (*pata* ‘kettle’ + *laiska* ‘lazy’) ‘very lazy’; Fi *sikasiisti* (*sika* ‘pig’ + *siisti* ‘clean’) ‘super’; Est *verinoor* (*veri* ‘blood’ + *noor* ‘young’) ‘very young’.

Due to alliteration, the adjectives and adverbs described above are in some respect similar to rhyming compounds, which exist in different languages: Eng *kissy wissy*, *piggi wiggi*, Est *pilla palla*, Vot *mürri marri*, Fin *hyrskyn myrskyn* ‘in disorder’. However, unlike the compounds described earlier, the latter do not involve any component with (fully) independent meaning. The group of words discussed here belongs to the category of phrasal compounds. The modifier lacks independent meaning and the head, in turn, is an adjective which often has a high frequency: e.g. *noor* ‘young’, *vana* ‘old’, *uus* ‘new’, *vaene* ‘poor’, *rikas* ‘rich’, *puhas* ‘clean’, *pime* ‘dark’, *võõras* ‘stranger’. In Finnish language this formation type is especially common in colloquial language: e.g. prefix *si-ka-* ‘very’ or adjective *ökyrikas* ‘very rich’.

In the analysis I have partially used the typological classification presented in (Рожанский 2011).

References

- Heinsoo, Heinike; Saar, Eva 2015. Sound symbolism of expressive verbs in Finnic languages (Estonian, Finnish, Ingrian, Votic). *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri / Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 6 (1), 55–74.
- Kotilainen, Jaana 2014. Intensiivsusprefiksoididest. Imearmetust padukarskeni. *Oma Keel* 2, 13–20.
- Рожанский Федор 2011. Редупликация. Опыт типологического исследования. Москва.

HILL MARI FIELD (TEAM PROJECT OF OTIPL MSU)*

Egor Kashkin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS

The talk focuses on a team fieldwork project led by the author at Moscow State University, Department of Theoretical and Applied Linguistics (OTIPL MSU) since 2016. It deals with the Eastern subdialects of Hill Mari spoken in the village of Kuznetsovo and in some neighbouring villages (in particular, Apshak-Pelyak, Kukshilidy, Kozhlananger, Nikishkino, Pulkino, Tyumanovo, Yashpatrovo), Mari El Republic, Russia¹. I will describe the main results achieved so far, provide some sociolinguistic characteristics of the subdialects in question (see Kuklin 2010; Yazyk i obshchestvo 2016: 268–272, 746–752; Shabykov, Kudryavtseva 2017 on the general situation with Mari), and discuss how the fieldwork methods we have chosen can be used under the given socio-linguistic conditions.

The project team has adopted the collective approach to fieldwork introduced in Kibrik 1972, 2005. We rely on both elicitation and analysis of texts recorded and transcribed in fieldwork. The research focus is put on Hill Mari grammar and lexical semantics. I will present a website on which our results are available.

Hill Mari is the main language of everyday communication in the area where we carry out our fieldwork. However, it is involved in a changing situation of interaction between several languages. Many younger speakers shift to Russian (although they still can speak Hill Mari). At the same time, the local variety of Russian is influenced by Hill Mari, which results in grammatical and lexical calques. As is well-known (see e. g. Fedotov 1990), Hill Mari has a long-lasting contact with Chuvash. According to the survey we have conducted, nowadays most of Hill Mari speakers do not know Chuvash. At the same time some speakers mentioned that their parents and grandparents had spoken Chuvash due to mixed marriages, trade etc.

One more language variety which influences the subdialects under consideration is Standard Hill Mari. It is familiar to all of our consultants and was taught at school at least up to the first half of 2018 (further situation rapidly changes because of an amendment in Russian legislation). Some of our consultants studied Standard Hill Mari and / or Standard Meadow Mari in the system of higher education.

Our work raises some methodological issues, which will be illustrated with language examples in the talk: interaction between elicitation and corpus studies; proportion of fully spontaneous and experiment-based texts in the corpus; interpreting elicited data from more literate and less literate consultants; working with Russian stimuli and responses during elicitation etc.

References

- Fedotov M. R. Chuvashskomarijskie yazykovye vzaimosvyazi [Interaction between the Chuvash and Mari languages]. Saransk: University of Saratov (Saransk branch), 1990.
- Kibrik A. E. Metodika polevyh issledovanij (k postanovke problemy) [Methodology of fieldwork (setting the task)]. Moscow: MSU, 1972.
- Kibrik A. E. Opyt OTIPLa (filfak MGU) v izuchenii maloopisannyh yazykov [Experience gained by OTIPL (Faculty of Philology, MSU) in the studies of underdescribed languages] // Malye yazyki i tradicii: sushchestvovanie na grani. Vyp. 1. Lingvisticheskie problemy sohraneniya i dokumentacii malyh yazykov

* The work has been supported by RFBR (project № 19-012-00627 carried out at Moscow State University).

¹ There are two official languages in the Mari El Republic: Meadow Mari and Hill Mari. They belong to the Uralic family. Some sources treat them as the varieties of one Mari language.

[Minority languages and traditions: being on the edge. Vol. 1. Linguistic problems of preserving and documenting minority languages]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 53–71.

Kuklin A. N. Osobennosti funkcionirovaniya marijskogo yazyka v Uralo-Povolzhskoj istoriko-etnograficheskoy oblasti [The specifics of Mari language functioning in the Ural-Volga historical-ethnographic area] // Finno-ugorskij mir, № 1, 2010. P. 17–23.

Shabykov V. I., Kudryavtseva R. A. Yazykovaya situaciya v Respublike Marij El v nachale 2010-h godov: sociolingvisticheskij analiz [Language situation in the Mari El Republic in early 2010s: a sociolinguistic analysis] // Ural-Altaic Studies, № 3, 2017. P. 208–229.

Yazyk i obshchestvo. Enciklopediya [Language and society. Encyclopedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016.

SPREAD OF RUSSIAN IN THE SOVIET NORTH: A STUDY IN SOCIOLINGUISTIC HISTORY*

Olesya Khanina

Institute of Linguistics, RAS / University of Helsinki

This paper presents a part of a bigger study on linguistic history of the Tajmyr peninsula in the north of central Siberia.

This peninsula is home to several indigenous languages: Tundra Nenets, Forest and Tundra Enets, Nganasan (all Northern Samoyedic), Dolgan (Turkic), and Evenki (Tungusic). From the 19th century on, Russian has also been present in the area, and since the 1970s a language shift to Russian is ongoing, making all Tajmyrian indigenous languages endangered today. Now, Forest and Tundra Enets, as well as Tajmyrian Evenki, have no speakers younger than 60 years old, and count each a couple of dozens of speakers. Nganasan has several dozens of speakers, and the youngest are above 40 years old. Tajmyrian Tundra Nenets and Dolgan are the least endangered with ca. 1800 full speakers for the former and ca. 800 full speakers for the latter; in some areas of Tajmyr, even some children speak Tundra Nenets and Dolgan. In contrast, Russian speaking population of Tajmyr now counts ca. 35 000 (excluding the industrial city of Noril'sk with its ca. 175 000 inhabitants).

In the 1920s, only very few indigenous individuals spoke Russian, receptive or active bilingualism in neighboring languages being the norm for all local language communities (see Khanina & Koryakov 2018, Khanina 2019 for more details). The central research question of this paper is how the change from this situation to the omnipresence of Russian and the language shift in the 1970s had actually happened. We take an example of the Samoyedic communities, the Tundra Enets, the Forest Enets, the Nganasans, and the Tundra Nenets, to present the minute details of where, when, and how the native speakers of these languages acquired Russian; where, when, and how they used it; and how these patterns changed with time within the studied period, from the 1920s – until the 1970s.

The data used for this study are semi-structured sociolinguistic interviews conducted in 2017 with elder representatives of the corresponding ethnic groups, complemented by published ethnographic accounts of the 20th century Tajmyr by Boris Dolgikh, Vladimir Vasil'jev, and Vladilen Tugolukov. The interviews were all centered around sociolinguistic past of the elder relatives of the respondents (parents, grandparents, elder siblings, etc.) and their own childhood years, cf. a similar methodology applied in Dobrushina (2013). All mentions of Russian or the Russians in these interviews have been organized into a timescale, with dates of birth of the respondents and their relatives, and years of their schooling: the latter was important source of information, as every respondent could well remember whether s/he could speak Russian by the start of his/her school years. Besides, most respondents could also recall how and when their parents had learnt Russian, as this turned out to be a part of the living memory for the modern indigenous communities.

As a result, we reconstruct a complex picture of sociolinguistic changes undergone by the Samoyedic language communities of Tajmyr. The Enets and the Nganasan cases are shown to be very similar, with just a dozen of years difference, the latter being exposed to the everyday presence of Russian later than the former. For the both communities, we discover an abrupt dividing line between a generation born before the mid-1930s, who had never acquired Russian fully and predominantly used their native languages in all domains, and the one born after that, who spoke Russian as their other native language, and mainly used their mother tongue in communication with older generation, but not anywhere else. The Tundra Nenets case is described as somewhat

---

* Research underlying this paper was supported by grant #17-06-00460 from the Russian Science Foundation.

different, as acquisition of Russian did not stop the use of the native language for most of this community: this is explained by a direct connection of the use of the indigenous languages and traditional lifestyle for all Tajmyrian peoples. Unlike the Enets and the Nganasans, The Tundra Nenets had not been directly affected by the state anti-nomadic campaigns, and so managed to keep reindeer herding and the nomadic lifestyle until nowadays.

References

- Dobrushina, Nina (2013), How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan, *Journal of Sociolinguistics* 17 (3), 376–393.
- Khanina, Olesya & Yuri Koryakov. 2018. Mapping the Enets speaking people and their languages. In Sebastian Drude & Nicholas Ostler & Marielle Moser (eds.), *Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism (Proceedings of the Conference of the Foundation for Endangered Languages 22)*. London, Reykjavík: EL-Publishing. Online available at <http://elpublishing.org/>
- Khanina, Olesya. 2019. Dinamika mnogojazyčija v nizov'jax Eniseja: opyt sociolingvističeskogo opisanija situacii v prošlom [Dynamics of multilingualism in the Lower Yenisei area: a sociolinguistic study of the past]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 2019–1 (22).

IS GLOSSING UNIVERSAL?*

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics RAS / Lomonosov Moscow State University

During the last several decades, interlinear glossing has become standard among the linguists doing typologically-oriented and/or descriptive work. Glossing decisions are straightforward when we deal with structures known as agglutinative, cf. (1). There is a wide range of less than straightforward situations, many of which are covered in the well-known publication Comrie et al. 2015. Still there are various other difficulties, some of which we stumble on even in very familiar structures, such as traditional Indo-European conjugation. For example, how do we interpret the present form of a German verb form such as in (2)? In the (2a) analysis the meaning ‘present’ is missing. In the (2b) analysis this meaning is attributed to the desinence, which is questionable, as –e is ‘1Sg’ not only in the present. The (2c) analysis is the most explicit one, perhaps overexplicit and rarely used. So none of the analyses is obviously good. The problem is that the meaning ‘present’, crucial to the interpretation of the verb form, is somewhere in this verb form, but it is hard to say where exactly under the standard glossing approach. So the idea of interlinear glossing faces a major problem, as it aims at telling us specifically that: where in the morphological form each meaning is located.

When we are dealing with phenomena such as in (2), difficulties are relatively mild. Even though all of the analyses in (2) are problematic to an extent, none of them is terribly wrong. If a language displays such problems in some limited domain, we can circumvent the problem, for example by adding comments to an analysis. As Comrie et al. (2015: 2) cleverly say, “glossing is rarely a complete morphological description, and it should be kept in mind that its purpose is not to state an analysis, but to give some further possibly relevant information on the structure of a text or an example, beyond the idiomatic translation”.

However, there are languages in which difficulties with separating morphemes and connecting meanings with morphemes are so overwhelming, that attempts of morphemic glossing may seem counterproductive. Languages of the Athabaskan language family (North America) are of this kind. Specialists in these languages usually avoid using interlinear glossing in their publications. And there are reasons behind such avoidance. Consider one example in (3), just to explain the scale of the problem. The difficulties associated with this verb form as the following.

The verb root (the final morpheme) has an abstract meaning and means ‘act’

The root combined with the derivational prefix ni- gives rise to the meaning ‘see’

The root appears in the perfective form (allomorph)

The pre-root morpheme t- basically signals transitivization, but has a lot of idiosyncrasy in its use, including this particular instance in which no transitivization can be posited

The perfective prefix N- does not show up in 1Sg forms, being ousted by the 1Sg prefix s-

The perfective status of the form is formally conveyed by the prefix ghi-, technically a conjugation marker

The 1Sg prefix s- is itself ousted by the subsequent t-

A wide glossing is shown in (3a) and a narrow one in (3b). To my knowledge, representations such as (3b) have (almost) never appeared in Athabaskan linguistics. They are so complicated that they don’t make sense, unless verb morphology and morphophonemics are under discussion. Representations such as in (3a) are being avoided as well, for the reason that glosses such as “1Sg.Pfv.Trans.see”, corresponding to a morphological fragment in (3a) are not informative.

---

* Research underlying this paper has been supported by grant #17-06-00460 from the Russian Foundation for Basic Research.

In the talk I discuss various solutions to this problem, with the goal of making Athabaskan data more accessible to typologists and general linguists. The proposed solutions may be useful beyond Athabaskan, as many languages are not as agglutinative as the one cited in (1).

- (1) Tuvan, Turkic ‘I came’

men kel-di-m
I.NOM come-PAST-1.SG

- (2) German, Indo-European ‘I play’

- a. *ich spiel-e*
I.Nom play-1Sg
- b. *ich spiel-e*
I.Nom play-Pres.1Sg
- c. *ich spiel-ø-e*
I.Nom play-Pres-1Sg

- (3) Upper Kuskokwim, Athabaskan ‘I saw it’

- nighit' an'* ‘I saw it’
- a. *ni-ghi-t'an'*
Deriv-Conj-1Sg.Pfv.Trans.see
  - b. *ni- ghi- [s-] [N-] t- ?an'*
round Conj 1Sg Pfv Trans act.Pfv

References

Comrie, Bernard, Martin Haspelmath and Balthasar Bickel. 2015. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>

DOCUMENTATION OF NORTHERN MIXE VARIETIES (MIXE-ZOQUEAN, MEXICO)

Ana Kondic

Max Planck Institute for the Science of Human History

Last summer I carried out a short project of collecting narratives in un(der)-described Northern varieties of Mixe (Mixe-Zoquean), as spoken in the state of Oaxaca, Mexico. The project 'Documentation of Mixe language and culture of Oaxaca' was carried out from May 1 to August 31, 2018.

In this presentation I would like to share my experience of working with the native speakers of these three varieties of Mixe, including the variety of Tlahuitoltepec, as well as the remoted Totontepec and Cotzocon Mixe, never before described. The result of this field work is a 420 pages collection of narratives in this language, translated into Spanish and then into English. The book contains a thematic dictionary of about 3000 words in all the three varieties, and a CD with audio recordings.

The lack of teaching materials also makes it very difficult for teachers to pass the language and the culture to the new generations. At the end of the project, after many efforts, I was able to hand out to these Mixe communities this collection of texts with the thematic dictionary and a CD with audio recordings, done in close collaboration with the community members. For Cotzocon Mixe, these are the first words ever written down and printed in their native language. Now these communities have materials that can be used for teaching new generations of speakers, and for other language maintenance and revitalization purposes.

EVIDENTIALS RELATED TO MEDIA IN UDMURT

Rebeka Judit Kubitsch
University of Szeged

The presentation discusses the evidentials in Udmurt in relation to media. It also attempts to give explanation for the characteristics in the usage of evidentials in the press.

Udmurt is a Uralic language, part of the Permic subgroup, spoken in the Volga-Kama region. According to Ethnologue Udmurt has approximately 340 000 speakers.

Evidentiality is the linguistic marking of information source (Aikhenvald 2004: 3). Udmurt has an evidential system distinguished only in past tenses. In the evidential system there are two choices available, the firsthand (so called 1st past) and non-firsthand evidential (so called 2nd past). According to the correspondent literature, 1st past is used in case of witnessed events and 2nd past in case of unwitnessed (especially reported, inferred) events (Aikhenvald 2004: 28; Tarakanov 2011: 189; Skribnik–Kehayov 2018: 539). However, after Siegl (2004: 12) 1st past can be classified as a general past tense, so in other words, it is neutral from an evidential point of view. Consultation with native speakers also suggests that 1st past does not necessarily indicate a witnessed event – for example it is also applicable if the speaker has accurate knowledge about an otherwise unwitnessed event (consultation with Strelkova 2015). Yet, there are also several examples when the 2nd past is used in such cases too (cf. example 1–2). The 2nd past does not have an epistemic overtone, it refers to the information source and not to the speaker's evaluation about reliability (Kozmács: 2008: 170)

Example 1 (unwitnessed, accurate knowledge – 1st past)

Source: udm.wikipedia.org/wiki/Пушкин,_Александр_Сергеевич

1831-ti ar -jn 15-ti kwartolež-e Puškin kjšnojašk-i -z (...).
1831-ORD year-INN 15-ORD May -ILL Pushkin marry -1PST -3SG
'In 1831, on the 15th of May Pushkin got married.'

Example 2 (unwitnessed, accurate knowledge – 2nd past) Source: *Udmurt dunne*; 18/06/2008

1945-ti ar -jn dádú-je nüles koraš -jos pęlin uža -m ní.
1945-ORD year-INN aunt-Poss.1SG forest logger -PL Pr work -2PST.3SG already
'In 1945 my aunt already worked among forest loggers.'

The ambiguous nature of the Udmurt 1st past raises the questions, that how information is presented in the media and how do the speakers relate to information acquired through the media. The typology of evidentiality pays attention to the conventions of evidential usage in different types of knowledge. New ways of acquiring information (television, radio, newspaper etc.) may affect these evidential conventions. (Aikhenvald 2004: 344; 353)

The material for research evidentials in media was taken from *Udmurt dunne*, the main Udmurt language newspaper and from the Udmurt language news of the channel called *Udmurtia*. The material consists of fifteen issues of *Udmurt dunne* and ten broadcasts of news. My hypothesis was that the 2nd past in the Udmurt language media in its reportative function will not be widely used, rather 1st past will be preferred, since such knowledge can be considered as accurate. I also assumed that 2nd past will occur in case of inference (i.e. result of an earlier event). Regarding the speakers' evaluation my hypothesis was (based on my earlier research) that they will prefer 1st past if they refer information acquired through the media.

It can be concluded that 2nd past in the media is barely used. It does not occur in case of reported events, and in case of inferred information mostly the 1st past is used (cf. example 3).

Example 3 (about a young wood-carver) Source: *Udmurt dunne*; 04/09/2018

Pu -en vjri -nj so kutsk-i -z 5-ti klass-jn.
wood -INST engage.in -INF he start-1PST-3SG 5-ORD grade-INN
'He started to work with wood in the 5th grade.'

The speakers prefer to use 1st past if they report an information acquired through the television or newspapers (cf. example 4).

Example 4 (about the 11th of September in 2001) Source: *udmurto4ka.blogspot.ru*; 02/11/2014

So kule vjl -em lobži-nj so samoljot -jn,
He have.to to.be -2PST.3SG fly -INF that plane -INN
kudze terrorist -jos zahvati-f kar-i -zj.
that terrorist -PL occupy-INF do -1PST-3PL
'He should have travelled on the plane, that the terrorists occupied.'

The massive occurrence of 1st past regardless the source of knowledge, may suggest the conventionalized usage of the tense related to media. It is also clear that 1st past does not necessarily refer to witnessed events, so it seems to be on the way of "neutralization" from an evidential point of view.

The cultural linguistic approach of evidentiality might explain the lack of using 2nd past and the massive occurrence of 1st past. In the cultural interpretation of the category it is related to cultural conceptualization of trust in communicative situations and its function is to keep cohesion in the community (Bernárdez 2017: 456). It is possible, that in the globalizing and urbanizing world the urge of keeping this cohesion fades into the background. The usage of evidentials related to media can be the manifestation of this change in the way of life of the community and in the way of acquiring information. Information acquired through the media is considered accurate and reliable, hence it seems to be unnecessary to suggest that the speaker/writer did not witness the actual event in question.

References:

- Aikhenvald, A. Y. 2004. *Evidentiality*. Oxford University Press. Oxford.
- Bernárdez, E. 2017. Evidentiality – A Cultural Interpretation. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer.
- Ethnologue. <https://www.ethnologue.com/language/udm> (last visited: 13/12/2018)
- Kozmács, I. 2008. Az -šk- képző az udmurt (votják) igeképzés rendszerében. (*The -šk- derivational suffix in the verbal derivation system of Udmurt*) Constantine the Philosopher University. Nitra.
- Siegl, F. 2004. *The 2nd past in the Permic languages*. M.A. Thesis. Tartu.
- Skribnik, E. – Kehayov, P. 2018. Evidentials in Uralic Languages. In: Aikhenvald, A. Y. (ed.) *The Oxford Handbook of Evidentiality*. 525–555.
- Strelkova, B. O. 2015. A múlt idő kifejezése az udmurt nyelvben [Expression of past tense in Udmurt]. Szeged. (lecture)
- Tarakanov, I. V. 2011. Каронкыл. [Verbs] In: Tyimerhanova, N. N. (ed.) Удмурт қыллэн верасъконлюкетмодосэз (морфологиез) [The morphology of the Udmurt language]. Udmurt State University. Izhevsk. 138–254.

THE CASE SYSTEM OF ANKLUKH AND AMUKH DIALECTS OF DARGWA

Ibragim A. Kurbanov

Surgut State University

The project is devoted to synchronic description of the case system of Anklukh and Amukh dialects of Dargwa, one of the languages of Daghestan which belongs to the family of Nakh-Daghestanian (Northeast Caucasian) languages. The research resulted in singling out the inventory of grammatical cases and spatial (locative) forms in both dialects and defining qualitative and quantitative differences between the cases of Anklukh and Amukh dialects and Shari dialect, which has been analyzed by Professor Rasul O. Mutalov.

Grammatical cases include the forms of absolute, ergative, genitive, dative, comitative and adverbial (factive). The markers of all the six grammatical cases of Anklukh and Amukh dialects are absolutely identical both in singular and plural. In comparison with Shari dialect of Dargwa Anklukh and Amukh dialects do not have a special marker for adverbial or factive, it is similar to the case-ending of ergative (in its form but not in its grammatical meaning). Besides, the markers of the comitative case in Anklukh and Amukh dialects differ from those of Shari dialect. Anklukh and Amukh dialects do not possess instrumental and objective cases which function in most of Dargwa dialects, they are substituted by postpositional constructions.

Anklukh and Amukh dialects of Dargwa have 22 locative or spatial forms. The markers of locative forms in both dialects are also identical with a minor phonetic difference in the case-ending of elative. Anklukh and Amukh nouns do not possess any case-markers to denote the category of direction, both dialects have case-endings for the categories of localization and orientation only. There aren't any markers of allative with the meaning "approaching the area of location" in the dialects under study. This spatial meaning is denoted either by the markers of lative or by those of genitive with a postposition -šali. Apart from that, Anklukh and Amukh dialects do not have any localization case forms meaning "the area in front of the object" (ANTE) and "the area behind the object" (POST), the latter being marked by genitive with postpositions -salab or -hilab. In addition, the essive case of both dialects under study does not have any localization markers to denote "the area above the object" (SUPER), the latter being marked by genitive with a postposition -q'arib. It should be stated that locative (spatial) markers of Shari dialect of Dargwa demonstrate some significant differences from those of Anklukh and Amukh dialects both in the forms themselves and in their total number: according to the research conducted by Professor Rasul O. Mutalov there are 32 spatial forms in Shari dialect while the results of this study show that there are only 22 spatial forms in Anklukh and Amukh dialects.

Table 1. The markers of grammatical cases in Anklukh and Amukh Dargwa

No	Grammatical case	SG	PL
1.	Absolute	Ø	-ne, -be, -me, -re, -te, -de, -pe, -e
2.	Ergative	-li/-l	-ti
3.	Genitive	-la/-lla, -a	-lla
4.	Dative	-j/-li	-j
5.	Comitative	-c:il / -ic:il	-c:il
6.	Adverbial (factive)	-li	-ti

Table 2. The markers of locative (spatial) cases in Anklukh Dargwa

Orientation	Localization	SUPER	SUB	APUD	IN
LAT	-j, -li	-gu	-ši	-c:i, -li, -a, -ni	
ESS	—	-gu-b	-ši-w	-c:iw, -a-w, -i-w, -ni-w, -li-w	
ELAT	-li-ka	-gu-ka	-ši-ka	-c:i-ka, -a-ka, -li-ka, -ni-ka	

Table 3. The markers of locative (spatial) cases in Amukh Dargwa

Orientation	Localization	SUPER	SUB	APUD	IN
LAT		-j, -li	-gu	-ši	-c:i, -li, -a, -ni
ESS		—	-gu-b	-ši-w	-c:iw, -a-w, -i-w, -ni-w, -li-w
ELAT		-li-r-ka	-gu-r-ka	-ši-r-ka	-c:i-r-ka, -a-r-ka, -li-r-ka, -ni-r-ka

References

Sumbatova, N. R. Grammaticheskiye osobennosti i problema proiskhozhdeniya lichnykh pokazateley v darginskom yazyke. [On some grammatical features and the issue of the origin of personal markers in Dargwa]. Moscow : Russian State University for the Humanities Bulletin, Issue 5 (2011). Series "Philological Sciences. Linguistics", 2011. – pp. 110–129.

Kibrik, A. E. Konstanty i peremennye yazyka. [Constants and variables of the language]. St. Petersburg : Aleteya, 2003. – 720 p.

Mutalov, R. O. Padezhnaya sistema sharinskogo dialekta darginskogo yazyka. [The case system of Shari dialect of Dargwa]. // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. XI, part 1, 2017. – pp. 751–773.

Kurbanov, I. A. K voprosu ob ankluhskom i amukhskom dialektakh darginskogo yazyka. [On Anklukh and Amukh dialects of Dargwa]. Volgograd: The Way of Science. International scientific journal. Issue 9 (19), 2015. – pp. 79–81

Kurbanov, I. A. Imennye chasti rechi v ankluhskom i amukhskom dialektakh darginskogo yazyka. [Nominal parts of speech in Anklukh and Amukh dialects of Dargwa]. Volgograd: The Way of Science. International scientific journal. Issue 10 (20), 2015. – pp. 80–83.

Kurbanov, I. A. Lichnye formy glagola v ankluhskom i amukhskom dialektakh darginskogo yazyka. [Finite forms of the verb in Anklukh and Amukh dialects of Dargwa]. Moscow: Social Science. Issue 1, 2016. – pp. 160–167.

Temirbulatova, S. M. Khaidakskiy dialect darginskogo yazyka. [Kaitag dialect of Dargwa]. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii DNC RAN, 2004. – 304 p.

Magometov, A. A. Kubachinskiy yazyk. Issledovaniya i teksty. [The Kubachi language. Research and texts]. Tbilisi: Metsniereba, 1963. – 231 p.

Sumbatova, N. R., Lander, Yu. A. Darginskij govor selenija Tanty: grammatičeskij očerk, voprosy sintaksisa [The Dargwa dialect of Tanti: A grammatical sketch, syntactic issues]. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur, 2014. – 752 p.

Ganenkov, D. S., Lander Yu. A. Lokativnye formy kak istochnik nelokativnykh padezhey: darginskie dannyе [Locatives as sources of non-locative cases: evidence from Dargwa] // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. VII, part 3, 2011. – pp. 55–60.

ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА АНКЛУХСКОГО И АМУХСКОГО ДИАЛЕКТОВ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

И. Я. Курбанов

Сургутский государственный университет

Даргинский язык – один из младописьменных языков Дагестана, входящий в состав нахско-дагестанских языков. Даргинский язык имеет сильную диалектную раздробленность. Расхождения между некоторыми диалектами настолько значительны, что в ряде последних исследований даргинские диалекты рассматриваются в качестве самостоятельных языков,

т.е. всё чаще используется термин «даргинские языки», а не «даргинский язык». Это связано с тем, что многие даргинцы в повседневном общении не понимают друг друга, а внутри самой даргинской группы разные учёные выделяют от 15 до 20 языков (Сумбатова 2011: 110–111). Точное число даргинских языков и диалектов до сих пор не установлено, поскольку некоторые языки и диалекты даргинской группы до сих пор научно не описаны.

Данный доклад посвящен исследованию падежной системы анклухского и амухского диалектов, которая до настоящего времени не подвергалась какому-либо лингвистическому описанию.

В докладе рассматривается система грамматических падежей и локативных форм анклухского и амухского диалектов даргинского языка, описываются их основные функции и выявляются некоторые особенности. В частности, в данных диалектах отсутствуют инструментальный и предметный падежи, функционирующие в большинстве даргинских диалектов. Локативные формы в обоих диалектах представлены следующими четырьмя видами: 1) SUPER: расположение на поверхности ориентира; 2) SUB: расположение под ориентиром; 3) APUD: расположение около ориентира и 4) IN: расположение внутри объекта. В анклухском и амухском диалектах отсутствуют локализации со значением «область перед объектом» (ANTE) и «область за объектом» (POST), значения которых передаются с помощью форм генитива и послелогов -salab и -hilab (*ust'ul-la-salab* «перед столом», *ust'ul-la-hilab* «за столом»). Кроме того, в анклухском и амухском диалектах нет необходимости выделять такие подвиды локализации IN как «IN-нерегулярные» (для пустотелых объектов или вместелищ) и «IN-регулярные» (для остальных объектов), поскольку показатели -c:i и -li могут использоваться в обоих подвидах. Данные подвиды локализации IN выделены для других диалектов даргинского языка в работе Магометова А.А. (Магометов 1963: 115), а в докторской диссертации Сумбатовой Н.Р. локализации IN противопоставлена локализации INTER (Сумбатова 2013: 43). Следует также отметить, что в обоих диалектах отсутствуют формы аллатива со значением «приближение к области локации». Данное локативное значение передаётся формами латива или с помощью форм генитива и послелога -šali (*šici-lla-šali* «в сторону села», от *šici* «село»). В докладе также описываются особенности выражения категории направления на примере существительных, местоимений и наречий.

В заключении доклада оцениваются перспективы анклухского и амухского идиомов даргинского языка как достаточно пессимистичные, поскольку наблюдается тенденция к постепенному их исчезновению: молодое поколение редко говорит на родном языке, предпочитая общение на русском языке.

Грамматические падежи анклухского и амухского диалектов оформляются следующими морфологическими показателями.

Таблица 1

№	Название падежа	SG	PL
1.	Абсолютив	∅	-ne, -be, -me, -re, -te, -de, -pe, -e
2.	Эргатив	-li/-l	-ti
3.	Генитив	-la/-lla, -a	-lla
4.	Датив	-j/-li	-j
5.	Комитатив	-c:il / -ic:il	-c:il
6.	Адвербиалис (фактив)	-li	-ti

**Таблица 2. Показатели локативных форм анклухского и амухского диалектов
(категории локализации и ориентации)**

Localization Orientation	SUPER	SUB	APUD	IN
LAT	- <i>j</i> ,	- <i>gu</i>	- <i>ši</i>	- <i>c:i</i>
	- <i>li</i>			- <i>li</i>
				- <i>a</i>
ESS	- <i>i-w</i>	- <i>gu-b</i>	- <i>ši-w</i>	- <i>c:i-b</i>
				- <i>a-w</i>
				- <i>c:iw</i>
				- <i>i-w</i>
				- <i>li-b</i>
ELAT	- <i>ka</i>	- <i>gu-ka</i>	- <i>c:i-ka</i>	- <i>c:i-ka</i>
	- <i>r-ka</i>			- <i>a-ka</i>
				- <i>li-ka</i>

Литература

- Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала: Дагестанский филиал АН ССР, 1961.
- Исаев, М.-Ш. А. Русско-даргинский словарь (около 11 000 слов) / М.-Ш. А. Исаев. – Махачкала : изд-во Дагучпедгиз, 1988. – 509 с.
- Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетейя, 2003.
- Курбанов И.А. К вопросу об анклухском и амухском диалектах даргинского языка. – Волгоград: Путь науки. Международный научный журнал, № 9 (19), 2015. – с. 79–81.
- Курбанов И.А. Именные части речи в анклухском и амухском диалектах даргинского языка. – Волгоград: Путь науки. Международный научный журнал, № 10 (20), 2015. – с. 80–83.
- Курбанов И.А. Личные формы глагола в анклухском и амухском диалектах даргинского языка. – М.: Общественные науки. 2016. №1. – с. 160–167.
- Магометов А.А. Кубачинский язык. Исследования и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1963.
- Муталов Р.О. Падежная система шаринского диалекта даргинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, том 13, номер 1, 2017. С. 751–773.
- Сумбатова Н. Р. Типологическое и диахроническое исследование морфосинтаксиса (на примере языков даргинской группы). Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – М., 2013.

DOCUMENTING DYING LANGUAGES: KINSHIP AVOIDANCE SPEECH IN TUNDRA YUKAGHIR

Dejan Matić

University of Münster

This talk intends to shed some light on the ways in which culture-specific speech styles can be documented in a moribund language. The case in point is the so-called kinship avoidance speech in Tundra Yukaghirs (TY), one of the two remaining Yukaghirs languages. According to a survey conducted by the author between 2010 and 2014, TY is currently spoken by about sixty people, mostly born before 1950, in the villages of Andryushkino, Kolymskoe and Chersky in the Lower Kolyma District of Yakutia. The language is likely to disappear in the next couple of decades. The same holds true for the traditional culture of the Tundra Yukaghirs, which has been almost eradicated in the years following the WW2. It is only the oldest generation that still partly live according to the traditional ways.

There are reports on the kinship avoidance system in the speech of the Yukaghirs in the 19th century (Jochelson 1926). According to this account, the Yukaghirs avoid communication with and about in-laws and siblings; when address or reference to an in-law or a sibling is unavoidable, the former are addressed/referred to with the third person plural, the latter with the second person plural.

Given the precarious situation of TY, the attempts to document the linguistic details and the actual practise of kinship avoidance in the beginning of the 21st century might seem doomed. However, as I will try to show in the talk, this can be achieved through the application of appropriate methods. The first method employed was eliciting descriptive accounts on the ways people are supposed to address their relatives. The oldest speakers were able to provide rather detailed native accounts of the norms of kinship avoidance that must have been still fully productive in their youth. The second method comprised staging communicative events including people related to each other as well those that are not related, while the third consisted in asking people to tell stories whose protagonists are their relatives. In both cases, the analysis of the data included observing the patterns of interaction and the linguistic forms employed in addressing and referring to different kinds of relatives as opposed to people not related to each other.

It turned out that some of the norms mentioned in the native accounts are still productive, such as the use of the third person plural in reference to in-laws (1), while others are only almost never observed, such as the use of the second person plural in addressing siblings. Two more observations could be made. First, the system of kinship avoidance is bound to the language used in communication: while the rules of avoidance are more or less still valid when the conversations take place in TY (and, partly, in Even), they are fully ignored in the stretches of discourse conducted in Yakut and Russian. Second, the system appears to be much more complex than both the early ethnographic descriptions and the native accounts suggest. In addition to switches in person and number illustrated in (1), the TY speakers tend to employ a number of other specific features when talking to or about taboo relatives, such as polite cleft-like sentences (2), desiderative instead of imperative in requests (3), and a handful of other features.

By way of conclusion, in order to document and investigate complex interactional patterns in moribund languages, one needs to elicit metalinguistic information and carefully stage communicative events. The precondition for this combination of methods to work is obviously the existence of the living memory with at least some speakers.

Examples

- (1) mother-in-law to son-in-law:

Te: či: qad'ir e:ru:čə-r kewej-ηu-tə-j?

DEM.PROX people PTL hunt-ss.CVB leave-PL-FUT-INTR.3

'Will you(SG) go hunting?' (= lit. Will these people go hunting?) (TY_VNT_tu_22)

- (2) mother-in-law referring to son-in-law:

Tittäl gorat-qat awja: kelu-jə či:-k.

3PL city-ABL yesterday come-PTCP people-PRED

'He came from the town yesterday.' (= lit. They are people that came from town yesterday.)
(MNT_MNK_conver_212)

- (3) brother to brother:

Eppel'u wa:j mər=ət=ńe:d'i:-l'əl-u-m

Eppel'u again EX=HYP/DES=talk-EV-0-TR.3SG

'Eppel'u, say something!' (= lit. I wish Eppel'u says something) (AET&fam_long_conv_45)

References

Jochelson, W. 1926. *The Yukaghirs and the Yukaghirisized Tungus*. Leiden: Brill.

DESCRIPTIVE STUDY OF THE SELEMDZHA LOCAL ACCENT OF THE EVENKI LANGUAGE

Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova

Amur State University

The current paper presents an overview of challenging issues of segmental phonology and phonetics of Evenki with the particular focus on the Selemdzha local accent – one of the 50 local accents – with only 15 fluent speakers left (all aged). Local accents overlap, speech flow properties and interference of other languages create the peculiar current phonological and phonetic picture of the Selemdzha Evenki.

Among phonological challenges, the first one is the use of long /æ:/ instead of long /ɜ:/ as a reflection of belonging to Eastern dialect group. The formant mean values indicate an open vowel somewhat between front and centralized one. Its acoustic features are very close to the ones for long /a:/, the latter however being more open and generally a little more advanced. It is unclear whether the discovered acoustic difference between /æ:/ and /a:/ would be perceived by the Evenki without a larger context.

The second challenge is great inter-speaker variance concerning the phoneme /tʃ/ dictated by the standard not actually accepted by Selemdzha Evenki. Patterns like [ts^j] with the higher than [tʃ] friction of almost the same intensity, as well as [tç] and much weaker flat dental [t^{θj}] were discovered together with the less frequent standard [tʃ]-pattern.

The third issue is labio-dental fricative [v]-pattern that appeared to compete with the native sonorant flat bilabial /β/ as a result of language interference of dominant Russian.

Finally, /n/-/n^j/ inter-speaker variances was discovered.

In the allophony, intervocalic position for phonemes /g/ and /h/ should be noted where voiced fricative velar [ɣ] and faringal [χ] allophones are consistently used. Uvular allophone [q] of velar /k/ was found before back vowels.

Palatalized allophones of many consonants having no soft pairs were also observed, some being the result of vowel harmony, others reflecting coarticulation with front vowels.

The Evenki language is characterized by the vowel harmony law, when all the vowels of the Evenki language are divided into two harmony groups, and a neutral one. Group 1 (hard): /e:/, /a/, /a:/, /o/, /o:/; Group 2 (soft): /ɜ/, /ɜ:/; Neutral Group: /i/, /i:/, /u/, /u:/.. In accordance with vowel harmony law, within a single word, the distribution of hard and soft vowels in the word suffix is strictly determined by the vowel in the word root. We conclude that vowel harmony in Selemdzha local accent of the Evenki language is of mixed type: palatal harmony (that regulates not only vowel distribution but the distribution of hard and soft allophones of the previous consonant within the syllable) accompanied by labial harmony functioning for the short phoneme /o/. Vowel harmony violations characteristic for Standard Evenki are eliminated by the phenomenon of Eastern a-type accent.

SYNTACTIC FLEXIBILITY IN THE DJAR DIALECT OF AVAR: EXPERIMENTAL EVIDENCE FROM BASIC CONSTITUENT ORDER

Savithry Namboodiripad   Matthew Zaslansky
University of Michigan   University of California

Like most Nakh-Daghestanian languages, Avar is reported to have exhibit relatively free constituent or word order with a default SOV type (Alekseev & Ataev 1997: 91, 101). Topics may be placed post-verbally in narratives (Testelec 1997: 259–260). Testelec describes V-final orders as being the most canonical in Avar, followed by the less canonical V-medial orders, and then finally the least canonical (or most marked) V-initial orders. However, little is known about how well these generalizations hold up across different dialects of Avar. We provide experimental evidence from 49 participants that in the Djar dialect of Avar (henceforth Djar Avar) there is not a categorical preference for V-initial orders, but rather that SOV and OVS orders are equally canonical in isolated sentences, though all orders are acceptable. This follows recent experimental work in other languages, in which syntactic flexibility is viewed as a gradient property (AUTHOR 2017).

Saidova (2007) provides an extensive description of the phonology and morphology of the cluster of Avar dialects spoken in the Azerbaijani region of Zaqtala, which includes the village of Djar. However, Saidova's description does not cover include syntax, and the present study is to our knowledge the first description of canonical constituent orders in Djar Avar. Our experiment includes six conditions (SOV, OSV, SVO, OVS, VSO, VOS) with animate ergative-marked subjects, inanimate absolute objects, and transitive verbs in the past tense.

(1)	SOV	<i>βas-as</i>	<i>nar</i>	<i>kala</i>
		boy-ERG	pomegranate.ABS	eat.PST ¹
	OSV	<i>nar</i>	<i>βas-as</i>	<i>kala</i>
	SVO	<i>βas-as</i>	<i>kala</i>	<i>nar</i>
	OVS	<i>nar</i>	<i>kala</i>	<i>βas-as</i>
	VSO	<i>kala</i>	<i>βas-as</i>	<i>nar</i>
	VOS	<i>kala</i>	<i>nar</i>	<i>βas-as</i>

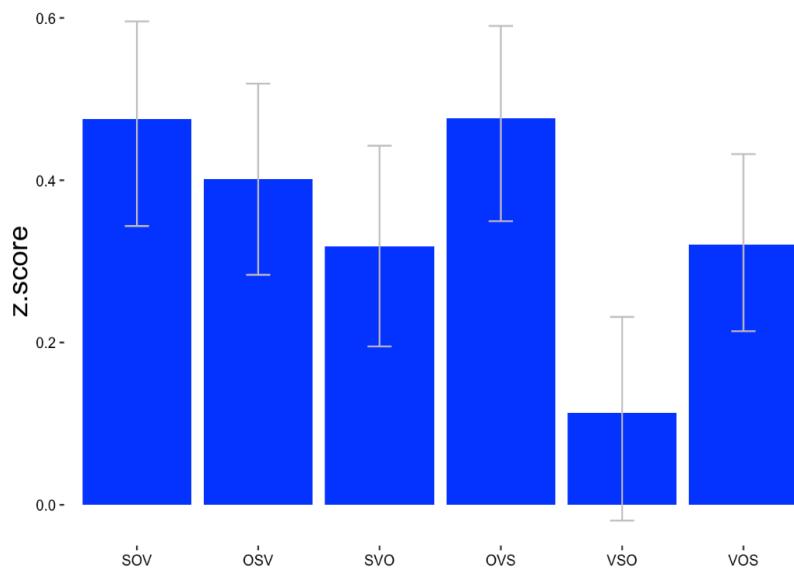
'The boy ate a pomegranate.'

The experimental task involved acceptability judgements (Likert 1–7) of five sentences from each condition, for a total of 30 experimental items. The six conditions were counterbalanced across a Latin Square design, so no participant saw the same combination of lexical items in S, V, and O more than once. The experiment included 50 filler sentences of varying acceptability. All stimuli were presented auditorily in Praat (Boersma and Weenink 2013). Stimuli were elicited from a native speaker of Djar Avar in a sound-proof room, and checked for consistent intonational patterns. The experiment itself was carried out in Djar at participants' homes. The 49 participants ranged in age from 18 to 82, and displayed varying degrees of multilingualism. In order to account for potential social factors in the interspeaker variation in acceptability judgements, a sociolinguistic survey was administered along with the experiment.

The results of the study (normalized here as z-scores) indicate that there are generally more canonical orders in Djar Avar, but that there is some noticeable variation in judgements, as indicated by the error bars. Preliminary model tests indicate that generational differences may explain some of this variability, with younger speakers showing a stronger preference for canonical orders relative to older speakers. Frequency of L2 (Azerbaijani, Russian, etc.) use does not explain any variation in judgements, but literacy in Russian might. V-medial orders are not categorically less

¹ ERG = Ergative, ABS = Absolute, PST = Past

canonical than V-final orders in Djar Avar. Whether or not Djar Avar differs from standard literary Avar in this regard remains unanswered, since quantitative results of this nature do not exist for the standard variety. Future directions include similar experiments for standard Avar, but also for local contact languages, e.g. Russian and Azerbaijani.

References

- Alekseyev, Mikhail and Boris Atayev. 1997. *Аварский Язык*. Москва: Academia.
- Boersma, Paul and David Weenink. 2013. Praat: doing phonetics by computer. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
- Saidova, Patimat A. 2007. *Закатальский Диалект Аварского Языка*. Махачкала: РАН Дагестанский Научный Центр.
- Testelec, Yakov G. 1997. Word order in Daghestanian languages. In Siewierska (ed.) *Constituent Order in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton. 257–280.

“MESKHETIAN” TURKIC ENDANGERED LANGUAGE VARIETIES IN KAZAKHSTAN: SOCIOLINGUISTIC SITUATION AND LINGUISTIC FEATURES

Irina A. Nevskaya

Saule Tazhibayeva

Frankfurt University /

L.N. Gumilyov Eurasian

Institute of Philology, Siberian Division of RAS

National University

Kazakhstan is an interesting area for sociolinguistic and linguistic research. It is a home for 126 different ethnicities, one third of which are representatives of different Turkic ethnicities [1, 2]. The linguistic map of Kazakhstan provides unique materials for documenting different idioms and language variants of small ethnic groups still functioning in multiethnic Kazakhstan.

In our lecture, we will pay a special attention to Oguz Turkic endangered languages, represented by Ahiska and Hemshilli Turkish, varieties spoken by ethnicities, known as Meskhetian Turks [3]. The idioms of the Ahiska Turks and the Hemshilli Turks were studied for the first time in the framework of an international project, supported by Volkswagen Foundation. These language variants are on the verge of extinction. The Kazakhstani Ahiska and Hemshilli idioms, comprising numerous sub-varieties, have preserved until now very ancient Turkish dialects, not affected by the reforms of Mustafa Kemal Ataturk in the Republic of Turkey. At present, rapid processes of cultural and linguistic assimilation of Kazakhstani Turkish, both by Kazakh and Republican Turkish, make these varieties moribund.

A corpus of collected texts in these varieties has been created and archived on the server of the Language Archive at the Max Planck Institute in Nijmegen (the Netherlands). Corpora of video and audio recordings have been created for several further Turkic languages spoken in Kazakhstan as well. Linguistic documentation of endangered languages of Kazakhstan presents a new and promising direction for Kazakhstani linguistic research.

An electronic database with sociolinguistic data was also created in the course of the above-mentioned project. Our databank allows for filtering the data according to 191 parameters (age, education, occupation, migration history, ethnic identity, language use, language attitudes, etc.) that can be combined according to the users' needs. Electronic databank of the project is open to the researchers and all interested people.

The results of the survey and our oral interviews with the native speakers of these varieties provide contradictory results: while the majority of the Kazakhstani Turks say that they speak their native language, they also admit that younger generations switch to Standard Turkish thanks to Turkish mass media, widely spread in Kazakhstan, and the increased mobility of these groups themselves: many young people study and work in Turkey. Thus, it is a paradox situation: the spreading of Standard Turkish endangers the preservation of Meskhetian native varieties. The more important is the task to document and study them further.

References

1. Suleimenova E. D., Shaimerdenova N. Zh., Akanova D. Kh (2007). Languages of peoples of Kazakhstan: sociolinguistic guide. – Astana: Arman-PV, 2007. – 304 p. (in Russian)
2. Turkic languages and ethnic groups: linguistic and ethnodemographic processes (2015) / eds. Suleimenova E. D., Shaimerdenov N. Zh., Nasilov D. M. – Almaty: Kazakh University, 2015. – 381 p. (in Russian).
3. Nevskaya Irina, Tazhibayeva Saule. Sociolinguistic situation of Oguz Turks in post-Soviet Kazakhstan // Oguzlar. Dilleri, Tarihleri ve Kulturleri. – Ankara, 2015 – P. 321–334. (in English).

Electronic resources

<http://tuyrki.weebly.com>

SHUGHNI: VIGOROUS AND UNWRITTEN?

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics, RAS / Moscow State Lomonosov University

The paper discusses sociolinguistic and descriptive problems related to the current state of Shughni language in Tajikistan. Located in the central part of Kuhistani Badakhshan Autonomous Region (as well as in a smaller neighboring area in Afghan Badakhshan Province), Shughni is the most significant and the most numerous, with its approximately 50 ths. speakers, among the [North] Pamir languages (consisting a separate group within Southeastern Iranian). It is a principal language of everyday oral communication in Khorugh (ca. 30 ths. inhabitants), the administrative center (and the largest town) of Kuhistani Badakhshan; the compact Shughni-speaking area includes also Shughnon and Roshtqal'a districts around Khorugh. For a more detailed account of the sociolinguistic problems of Pamir region, see, for example, Edelman & Dodykhudoeva 2009, Bahry 2005, and Müller et al. 2005.

The case of Shughni is rather non-trivial, because it displays features of both a vigorous local language (spoken by all generations and endowed with a certain prestige) and a functionally limited and predominantly unwritten language, currently with no clear perspectives concerning the development of a written standardized form and the use in the domain of preschool and school education (notwithstanding a number of isolated attempts in this direction, both in the 1930s and in the modern period). It should be also remembered that a vigorous oral status of Shughni is based not only on everyday communication practices, but on a significant oral folklore as well as modern songcraft: one of the most emblematic characters of modern Shughni identity remains a journalist, singer and song writer Lidush Habib (1963–2002), who composed and performed songs in Shughni.

The paper also summarizes preliminary results of our field work in Khorugh and Shughni-speaking districts (August 2018) and assesses perspectives of Shughni language documentation.

References

- Bahry, S. (2005). The Potential of Bilingual Education in Educational Development of Minority Language Children in Mountainous Badakhshan, Tajikistan. In H. Coleman, J. Gulyamova, & A. Thomas (Eds.), *National Development, Education and Language in Central Asia and Beyond* (pp. 46–65). Tashkent: British Council Uzbekistan.
- Edelman, J. I., & Dodykhudoeva, L. R. (2009). The Pamir languages. In G. Windfuhr (Ed.), *Iranian Languages* (pp. 773–786). London: Routledge.
- Müller, K., Abbess, E., Paul, D., Tiessen, C., & Tiessen, G. (2005). Language in community-oriented and contact-oriented domains: the case of the Shughni of Tajikistan. In J. M. Clifton (Ed.), *Studies in Languages of Tajikistan* (pp. 151–185). Dallas: SIL International.

PRESERVATION OF LINGUISTIC HERITAGE OF RAJI COMMUNITY (INDIA) THROUGH ORTHOGRAPHY DEVELOPMENT

Kavita Rastogi

University of Lucknow

Raji (Banrawat / Banraji / Banmanus / Rajbaar) is a little known tribal community which resides in ten small hamlets in the state of Uttarakhand. They were located in India for the first time in 1823. Presently their population is around 732. The word Raji is an ethnonym used both for the group as well as for the language they speak. Sir George Grierson, in his book 'Linguistic Survey of India' had named their language as 'janggali and grouped it with Tibeto-Burman. Many researchers have been talking about the Munda sub stratum in the Tibeto- Burman languages of Uttarakhand. Sharma S.R. (1987) and Sharma D.D. (1994) have suggested that the linguistic components of Raji language were paleo-linguistic relics of some of the Munda dialects, which, in the ancient past were spoken in the Himalayan region. In my previous works (Rastogi: 2002; 2012) I have tried to establish that though this indigenous language belongs to West-Central Himalayish branch of Tibeto-Burman family yet long contact with Indo- Aryan languages like Kumauni and Hindi has not only affected its vocabulary but also its grammar.

Presently, the language is facing all the problems that any endangered language does : a very low socio-economic status, very few speakers, code-reduction, diminishing language attitude, etc. Now, economically dependent on the dominant Kumauni and 'mainstream' communities, the people are forced to come and look for dwellings, jobs, sustenance, education and other things away from their traditional habitat. It is sad that the attitude of the dominant group is not encouraging. They try to demean Rajis and their language and culture. The whole community lives below the poverty line and is dependent on the speakers of the dominant language to earn their bread and butter. The other challenge before this tribe is its population. It is clear that the number is getting lesser day by day due to poor hygienic and socio-economic conditions. The maximum life expectancy of the community too is very dismal as was proved by the absence of anyone over the age of 60 in all the ten hamlets. This minuscule number of speaker is also playing a negative role in their development. As they do not form a strong vote bank, no political party is taking interest in their socio-economic and educational development. Reduction in the function of a language and the domain of its use is the other challenge faced by the community.

Thus, Raji (ISO 639-3 code *jnl*) can be assessed as '*potentially endangered and at stage 6, which means the language is at risk*' if we follow the framework established by Wurm and consider the stages of threatenedness discussed in Fishman's GIDS.

While chalking out a revitalization programme for this oral language I realized the need of orthography development for this language because orthography gives stability to a language and not only conserves it but also helps in the standardization process of the language. So while preparing a small grammar book, with the help of collected phonological and grammatical material of Raji the other important task before me was to develop an orthography system. While developing Raji orthography many linguistic, sociopolitical, pedagogical and practical principles were considered such as – opinion of the community, use of Devanagari conventions, and representation of phonemes only and no special symbols so that it can be learned with maximum ease. The present paper focuses on the early stages of orthography development for this undocumented indigenous language. It shows how with the help of the community this task was completed.

References

- Abbi, A. 2001 A Manual of Linguistic Field Work and Structures of Indian languages, Lincom Europa.

- Atkinson, E. T. 1882 The Himalayan District of North West Provinces of India. Vol II Cosmo Publication, New Delhi.
- Fishman, J. A. 1965 Language Maintenance and Language Shift : The American immigrant case within a general theoretical perspective.
- Fortier, J. 2000 Monkey's Thigh is the Shaman's Meat: Ideologies of Sharing among the Raute of Nepal.
- Fortier & Rastogi, K. 2004 Sister Languages... Nepalese Linguistics, Linguistic Society of Nepal, Kathmandu.
- Grierson G. A. 1909 Linguistic Survey of India. Motilal banarsi das, Varanasi.
- Gorgon R. G. 1986 Some Psycholinguistic Considerations in Orthography Design. Note on Literacy special issue 1:66–84
- Hale, Austin 1982 Research on Tibeto-Burman Languages. Berlin: Mouton
- Joshi, K. 1986 In search of Baanraaji Jugal Kishore & Company, Dehradun
- Rastogi, K.
- 2000 Linguistic Acculturation Among Rajis. Psycho-lingua 30. Agra
- 2000 A Socio-linguistic Study of Raji / Rawati. Man and Life 26. Kolkata
- 2002 Language Shift: A Case Study of Raji, IJDL 31 Thiruvanthpuram
- 2002 Raji: Language of a Vanishing Himalayan Tribe, LTBA, Vol 25.2 USA
- 2005 Role of Language in Tribal Education, IJLL Vol 1. Delhi
- 2006 Language Obsolescence: An Assessment of Raji. BHU Journal 1 Varanasi
- 2006 Challenges and Responses to the Survival of a Tribal language- Raji, FEL, Vital Voices, CIIL, Mysore
- 2009 Raji Causatives, an Introduction, IJL, University of Srinagar
- 2010 Raji Alphabet Book, Laser Graphics, Lucknow
- Rastogi, K. & Fortier, J. 2006 Daa,nii,sum/khun... Indian Linguistics 66 Pune
- Seifart, F. 2006 Orthography Development, Essentials of Language Documentation.
- Wurm S. A. 1998 Methods of Language Maintenance and Revival, with selected cases of language endangerment in the world.
- Van Driem, G 2001 Languages of Himalayas Vol 1 Leiden, Brill.

THE FOREST NENETS LANGUAGE IN A CHANGING WORLD

Tapani Salminen

University of Helsinki / Kone Foundation

My presentation aims at providing an overview of the current status and future prospects of Forest Nenets, a language in the Nenets subgroup of the Samoyed branch of the Uralic family spoken in north-western Siberia. In that way, it constitutes an update to a previous assessment of the situation (Salminen 2001). I also include a few contrastive remarks about other languages in the region.

Forest Nenets differs from its closest relative, Tundra Nenets, nearly as much as English from Dutch. The language boundary between Tundra Nenets and Forest Nenets is also remarkably sharp with no contact zones, not to speak of transitional dialects. Despite its distinctiveness, Forest Nenets has not been recognized as a distinct language by authorities. Officially, it is subsumed under ‘Nenets language’, covering both languages in question, of which Tundra Nenets alone is typically implied when reference is made to ‘Nenets’.

The unrecognized status of Forest Nenets is not unique in the Soviet and Russian context, parallel cases of groups of closely related but patently distinct languages including Saami, Khanty, Enets, and Yukagir. The situation is not as extreme as in the People’s Republic of China (Bradley 2005, 2011: 70–72), but it is drastic enough not only with regard to language classification but also in view of language endangerment and minority rights.

One of the consequences of the lack of Forest Nenets in official statistics is that the overall number of Forest Nenets speakers has never been recorded in censuses, so that we only have extrapolations and educated guesses. They usually indicate a number somewhere between 1,000 and 2,000, but closer to the lower figure. Since language shift to Russian has greatly escalated in the last decades even in the Pur dialect area (see below), the number may have dropped well under 1,000 by now.

Forest Nenets was only discovered by Castrén (1854), as it did not feature in prior publications containing word-lists like most other Siberian languages (Salminen 2003). For a long time, the most detailed source of Forest Nenets materials was Lehtisalo (1947, 1956), and only since the first steps towards literacy in Forest Nenets were taken in the 1990s has a more substantial corpus of texts become available.

Forest Nenets is most straightforwardly divided into five dialects, which differ not only in linguistic detail but also with regard to their level of endangerment:

- (i) the Nazym dialect is mainly known through its last speaker, an elderly man in 1914;
- (ii) the Lyamin dialect is possibly extinct as well, and apparently unrecorded in the Soviet era when it was still spoken, but a reasonable picture is obtained from early documentation;
- (iii) the Agan dialect, moderately well documented, is spoken by a dwindling number of people, mostly elderly, and the community has been shifting to Eastern Khanty and Russian;
- (iv) the Numto dialect, on which substantial research has started only recently, probably has over 100 speakers, and while trilingualism in Forest Nenets, Northern Khanty, and Russian is widespread, it is rather functional in nature, with many ethnic Northern Khanty also able to speak Forest Nenets;
- (v) the Pur dialect is not only covered by the bulk of the publications devoted to Forest Nenets but it is also spoken by the great majority of speakers across an extensive territory.

Glossed examples

The following examples represent a random selection of sentences that illustrate the extent of differences between the Nenets languages:

- (1) FN не'шаңкна муну"ңат
 $nye^{\circ}qsyäj-k^{\circ}na$ *tunuq-ŋa-t°*
 Nenets-LOC.SG speak-IND-AOR.SUBJ.1SG
- TN ненэй вадавна лаханадм'
 $nyeney^{\circ}$ *wada-w°na* *ləx°nə-ə-d°m*
 real word-PROS.SG speak-IND-AOR.SUBJ.1SG
 'I speak Forest/Tundra Nenets'
- (2) FN куняна вачусан?
 $kýpya-na$ *watyu-sa-n°?*
 where-LOC be.born-INTERR-SUBJ.2SG
- TN ханяна соясан
 $χə-puya-na$ *soya-sa-n°?*
 Q-at-LOC be.born-INTERR-SUBJ.2SG
 'where were you born?'
- (3) FN ши'т камсңат
 $sy̯qt^{\circ}$ *kams°-ŋa-t°*
 PRON.ACC.2SG love-IND-AOR.SUBJ.1SG
- TN сит мэнедм'
 $syit^{\circ}$ *menye-ə-d°m*
 PRON.ACC.2SG love-IND-AOR.SUBJ.1SG
 'I love you'

References

- Bradley, David 2005. Introduction: language policy and language endangerment in China. – *International Journal of the Sociology of Language* 173: 1–21.
- Bradley, David 2011. A survey of language endangerment. – *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Edited by Peter K. Austin and Julia Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 66–77.
- Castrén, M. Alexander 1854. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. Herausgegeben von Anton Schieffner. St. Petersburg.
- Lehtisalo, T. 1947. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 90. Helsinki.
- Lehtisalo, T. 1956. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. Lexica Societatis Fenno-Ugricæ 13. Helsinki.
- Salminen, Tapani 2001. Fighting for the future of Forest Nenets. – *Lectures on Endangered Languages*. 2: *From Kyoto Conference 2000*. Project Director: Osahito Miyaoka; Editor: Osamu Sakiyama. Endangered Languages of the Pacific Rim Publication Series C002. Kyoto. 251–256.
- Salminen, Tapani 2003. A reappraisal of M. Alexander Castrén's Forest Nenets records. – *Remota relata. Essays on the history of Oriental studies in honour of Harry Halén*. Сборник научных статей по истории востоковедения к шестидесятилетию Г. Т. Галена. Edited by Juha Janhunen and Asko Parpola. Studia Orientalia 97. Helsinki: Finnish Oriental Society. 263–277.

JEJUEO TALKING DICTIONARY: A COLLABORATIVE ONLINE DATABASE FOR LANGUAGE REVITALIZATION

Moira Saltzman
University of Michigan

This paper describes the ongoing development of the Jejueo Talking Dictionary, an online multimedia database. Jejueo is a critically endangered language spoken by 5,000–10,000 people throughout the islands of Jeju Province, South Korea, and in a diasporic enclave in Osaka, Japan. Under contact pressure from Standard Korean, Jejueo is undergoing rapid attrition (Kang 2005, Kang 2007), and fluent speakers of Jejueo are now over 70 years old (UNESCO 2010). In recent years, talking dictionaries have proven to be valuable tools in language revitalization programs worldwide (Nathan 2006). As a collaborative team including linguists from Jeju National University, members of the Jejueo Preservation Society and other Jeju community members, we are currently building a web-based talking dictionary of Jejueo along with an application for Android devices. The Jejueo talking dictionary will compile existing annotated video corpora of Jejueo songs, conversational genres and regional mythology into a multimedia database, to be supplemented by original annotated video recordings of natural language use. Lexemes and definitions will be accompanied by audio files of their pronunciation and occasional photos, in the case of items native to Jeju. The audio and video data will have trilingual tagging so that users may search or browse the dictionary in Jejueo, Korean or English. Like Modern Standard Korean, Jejueo features complex agglutination of case, TMA and discourse register particles on verbs and nouns (Sohn 1999). Videos showing a range of discourse types will have interlinear glossing, so that users may search Jejueo particles as well as lexemes and grammatical topics, and find the tools to construct original Jejueo speech. The Jejueo talking dictionary will be used as a tool for language acquisition in Jejueo immersion programs in schools, as well as a repository for archaic and ceremonial speech. The aim of this presentation is to discuss how the interests of diverse user communities may be addressed by the methodology, organization and scope of talking dictionaries.

References

- Kang, Jeong-Heui. 2005. *Studies in Morphological Changes of the Jeju Dialect*. Seoul: Youckrack.
- Kang, Yeong-Bong. 2007. *Jeju Language*, vol. 1. Seoul: National Folk Museum, Jeju Special Self-Governing Province.
- Nathan, David. 2006. *Thick interfaces: mobilizing language documentation with multimedia*. In *Essentials of Language Documentation*, eds. Gippert et al. 363–390. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Sohn, Ho-Min. 1999. *The Korean Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- UNESCO Culture Sector. 2010. Concerted efforts for the revitalization of Jeju language.
Online: http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/news/dynamic-contentsingleviewnews/news/concerted_efforts_for_the_revitalization_of_jeju_language/#.U1WeFFeZi4Y. Accessed 10 February 2015.

ELICITATION VS. TEXT COLLECTION IN LINGUISTIC FIELDWORK: WHAT INFLUENCES THE CHOICE OF THEIR RATIO

Andrey Shluinsky

Institute of Linguistics RAS

There are two well-known ways of collecting linguistic data in the field: elicitation and collection of naturalistic texts with further glossing. Especially in the context of opposing linguistic documentation to linguistic description during latest decades (see e.g. Woodbury 2003), naturalistic data are seen as the main content of the documentation, elicitation being a supplementary method. On the other hand, theoreticians need judgements on ungrammaticality that can be obtained through elicitation only. In practice, both methods are used by every field linguist, but the choice of how many data of which type should be collected and the choice what kind of data is to start with are made differently by fieldworkers depending on objectives and assumptions of their research.

The first goal of this presentation is to summarize advantages of the two kind of data that are more or less common knowledge, but have never been listed.

Natural texts are better, because

- are not influenced by fieldworker's intermediate language,
- give more reliable data on the language,
- contain phenomena originally unpredicted by the fieldworker,
- can be used for unrestricted set of research topics, especially if accompanied by a good audio and video recording.

The latter point is the most important in the context of the documentation program for endangered or potentially endangered languages.

Elicitation is more useful, because

- allows to get a structured set of data on a research topic in focus without any gaps (taking into account that a fieldworker's text collection is never as representative as a corpus of a 'big' language corpus),
- allows to get a set of data on a research topic rather quickly (taking into account that creation of a representative text collection, sufficient for any topic is time-consuming),
- provides negative grammaticality judgements.

The second goal is to share my experience of fieldwork in such different regions as Northern Siberia and West Africa. Comparing different sociolinguistic backgrounds and different backgrounds of preceding research of the languages, I can add factors influencing the choice of the ratio of the two fieldwork methods.

First, a very important factor is language decay and endangerment that strongly work against elicitation. On the one hand, elicited data of a language that is not used on everyday basis are weakly reliable and chaotic, naturalistic texts from the same speakers containing many more predictable structures. On the other hand, elicitation of complex structures is a hard work for elderly consultants (whose competence is always the best for a language under strong decay). Being necessary anyway, with such a sociolinguistic background good elicitation is restricted with phonetics and phonology, morphology and basic lexicon. On the contrary, with a healthy language spoken on everyday basis, doing elicitation is relatively easy, and elicited data are reliable.

Second, amount of preceding research on the language in focus and closely related languages influences significantly. Although any fieldworker assumes that chooses an underdescribed language, even languages with no reference grammar so far differ. If one has enough background to identify most morphological stuff in the language, starting transcribing and glossing texts as soon

as possible happens to be productive. Still, if basic morphology is yet to be studied and there is no information on closely related languages that would help, early work with texts goes too slowly and does not happen to be helpful.

References

- Woodbury, Tony. 2003. Defining documentary linguistics. *Language documentation and description*. Vol. 1. London: SOAS. P. 35–51.

THE EVENT OF GIVING IN THE OB-UGRIC LANGUAGES

Katalin Sipőcz

University of Szeged

The event of giving associates with ditransitive verbs that describe caused possession. Ditransitivity has been thoroughly investigated from several aspects. Many morphological, syntactic, and semantic properties of 'give' verbs have been described, furthermore in linguistic typology, ditransitive constructions have recently become a popular topic (e.g. Newman 1998, Malchukov et al. 2010). Smaller Uralic languages, however, are entirely missing from these studies. In my presentation I intend to give an overview of Ob-Ugric¹ ditransitivity from ethnosemantic point of view.

Mansi and Khanty have an alternation of indirective (indirect object) and secundative (secondary object) ditransitive constructions (1–2). Both constructions can passivize. The alternation is related to topicality, the choice between the two ditransitive constructions is made in order to express the relative topicality of the arguments.

(1) Northern Mansi

tōrəm naŋən(n) matər mi-s	(naŋən) χūrəm-sat sajt-əl mīy-ləm
God you.DAT sth. give-PST.3SG	(you.ACC) three-hundred rubel-INSTR give-SG.1SG
'God gave you something.'	'I give (you) 300 rubles.'

(Munkácsi IV: 338)

(Munkácsi IV: 334)

(2) Eastern Khanty

āŋki nēwrem-a nāń tə-ł.	āŋki nēwrem-əł nāń-at məj-təy
mother child-LAT bread give-PRS.3SG	mother child-3SG bread-INSTR give-PST.SG.3SG
'Mother gives bread to the child.'	'Mother gave bread to the child.'

(Ugradat)

(Munkácsi IV: 334)

According to Newman there are certain aspects of 'give' clause structure which show culture- and language-specific features, while there are other aspects which show only language-specific features, but these features do not reflect greater cultural, non-linguistic values. (Newman 2004: 75)

Ditansitive constructions in the Ob-Ugric languages display several characteristics which can be considered language specific: the alternation of indirective and secundative as well as of active and passive constructions (cf. Bíró-Sipőcz 2017). This is not rare typologically and can be considered a language specific feature that is independent of culture or the environment.

A more specific feature of Ob-Ugric ditansitive constructions is the large number of ditansitive verbs, and the practically full scale alternation of the two types of constructions.

Moreover, an interesting language specific feature of these languages is that the events of both giving and receiving are ditansitive and expressed with the verb 'give'. It is the secundative (R passive) construction involving the verb 'give' that expresses this event:

Kitit mesta-ł Nižnewartowskij ūs-t öl-ne xantə-t maj-we-s-ət.
second place-INSTR Nizhnevartovsk town-LOC live-PTCP.PRS Khanty-PL give-PASS-PST-3PL
'The Khanty people from Nizhnevartovsk got the second place.'

('The second place was given to the Khanty people from Nizhnevartovsk.') (LS)

Under the influence of the Russian language, certain verbs – such as 'take' and 'carry' – are beginning to acquire the meaning of 'get', 'receive'. Such usage occurs in, for instance, translations

¹ Mansi and Khanty constitutes to Ob-Ugric group of the Ugric branch of the Finno-Ugric languages. They are spoken in Western Siberia. Both languages are highly endangered.

from Russian. This influence can fundamentally affect the system of rules underlying the alternation of ditransitive constructions expressing the event of giving.

The aim of my presentation is to analyse these properties of 'give' clauses of Mansi and Khanty.

References

- Bíró, Bernadett – Sipőcz, Katalin. (2017). The Mansi ditransitive constructions. *Finno-Ugric Languages and Linguistics* 6: (1). <http://full.btk.ppke.hu/index.php/FULL/article/view/53/59>
- Haspelmath, Martin. 2005. Argument Marking in Ditransitive Alignment Types. *Linguistic Discovery*. 3/1. <https://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/1/xmlpage/1/article/280?htmlOnce=yes>
- Haspelmath, Martin. 2013. Ditransitive Constructions: The Verb 'Give'. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
- LS: *Luima Seripos*. Mansi language newspaper.
- Malchukov, Andrej – Martin Haspelmath – Bernard Comrie 2010. (ed.) *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Newman, John. 1998. (ed.). *The Linguistics of Giving. Typological Studies in Language* 36. John Benjamins Publishing Company.
- Newman, John. 2004. Culture, Cognition, and the Grammar of 'Give' Clauses. In: N. J. Enfield (ed.). *Ethno-syntax Explorations in Grammar and Culture*. Oxford University Press.
- Ugradat: <http://finnugor.elte.hu/index.php?q=ugadat> (2016.02.23.)
- VNGY: Munkácsi Bernát 1892–1896. *Vogul Népköltési Gyűjtemény I–IV*. [Vogul Folklore Collection.] Budapest: MTA.

THE DLDP METHODOLOGY FOR DIGITAL LANGUAGE PLANNING

Claudia Soria

CNR-ILC Istituto di Linguistica Computazionale "A. Zampolli", Consiglio Nazionale delle Ricerche

In this paper we will present the methodology for digital language planning developed by the Digital Language Diversity Project (DLDP) (Soria et al. 2016).

Starting from the assumption that human language will be the predominant means of communication between human and machines and for accessing collective knowledge and information, we are confronted with the well known fact that not all languages are equally technologically supported to face the needs of the digital world. This implies on the one hand, that multilingual speakers will tend to abandon the digitally minoritised language not to miss the digital train and on the other, that speakers of less digitally supported languages will become disadvantaged citizens if they don't manage to master one of the global languages. Language inequality and disparity of rights are beyond the corner.

The DLDP aims at addressing this issue by spreading awareness about the issue of digital language diversity and by empowering speaker communities of minority and endangered languages with the knowledge and abilities to contribute to steering the digital future of their languages.

Over the three years of the project, we developed the Digital Language Survival Kit (Berger et al., 2018), which can be described as a methodological tool for effectively putting language digital planning in place, that is to allow speaker communities to identify the digital needs of their language and to plan and develop effective measures that can help the language keep the pace of other, more digitally developed, languages.

The Digital Language Survival Kit consists of the following components:

- a) the Digital Language Vitality Scale, a methodology for assessing the degree of digital fitness of a language (Berger et al. 2018b)
- b) a model for a survey for eliciting the information needed to apply the Digital Language Vitality Scale (Soria et al. 2018)
- c) the Digital Language Survival Kit proper, i.e. a set of recommendations addressed at individual speakers and speakers' communities regarding the actions that can be taken – mostly at the grassroots level – to make a language progress towards the next steps of digital vitality (Berger et al. 2018a).
- d) examples of “localisation” of the Kit, i.e. how the recommendations made available under c) can be adapted and made relevant for a given speaker community, on the basis of the level of digital vitality that has been identified and of the information collected. The localisations refer to Basque, Breton, Karelian and Sardinian.

The Kit is an entirely new instrument, both for its content and intended impact. It is the first collection of recommendations in the area of language digital activism and to date there is no such a comprehensive guide. It is also the first of its kind to be explicitly addressed at the grassroots level. By virtue of being embedded in an overall methodology for digital language planning, the kit is designed in order to be fully flexible and adaptable to suit the needs of any language and linguistic community.

References

www.dldp.eu

wp.dldp.eu

Soria C., Russo I., Quochi V., Hicks, D., Gurrutxaga A., Sarhima A., Tuomisto M. 2016. “Fostering digital representation of EU regional and minority languages: the Digital Language Diversity Project”. In N. Calzo-

Iari, K. Choukri, T. Declerck, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis (Eds.), *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016)*. European Language Resources Association (ELRA), Paris, pp. 3256–3260

Ceberio Berger K., Gurrutxaga Hernaiz A., Baroni P., Hicks D., Kruse E., Quochi V., Russo I., Salonen T., Sarhima A., Soria C. 2018a. *The DLDP Digital Language Survival Kit*. The Digital Language Diversity Project. <http://wp.dldp.eu/wp-content/uploads/2018/09/Digital-Language-Survival-Kit.pdf>

Ceberio Berger K., Gurrutxaga Hernaiz A., Soria C., Russo I., Quochi V. 2018b. *How to Use the Digital Language Vitality Scale*. The Digital Language Diversity Project. <http://wp.dldp.eu/wpcontent/uploads/2018/08/HowToUseTheDLVS.pdf>

Soria C., Quochi V., Russo I., 2018. “The DLDP Survey on Digital Use and Usability of EU Regional and Minority Languages”. *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*, European Language Resources Association ELRA, Paris, pp. 4155–4160.

THE DEVELOPMENT OF POSSESSIVE PREDICATION IN TWO TAT DIALECTS

Murad Suleymanov

École pratique des hautes études, Paris

This paper examines the argument coding in possessive constructions in two dialects of Tat, a nominative-accusative Iranian language spoken in the Caucasus, namely the varieties of the Abşeron peninsula (AT) and of the village Mədrəsə (MT). Tat is closely related to Persian but has been influenced by Azeri, a Turkic language.

Possessive predication can be expressed through various means, the most common ones being locative, existential and transitive (*have-like*) constructions. Changes in the expression of possession may involve replacing one construction by another or generating a new one. These processes are sometimes characterised by a reanalysis of the predicate in the previous construction and the associated argument alignment.

In Tat, the inherited possessive construction is <possessor_{OBL}; possessee; EXIST_{AGR:POSSESSEE}>. In AT and MT, the predicative slot in this pattern is expressed by an existential (e.g. EXIST copula *h̄i/əst* or *birän* ‘to be’, exx. 1–2); in MT, under Azeri influence, the possessee additionally requires a possessive clitic.

At some point, AT and MT, like modern Persian, began to associate possessive semantics with the verb *də/əštän* (etymologically ‘to hold’), with Stem 1 *də/ər-* and Stem 2 *də/əšt-*. (Like in many Iranian languages, Tat verbs feature a binary stem distinction, whereby either stem is the morphological nucleus of a given TAM category).

AT *doštän* has given up the meaning of ‘hold’ in favour of ‘have’ and lost its Stem 1, so that its traditionally Stem 1-marked categories are now marked by Stem 2 (ex. 3). Nevertheless, what looks like Stem 1 forms a *have-like* possessive predicate in the present (ex. 4). This transitive construction resembles that of Persian (ex. 5): the possessor is coded as an agent and the possessee as a patient. In AT, *doštän* ‘have’ has become able to reflect an aspectual distinction in the past (ex. 6), which is impossible in Persian (ex. 7).

MT (not in contact with AT or Persian) also shows a development of a new verb *daštän* ‘have’ (exx. 8–9). In contrast to AT, MT has preserved the semantics of ‘hold’ for *daštän* and has kept the stem distinction for both meanings. MT features yet another type of possessive predication (ex. 10): the possessor carries the oblique marker (like in an existential construction) but the predicate agrees with the possessor (like in a transitive construction).

Both AT and MT stand out for having developed a transitive possessive construction, which is not typical for Tat as a whole, nor for the Caucasus in general.

For AT, a possible trigger may have been its (though limited) contact with Persian. Synchronously, *där-* cannot be analysed as Stem 1 of the old verb for ‘to hold’ because: (a) this stem would have been preserved in the other Stem 1-marked TAM categories and (b) the construction <Stem1-agreement> is not a present tense form in Tat. *där-* ‘have’ thus seems like a global copy from Persian facilitated by the genetic proximity and the relative morphological transparency of the two languages. The initial ‘hold’ > ‘have’ semantic shift may have been inspired by Persian but all further development, namely the aspectual distinction in the past, must have taken place independently.

For MT, contact with Armenian, the only major language of the Caucasus to possess a *have-like* verb, may have been the key factor: MT speakers identify as Armenian; they have historically been educated in Armenian and have intermarried with speakers of this language. Due to lesser morphological transparency of Armenian, global copying did not occur, but structural calquing and semantic copying did: in Armenian, ‘have’ is a defective verb structured <Stem-agreement> in the present (like *där-* in MT) and carrying the additional meaning of ‘hold, contain’, which made MT

daštän the best candidate for the new verb ‘have’. Here, the development of a new construction brought about a typologically uncommon extra stage: <possessor_{OBL}; possessee; EXIST_{AGR:POSSESSOR}>.

Examples

- (1) Abşeron Tat (MAMMADOVA 2018: 82)
padšah=ä yä-to-lä kuk birän.
 king=OBL one-QTF-DIM son be:PRS:3
 ‘The king had only one son.’ (narrative PRS)
- (2) Mədrəsə Tat (LOPATINSKIJ 1894: 25)
takawor=a birä sä kük=i.
 king=OBL be.PRF:3 three son=POS:3
 ‘The king had three sons.’ (narrative PRF)
- (3) *d^a/oštän Qonaqkənd Tat Şirvan Tat Judeao-Tat Abşeron Tat*
 SJBV.1PL *dar-im dor-im dor-im došt-im*
 IMP.2 *dar!* *dor!* *dor!* *došt!*
- (4) Abşeron Tat (elicited)
ü yä-to äyål där-ü.
 3SG one-QTF child have:PRS-3
 ‘He has a child.’
- (5) Persian (constructed)
ü yak bačča dār-ad.
 3SG one child have:PRS-1
 ‘He has a child.’
- (6) Abşeron Tat (elicited)
  - a. *ü panj-to äyål došt.*
 3SG five-QTF child have:PST:3
 ‘He had (=fathered) five children.’
  - b. *ü panj-to äyål doštäbü.*
 3SG five-QTF child have:IMPF:3
 ‘He had (=was the father of) five children.’
- (7) Persian (constructed)
  - a. *ü panj bačča dāšt.*
 3SG five child have:PST:3
 ‘He had five children.’
  - b. **ü panj bačča mī-dāšt.*
 3SG five child IMPF-have:PST:3
 ‘He had five children.’
- (8) Mədrəsə Tat (GALT'AXČ'YAN 1970: 244)
či čak kar dar-link ...
 what good work have:PRS-1PL
 ‘Whatever good things we have...’
- (9) Mədrəsə Tat (GALT'AXČ'YAN 1970: 220)
škola häm nä-dašt-link
 school also NEG-have:PST-1PL
 ‘We did not even have a school.’
- (10) Mədrəsə Tat (GALT'AXČ'YAN 1970: 218)
ušmun=a škola dar-ind?
 you.PL=OBL school have:PRS-2PL
 ‘Do ye have a school?’

Abbreviations

- 3SG = ‘he/she/it’
- AGR = agreement
- DIM = diminutive
- EXIST = existential copula
- IMPF = imperfect
- IPFV = imperfective
- OBL = oblique
- PL = plural (singular unmarked)
- POS = possessive clitic
- PRF = perfect
- PRS = present
- PST = past
- QTF = quantifier

References

- Creissels, Denis (2018). "Existential predication and transpossessive constructions". Talk given at the workshop *Possessive relations: interpretation, syntax and argument structure*. Stuttgart: Deutsche Gesellschaft für Sprachwissenschaft.
- Галт'ахչ'ян, Сергей (1970). *Madrasac'inneri t'at'eren lezun*. Unpublished Candidate of Sciences thesis, Academy of Sciences of the Armenian SSR Sector of Oriental Studies.
- Lopatinskij, Lev, ed. (1894). "Armjano-tatskie teksty". In: *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza* 20, Section 2/2, pp. 25–32.
- Mammadova, Nayiba (2018). *Eléments de description et documentation du tat de l'Apshéron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. PhD thesis, Institut national des langues et civilisations orientales, Paris, <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01801775>

ON THE FUTURE OF THE TOFA LANGUAGE: DOCUMENTATION AND REVITALISATION STEPS

Arzhaana Syuryun

Institute for Linguistic Studies RAS

The Tofa language belongs to the Sayan Turkic subgroup of Turkic language family [Johanson 1998]. It is one of the Siberian critically endangered languages with the youngest speaker of 53 years old who speak the language with errors. Although the language itself was very well described by the late V.I. Rassadin, nowadays it is not used in everyday life, and only remembered when a linguist or reporters arrive at the settlements to record. It is being “taught” at local elementary schools, however only 1 hour per week by a non-speaker.

In 2018 there are total 1201 (the data received from local administration) people living in three Tofa settlements, however, roughly speaking, people who call themselves Tofa (sometimes the reason is to receive a grant-in-aid from the Government) are approximately 769 people, and of them there are 2 fluent speakers, 8 semi-speakers, several-10–25 rememberers. It was found that the Gutara dialect which was thought to be lost is still remembered by the second fluent speaker.

The talk is devoted to the description of the activities held last 10 years on the documentation of the Tofa language, the detailed description of the speakers’ language competence, the attempts to revitalise the Tofa language and the community’s actions.

Last year the launch of the audio-phrasebook stirred up the activities not only to raise the interest of the community members to study the language, but to draw the regional administration’s attention to the language endangerment and possible steps to help the language vitality. Of all the existing recordings it was difficult to prepare a good teaching material, that is why one of the main reasons of the field-work in 2018 was to record the data for the phrasebook.

A CULTURAL INTERPRETATION OF PERSPECTIVIZATION IN NGANASAN

Sándor Szeverényi

University of Szeged

In the talk I will analyze Nganasan conversations and narratives. These texts were annotated and can be found in the Nganasan Spoken Language Corpus (Brykina et al. 2018). The aim of the analyses is to present and systemize the narrative strategies in the spoken Nganasan language from the perspectivization point of view. In the analyses I focus on

- shifts of deictic sensitive elements of SPACE, PERSON and TIME expressions;
- occurrence of the morphological evidentiality – sensitive, reportative/narrative, inferential – in first, second and third person;
- occurrence of reporting speech constructions with utterances predicate in interaction with epistemic modality and reportative mood;
- epistemic moods and epistemic lexical elements in interaction with evidentiality and direct/indirect speech reports.

The main questions are:

- are these elements behave differently in the speech of the original and the current speaker?
- are there any differences and consistency from the individual language use?
- are there genre-depending features of perspectivizations?
- does my investigation strengthen Bernárdez' cultural interpretation on evidentiality?

The result shows that there is a strong correlation among the above mentioned features. The Nganasan speaker always marks his/her “responsibility” for the truth of an utterance. This kind of responsibility mirrors in occurrence of epistemic and evidential elements in the speech of current vs. original speakers. With terms of functional cognitive pragmatics – the move of the referential center is the crucial point in the organization of a narrative and discourse. This fits to the cultural interpretation of the evidentiality as well (Bernárdez 2017).

References

- Bernárdez, Enrique 2017: Evidentiality – a cultural interpretation. In: Advances In Cultural Linguistics, Ed. Farzad Sharifian, 433-460.
- Brykina, Maria, Gusev, Valentin, Szeverényi, Sándor and Wagner-Nagy, Beáta 2018: “Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC).” Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.

NOUN PHRASE COORDINATION IN BESERMAN UDMURT: AN EXPERIMENTAL STUDY

Maria Usacheva

University of Linguistics RAS /
Pushkin State Russian Language University

Yulia Zubova

Russian State University for Humanities

Beserman Udmurt is a dialect of Udmurt (Uralic, Permic). It is different from other dialects; the main differences concern vocabulary, phonetics and (to a lesser extent) morphology [Keľ'makov 1998]. Beserman Udmurt is spoken by Besermans – a small ethnic group (there are about 2200 people identifying themselves as Besermans according to [Census 2010]) which inhabits primarily North-Western Udmurtia. The data cited here were collected in a Beserman village Shamardan (Yukamenskoye region, Udmurtia) in 2008 – 2018.

In Beserman, several strategies of noun phrase coordination are used – asyndetic coordination (1), coordinative construction with conjunction *no* (2a), coordinative construction with conjunction *da* (4), coordinative comitative construction with suffixes of instrumental case on both NP's heads (2b) and subordinate comitative construction with one suffix (3) (the termini are used in line with [Arkhipov 2009]). Using the data from Beserman corpora [Arkhangelskiy et al. 2015, Arkhangelskiy 2017] we assumed that the distribution of these strategies is defined by the following factors:

- number of coordinands;
- animacy hierarchy;
- semantic type of the predicate;
- syntactic position of NPs;
- information structure.

Testing these factors via elicitation appeared to be difficult as the opinions of the speakers were contradictory. It could be due to the influence of Russian and/or to syntactic complexity of several types of structures being tested. So we decided to conduct a referential communication tasks experiment (the method proposed in [Krauss, Weinheimer 1966]). Two speakers sitting in such a way that they could not see but could hear each other received one big picture each. On the pictures typical situations of the rural life in the Volga-Kama region were drawn. In most of the situations two or more participants were involved. The task was to find the differences on the pictures. There were six pairs of pictures, and eight Beserman speakers (two men and six women) at the age between 35 and 75 participated in the experiment. The results are as follows:

- the more coordinands there are, the more likely it is that the constructions with *no* is used;
- comitative agreement is mostly used with human nouns or personified animal characters. Animal nouns are more likely to be coordinated by *no*, and inanimate nouns are always coordinated by *no*;
- double comitative is used with predicates denoting non-simultaneous actions. With single comitative, both singular and plural verbal agreement is possible with reciprocal predicates, whereas the plural agreement is preferred with collective non-reciprocal predicates;
- for oblique cases (especially for dative) comitative coordination is formed by case compounding (double comitative case, the plural marker and the case marker on the second conjunct).

Beserman Udmurt (corpus):

- (1) *So naĺla pin'ál-los-se maša-jez paša-jez naĺla*
s/he look.for.PRS.3SG child-PL-P3SG.ACC Maša-ACC Paša-ACC look.for.PRS.3SG
'She is looking for her children, looking for Maša and Paša.'

- (2a) Beserman Udmurt (corpus):
 [The bear uprooted a big fir-tree].
 keś=no petuk=no šär=no ul.vaj-ze sul-i-zâ,
 hare=and rooster=and mouse=and low.branch-P3SG.ACC rough.cut-PST-3PL
 'The hare, the rooster and the mouse cut off the lower branches,'
- (2b) *vand-âl-i-zâ petuk-en šâr-en.*
 cut-ITER-PST-3PL rooster-COM mouse-COM
 'the rooster and the mouse cut up [the tree].'
- (3) Beserman Udmurt (fieldnotes):
 Pet'a Vas'a-en lâkt-i-z./ Vas'a-en Pet'a lâkt-i-z.
 Petya Vasya-COM come-PST-3SG/ Vasya-COM Petya come-PST-3(SG)
 'Petya came with Vasya.'
- (4) *solaš'en lâkt-o-z anaj-ez=da brat-ez=da*
 from.that.side come-FUT-3-SG mother-P3SG=and brother-P3SG=da
 'Mother and brother will come from that side.'

References

- Arkhangelskiy, Timofey, Biryuk, Olga, Idrisov, Ruslan. 2015. Corpus of Beserman oral speech. Available online at http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru.
- Arkhangelskiy, Timofey. 2017. The multimedia Beserman corpus. Available online at http://linghub.ru/beserman_multimedia/search.
- Arkhipov, Aleksandr V. 2009. Tipologiya komitativnykh konstrukciy [The typology of comitative constructions]. Moscow.
- [Census 2010] – Russian Population Census 2010. <https://inosmi.ru/infographic/20111220/180804661.html>
- Kel'makov, Valev K. 1998. Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii [A brief sketch of Udmurt dialectology]. Izhevsk.
- Krauss, Robert M., Weinheimer, Sidney. 1966. Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication. *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(3), 343–346.

YAKUTS IN CULTURAL BORDERZONE CONDITIONS

Rimma I. Vasilyeva

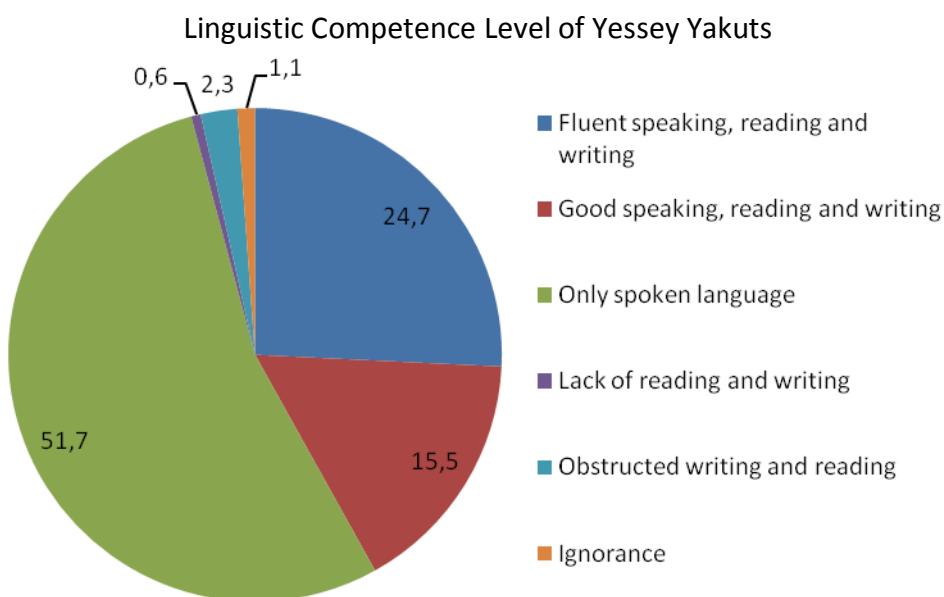
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences

The first data about Yessey Yakuts appeared in the 18th century. The lake Yessey is located in the northeast of the Evenki area of Krasnoyarsk Territory, Russia, where lives the ethno-lingual group of Yessey Yakuts. Such scientists as M. Voronkin, N. Yemelyanov and A. Savvinov studied Yessey dialect, folklore and traditional beliefs. The ethno-lingual group of Yessey Yakuts lives outside of their main mother country, they have a traditional lifestyle of northern Yakuts – reindeer breeders, they stick to their language, culture and traditional heathen beliefs. The primary tribal names of central areas of Yakutsk region transformed into their modern family names, like Botulu, Espek, Maymaga, Osogostok and Bety. As higher cattle breeding culture representatives, they have managed to adapt in other ethnocultural environment having taken some elements of material and non-material culture of the Evenkis and Dolgans. Yessey Yakuts language belongs to the northwestern group of dialects. It is a local language which has evolved for a long time in a close interaction with Evenki and Dolgan dialect of Yakut language. A good evidence of this fact is a brief thematic dictionary of Yessey dialect published in 2011.

Yessey Yakuts spoken language has a lot of interferences, code shifts and language units borrowings from Russian and Evenki languages. Yessey Yakuts have saved their linguistic and ethnic identity, this fact is confirmed by the results of the sociolinguistic research we conducted in 2014.

1) Some 51.7% of Yessey Yakuts possess only a spoken form of Yakut language; the highest rate of written form of Yakut language is among the age group of 36-50 years.

Starting from 1950s, there has been introduced a practice of Yakut language teaching by educators from Yakutia, since there were no experts in Krasnoyarsk Territory to bring the native language to the locals. Now the linguistic competence in there stays at relatively high level.

2) There is no doubt that the educational factor plays a crucial role in preservation of language and culture of ethnic minorities. Any ethnic group needs school education in its native language in order to save its written language in a long-term perspective. Yessey Yakuts use their native language everywhere in life, traditional household, in communication with children and parents, but in educational sphere the usage of the language is restricted (table 1):

Table 1. Language of Tuition, %

Language of Tuition	Place of Birth	
	City	Countryside
Russian	–	64.8
Native language in primary school, Russian language in secondary and senior school	–	35.2

Sociolinguistic poll in 2014

3) The fieldwork results in Yessey settlement of Krasnoyarsk Territory prove that due to compact stay and preservation of traditional lifestyle, the northern Yakut reindeers have perspectives to save their ethnic identity. However there are some assimilation processes that stipulate linguistic negativism of young informants and existing practice of school education in Russian language.

References

Voronkin M. Dialect System of Sakha Language: Education, interaction with the literary language and their characteristics. – Novosibirsk: Science. Siberian publishing company of Russian Academy of Sciences, 1999. – 197 p.

Brief Thematic Dictionary of Yessey Dialect.– Yakutsk, 2011. – 56 p.

Savvinov A. Folklore of Yessey Yakuts in the Records of B. Dolgikh (according to archives of Krasnoyarsk Local History Museum) // The Northeastern Humanitarian Herald. – 2012. –No. 1(4). – P. 94-99

Manuscript of Scientific Report of Vasilyeva R. Yessey Yakuts: Sociolinguistic research experience (2014)

ЯКУТЫ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Васильева Римма Иннокентьевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН

Первые сведения о ессейских якутах относятся к XVIII в. Озеро Ессый находится на северо-востоке Эвенкийского района Красноярского края в составе Российской Федерации, где компактно проживают ессейские якуты. Первыми из якутских исследователей ессейский говор и традиционные верования изучили такие ученые, как М.С. Воронкин, Н.В. Емельянов, А.И. Саввинов. Ессейские якуты – этническая группа, проживающая вне основной метрополии, ведущая традиционный образ жизни северных якутов – оленеводов, сохранившая свой язык, культуру, традиционные языческие верования. Первыми из якутских исследователей ессейский говор и традиционные верования изучили такие ученые, как М.С. Воронкин, Н.В. Емельянов А.И. Саввинов. Они сохранили свои родовые названия Центральных улусов в виде современных фамилий Ботулу, Эспек, Маймага, Осогосток, Бэти. Расселившись на северной территории Красноярского края, ессейские якуты сохранили название того рода, к которому принадлежали в прошлом на Средней Лене. Как носители более высокой скотоводческой культуры они сумели адаптироваться к чужой этнокультурной среде, переняв некоторые элементы материальной и нематериальной культуры эвенков, и сохранив свою традиционную культуру. Язык ессейских якутов относится к северо-западной группе говоров, локальный язык, длительное время развивался во взаимодействии с эвенкским и долганским диалектом якутского языка. Об этом свидетельствует краткий тематический словарь ессейского говора, опубликованный в 2011 г. У ессейских якутов устная разговорная речь характеризуется интерференцией, переключением кода, смешением языковых средств якут-

ского и русского, эвенкийского языков. Ессейские якуты сохранили свою языковую и этническую идентичность, что подтверждают полученные нами результаты социолингвистического исследования, проведенного в 2014 г.

Литература

- Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
- Краткий тематический словарь ессейского говора.– Якутск, 2011. – 56с.
- Саввинов А.И. Фольклор ессейских якутов в записях Б.О.Долгих (по архивным материалам Красноярского краеведческого музея) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. –№ 1(4). – С. 94–99

INTERNAL RELATIVE CLAUSES IN TUNGUSIC FROM A CROSS-LINGUISTIC PERSPECTIVE

Albert Ventayol-Boada

University of California

Internally-headed Relative Clauses (henceforth IRCs) are attested in several typologically unrelated languages, e.g. Chimariko (Hokan), Lakota (Siouan), Navajo (Athapaskan), rGyalrong (Caodeng; Sino-Tibetan), Toussian (Niger-Congo), Yuwaalaraay (Pama-Nyungan). According to Dryer (2013), IRCs are “scattered throughout the world”, with only two areas where they are more common: North America, and northeast India and adjacent areas in China and Burma. In the former case, they are found in a minority of languages, while in the latter they coexist in the same language with Externally-headed Relative Clauses (ERCs). In addition, IRCs have been identified for several Tungusic languages: Even (Malchukov 1995, 1996), Evenki (Brodkaja 1988; but see Nedjalkov 1997 for a contrary opinion), Nanai (Avrorin 1981), and Udihe (Nikolaeva & Tolskaya 2001). This structure is exemplified in (1), from Even (Malchukov 1995); in (2) the ERC equivalent is given for comparison.

[asi-∅   unta-l-bu aj-ča-n]   urke-le desči-r
[woman-NOM shoe-PL-ACC mend-PRF.PTCP-3SG] door-LOC lie-NFUT.3PL
'The shoes that the woman mended are by the door.'

[asi-∅   aj-ča-l-ni]   unta-l-∅   urke-le desči-r
[woman-NOM mend-PRF.PTCP-PL-3SG] shoe-PL-NOM door-LOC lie-NFUT.3PL
'The shoes that the woman mended are by the door.'

There are two main differences between the two constructions. First, the case marking on the relativized noun *shoe* is assigned by the matrix verb in (2), whereas in (1) the case marking on the relativized noun is assigned by the participle. Second, the participle and the relativized noun agree in number in (2), but they do not agree in (1). In addition, Malchukov (1996) argues that there are several constraints on the formation of IRCs across Tungusic: (i) the relativized noun cannot function as an oblique in the matrix clause, (ii) there is a “subject-in-subject” constraint by which the relativized noun cannot function as the subject of the matrix clause and as the subject of the RC, and (iii) IRCs are non-restrictive. Finally, Malchukov (1996) argues that diachronically IRCs in Tungusic developed from adverbial clauses by reanalysis of zero anaphora. In this paper, I analyse whether the features of IRCs described for different Tungusic languages are shared cross-linguistically and whether the proposed diachronic origin for IRCs in Tungusic is recurrent across languages. In so doing, this paper offers a preliminary typology of IRCs and contributes to the study of Tungusic languages.

References

- Avrorin, V.A. (1981). Sintaksičeskie issledovaniya po nanajskomu jazyku. Leningrad: Nauka.
- Brodkaja, L.M. (1988). Složnopodčinennoe predloženie v èvenkijskom jazyke. Novosibirsk: Nauka.
- Dryer, M.S. (2013). Order of Relative Clause and Noun. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.), The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/90>, Accessed on 2018-11-29.)
- Malchukov, A.L. (1995). Even. Munich, Newcastle: Lincom Europa.
- Malchukov, A.L. (1996). Internal relative clauses in Tungusic languages. Sprachtypologie und Universalienforschung, 49 (4), 358–382.
- Nedjalkov, I.V. (1997). Evenki. London, New York: Routledge.
- Nikolaeva, I. & Tolskaya, M. (2001). A Grammar of Udihe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

THE RISE AND RISE OF AUSTRALIAN LANGUAGES

Michael Walsh

AIATSIS / ANU / The University of Sydney

Endangerment discourse is replete with negativity: death; extinction; morbidity. This kind of discourse has been applied to the languages of Indigenous Australia. One account declares that of the approximately 250 languages encountered at first significant contact with outsiders, just 13 are still being learned by children as a matter of course. This account would imply that there are 237 languages in various states of disrepair. However over the last 20 to 30 years many languages are in the process of revival. Examples of language revival will be presented demonstrating the range of strategies that have been adopted.

Often descendants of active speakers of such languages no longer live in their ancestral territory. Many have moved to cities and regional centres. One report indicates that more than 80% of Australian Aboriginal people live in cities and non-remote areas <https://www.creativespirits.info/aboriginalculture/people/aboriginal-population-in-australia#toc2>. Therefore the potential speech community for a revived language is widely dispersed. So one of the more important challenges for Australian Language revival is spanning the diaspora of emerging speakers. One solution is the creation of virtual communities. Ethnologue indicates for Wiradjuri (central New South Wales) that it has 100 speakers and is nearly extinct but in fact there are at least 500 people (some non-Indigenous) learning this language so we can assume that the community of speakers is widely dispersed. Meanwhile the 13 “strong” languages are also on the rise: creating lexica and discourses to meet new challenges, such as non-Indigenous health and medicine; rap songs; news broadcasts; non-Indigenous law. Despite the depressing discourse of language loss and shift, Australian Languages are clearly on the rise.

INDIGENOUS LANGUAGE TESTING IN TAIWAN: HISTORY OF ITS STANDARDIZATION

Joy Jing-lan Wu

National Taiwan Normal University

There are 16 officially recognized indigenous peoples in Taiwan, with their languages all belonging to the Austronesian language family. Most of these indigenous languages are now facing extinction, a result of decades of assimilationist language policies like 'Japanese only' and 'Mandarin only' policies. In order to preserve, revitalize and promote indigenous languages, among other purposes, the Council of Indigenous Peoples (CIP) in Taiwan has been administering standardized indigenous language proficiency tests since 2001. The history of the language proficiency tests can be classified into five stages. In the first stage, the design and practice of the named tests started with only 1-level test in 2001, and the indigenous people having passed the test would be granted with the certificate of qualified indigenous language teachers after receiving 36-hour training courses. Later, while considering the named 1-level test was not suitable for high school students who were required to take the test in order to be awarded with extra points when taking entrance exams to high schools or universities, the CIP thus designed another level of the language proficiency test in 2007 and the 2-level test was then practiced between 2007–2012 (i.e. the second stage). In 2013, due to the separation of the language tests for junior and senior high school students, a 3-level test was developed (i.e. the third stage). Furthermore, in order to encourage more natives and non-natives to take part in indigenous language proficiency tests, the CIP developed the 4-level proficiency test in the year of 2014 (i.e. the fourth stage); namely, elementary, intermediate, advanced, and superior. In 2017, the high-intermediate level was added, and thus the system containing 5-level indigenous language proficiency tests is formed and the fifth stage starts. On December 8 of 2018, the 5-level testing will be put into practice for the first time.

Through personal observation, questionnaires, and in-depth interviews, this paper attempts to discuss the difficulties encountered in the implementation of the standardized language assessments for Taiwanese indigenous peoples and the measures taken to resolve the problems, especially in the training of the test item providers and the raters. Furthermore, the paper will discuss the relation between administering language proficiency tests and the revitalization of these Taiwanese indigenous languages. Through the discussion, we hope to offer constructive suggestions for future indigenous language education policy making in Taiwan and around the world as well.

LINGUISTIC IDENTITY AMONG STUDENTS FROM THE FINNO-UGRIC REGIONS OF RUSSIA IN FINLAND AND ESTONIA

Aleksandr Zamiatin

University of Tartu

This presentation will be based on preliminary results of my PhD research where I study strategies of adaptation among students from the Finno-Ugric regions of Russia residing in Finland and Estonia. I examine the adaptation strategies in regard to linguistic, ethnic and national identity. The Sign Theory of Identity (Ehala 2017) sets the theoretical framework for the analysis. According to this theory, the structure of any collective identity, including ethnic, linguistic or national, is the same as of signs in linguistics and semiotics meaning that the sign of identity has a tripartite structure (meaning, signal and sign). In my conference paper I will focus on language and linguistic identity and individuals' attitudes towards minority languages.

The mobility of Russia's 'Finno-Ugric' students to Finland and Estonia, which started in the 1990s, has led to the emergence of a community that have specific social characteristics. The exposure to the new environment, where the patterns of negotiation of collective identities differ to those of the habitual environment, requires personal reconceptualization and adjustment linguistic and ethnic identity signs. This study is topical because of the unique characteristic of this community experiencing an upgrade in status from a stigmatized to a privileged minority. The repertoire of the identity signs consists of the three layers of identity: Russian, Finno-Ugric and 'minority'. Provided that one can have multiple identities, the question is how an individual accommodate these signs of identities.

In terms of linguistic identity adaptation, before the Finno-Ugric minority students have mastered one of the local languages, they have at least two identity options, or two signs of linguistic identity they can relate to: the Russian language and the minority language identity. The choice of identity influences the choice of community to adapt in; however, the opposite is relevant too – the choice of community can influence the identity patterns and, as a result, language behaviour and attitudes. In terms of communities, both in Finland and Estonia there are at least three options: the Russian-speaking, the Finno-Ugric and the local communities.

The sign of the Russian identity is well known for the Finns and Estonians who have their own understanding of the sign and its typical characteristics. This awareness exists because of close historical contacts as well as because these identities evolved mainly in the ubiquitous dimension of national identities. The Finns and the Estonians have a clear image of what the Russian (linguistic) identity, its meaning and signal sides are. The accent of the native Russian-speakers and their names are typically among the features that are clearly perceptible. Contrary to the Russian sign of identity, the sign of a minority identity is normally not detectable in Finland's and Estonia's societies whatsoever. In terms of STI, the problem is that neither the content of the meaning and the signal sides of the minority (e.g. Udmurt, Mari, etc.) ethnic identity nor the connection between them are normally perceivable by the locals. Moreover, there is frequently no awareness of a minority sign as such.

In my conference paper I will discuss how 'Finno-Ugric' students deal with the new social environment, and how they adjust their linguistic identity, language behaviour and attitudes.

References

- Ehala, M. (2017). *Signs of Identity: The Anatomy of Belonging*. Routledge.

MANSI DOCUMENTATION: NEW APPROACHES AND NEW DATA*

Daria Zhornik

Institute of Linguistics, RAS / Lomonosov Moscow State University

Mansi (<Ob-Ugric < Finno-Ugric < Uralic), an endangered language in Western Siberia with approximately 1 000 speakers (census 2010), is rather poorly described. The only full-fledged grammar is [Rombandeeva 1973], which is based on a deliberately standardized form of one of the Northern Mansi dialects. Nowadays, however, the only language variety still used in everyday communication in a more or less full-fledged way seems to be the Upper Lozva dialect.

Speakers of this dialect live in the Northern part of Sverdlovsk oblast (Ivdel urban district), being both administratively and geographically isolated from region of Mansi official residence, which is the Khanty-Mansi autonomous district. Moreover, the Upper Lozva community is located in a remote region away from cities and other populated areas, so the speakers have little contacts with the outworld. Thus, we are dealing with a linguistic “island”, where the speech variety is fully preserved due to its isolation and despite the small number of speakers: officially, there are approximately 100 Mansi people in the Ivdel district, but in fact there are no more than 40–50 people who live there permanently. Importantly, the language is transmitted to children and all young people are also full speakers.

It should be noted that the Upper Lozva dialect differs in some respect from the standard Mansi variety, as well as from the Sosva variety, which is the only other surviving Mansi dialect. Most works concerning the Mansi language (mostly those by E. I. Rombandeeva, but also [Murphy 1968], [Riese 2001]) describe either the standard language or the Sosva dialect, while there is virtually no descriptions of the Upper Lozva dialect. The only data we were able to find are a few wordlists published in [Székely 2015], as well as old archival texts gathered by A. Kannisto and V. N. Chernetsov. Recently, a small dictionary of Upper Lozva Mansi [Bakhtiyarova, Dinislamova 2016] was published by a speaker of this dialect.

Our project is aimed at the utmost possible documentation and description of this unique living variety of Mansi. One of our main purposes is gathering a corpus of Upper Lozva spoken texts, which may be used to create a corpus-based grammar of the dialect. These texts are further included into a larger corpus of the Mansi language as a separate subcorpus. Our aim is to collect representative amounts of texts in all Mansi varieties to study both diachronic phenomena and dialectal variation. In this manner, we can compare features of the modern Upper Lozva Mansi dialect to those found at its earlier stages on one hand, and to the ones we encounter in other Mansi varieties.

Apart from collecting texts, we focus on various other types of linguistic data obtained through phonetic questionnaires, elicitation tasks and tasks based on visual stimuli. The examples of this material will be presented in our talk.

The paper will also discuss the sociolinguistic situation among the Upper Lozva Mansi in great detail (based on our field survey).

References

- Bakhtiyarova T. P., Dinislamova S. S. *Mansijsko-russkij slovar'*. Tyumen': OOO “Format”, 2016.
Murphy L. W. *Sosva Vogul Grammar*. Indiana University, Ph.D., 1968.
Riese, T. *Vogul*. Lincom Europa, 2001.
Rombandeeva E. I. *Mansijskij (vogul'skij) jazyk*. M. : Nauka, 1973.
Székely G. *Upper-Lozva Mansi Words and Texts*. Endangered Languages Archive at SOAS University of London, 2015.

* The current research is supported by the RFBR grant №18-012-00833

СОХРАНЕНИЕ ДИАЛЕКТНОГО РАЗНООБРАЗИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА МЕТОДАМИ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ю. Д. Абаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Исследования диалектов методами корпусной лингвистики проводятся для большинства языков мира [Земичева, с. 193]. Диалектное разнообразие бурятского языка также требует фиксации и анализа, для чего использование методов и подходов корпусной лингвистики представляется наиболее эффективным. Бурятский диалектный материал может войти в качестве диалектного подкорпуса в активно создаваемый ныне Корпус бурятского языка [Бадмаева].

На сегодняшний день проведена подготовительная работа по оцифровке и упорядочению диалектных записей, сделанных ранее; определено количество диалектов, уточнено распределение говоров по диалектным группам; учтены фонетические особенности диалектов; собрано достаточное количество аудио записей по бурятским диалектам. Материал записывался в регионах проживания бурят в России (Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край), Китае и Монголии.

При сборе материала основной задачей ставилось выявление в первую очередь фонетических характеристик диалектов: особенностей их фонемного состава, ударения и интонации. Для этой цели аудиозаписи подвергаются многоуровневой сегментации и компьютерному анализу при помощи программ анализа речи (PRAAT). Лингвистическая интерпретация полученных результатов позволит выявить сегментную и суперсегментную вариативность бурятского языка.

Однако практическая значимость собранного материала не ограничивается только звуковой стороной, транскрибированные тексты позволят вести исследование диалектов на всех языковых уровнях и в различных аспектах. В дальнейшем предстоит работа по выработке общей концепции звукового диалектного подкорпуса, способа подачи материала, его структуры и видов разметки.

Литература

- Бадмаева Л. Д. Бурятский языковой корпус: создание, проблемы и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. №2 (10). С.118 – 122.
- Земичева С. С., Иванцова Е. В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192 – 205.
- Летучий А. Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. Результаты и перспективы. М., 2005. с. 215–232.
- Некрасова Г. А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 13–16.

АХВАХСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. А. Абдулаева

независимый исследователь

Ахвахский язык – один из восьми бесписьменных языков андийской подгруппы дагестанских языков. Он обслуживает малочисленный ахвахский этнос на уровне разговорно-бытового общения семьи и села. По данным последней переписи населения (2010 г.) численность ахвахцев около 20 тысяч. С каждым годом число людей, говорящих на данном языке, сокращается. При сохранении такой тенденции ахвахскому языку грозит исчезновение.

Среди причин, способствующих исчезновению языков, для ахвахского языка, на наш взгляд, особо значимы следующие: глобализация и миграция; полиэтничность региона проживания; бытовые причины (повседневная жизнь).

В последние десятилетия рост миграции в города жителей ахвахских сел носит катастрофический характер. В городских условиях ахвахцы постепенно теряют свой язык и культуру, а язык, в свою очередь, теряет способность к моделированию, свойственной для ахвахского языка картины мира.

Полиэтничность Дагестана также в немалой степени способствует исчезновению коренных языков, в том числе и ахвахского. В отличие от других моноэтнических регионов, где коренные народы имеют единый язык, коренные дагестанцы в городах вынуждены общаться между собой на русском языке.

Мешает сохранению языка и отсутствие официального статуса коренных народов Дагестана у носителей ахвахского языка. (Впрочем, до сих пор такого статуса нет ни у одного из этносов андо-дидойцев).

Основная причина исчезновения ахвахского языка – то, что родители перестают общаться с детьми на родном языке. Тут немаловажное значение имеют особенности менталитета, отношение ахвахцев к родному языку (как непрестижному) и к языку с ним конкурирующему, на их взгляд, более престижному с социальной точки зрения.

На наш взгляд, можно было бы предпринять ряд мер, для улучшения и сохранения исчезающих коренных, в том числе и ахвахского, языков в Дагестане:

Придание статуса коренных народов Дагестана андо-дидойским этносам, что может способствовать поднятию уровня этнического самосознания и престижа родного языка.

Создание центров изучения языка (организовать в городах воскресные школы для желающих изучать родные языки).

Создание мультимедийных ресурсов, корпусов бесписьменных языков, составление словарей, грамматики, учебников, звукозапись произношения, фольклора. Издание СМИ на коренных языках.

К СОСТАВЛЕНИЮ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ БАШКИРСКИХ ДИАЛЕКТОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛИТЕРАТУРНЫМ БАШКИРСКИМ СТАНДАРТОМ

Л. Ф. Абубакирова

Томский Государственный университет

М. М. Зимин

Институт языкоznания РАН

Башкирский – один из тех тюркских языков, для которых до сих пор не разработаны удовлетворительно функционирующие средства компьютерного поиска и обработки текста. Важным этапом в преодолении указанной проблемы является составление формального описания морфологии и морфонологии языка. Поскольку мировая Сеть открыла доступ к любой информации как образованным горожанам, так и жителям самых отдалённых сёл, порой не проходивших школьного курса по стандартному башкирскому, актуальна работа не только и не столько с литературным языком. Описание грамматики одного только литературного башкирского представляется малоэффективным – между территориальными и социальными вариантами языка наибольшее расхождение наблюдается в сфере морфонологии, любой пригодный для обработки литературного текста парсер не будет способен адекватно проанализировать текст диалектный. Таким образом, наша тематика значительно дивергентна от работ казанских и уфимских исследователей, посвящающих свою деятельность только стандартному башкирскому (Орехов 2014) или диалектным изоглоссам (Сиразетдинов 2016).

Если для литературного языка почти всю возможную информацию можно почертнуть из единого источника (Poppe 1964), то описание грамматики башкирских наречий (традиционно «диалекты») и их диалектов (традиционно известны как «говоры» и «подговоры») крайне затруднено рядом факторов. Во-первых, отсутствуют монографии по сравнительной грамматике диалектов. Во-вторых, тексты, посвящённые отдельным наречиям и их диалектам (Максютова 1976; Максютова 1996; Миржанова 1979; Миржанова 2006) покрывают даже набор базовых словоизменительных морфем лишь частично, при этом особенность диалектной башкирской морфонологии именно в том, что принадлежность суффикса к некоторому альтернатационному классу можно определить лишь по словарю. Отсутствие в указанных монографиях случаев употребления половины словоизменительных морфем не позволяет составить удовлетворяющие описания без обращения к дополнительным источникам.

В нашем описании грамматики мы попытались заполнить некоторую часть выше упомянутых лакун с помощью материала, непосредственно собранного нами в ходе полевой работы с диалектами разных наречий. Таким образом, в настоящий момент можно говорить об исчерпывающем описании словоизменительной морфологии десяти диалектов и частичном описании ещё пятнадцати.

Список литературы

Максютова, Н.Х. Восточный диалект башкирского языка/ Н.Х. Максютова. – М.: Наука, 1976.

Максютова, Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении/ Н.Х. Максютова. – Уфа: Китап, 1996.

Миржанова, С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка/ С.Ф. Миржанова. — Уфа: Китап, 2006.

Миржанова, С.Ф. Южный диалект башкирского языка/ С.Ф. Миржанова — М.: Наука, 1979.

Орехов, Б.В. Проблемы морфологической разметки башкирских текстов // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014/ Б.В. Орехов. — Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2014. — С. 135–140.

Сиразетдинов, З.А. Диалектологическая база машинного фонда башкирского языка как инструмент исследования башкирского диалектного континуума// Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Т. 23. № 1./ З.А. Сиразетдинов, Л.А. Бускунбаева, Р.Н. Каримова. — Элиста, 2016. — С.212–219.

Poppe, Nicholas. Bashkir Manual: Descriptive Grammar and Texts with a Bashkir-English Glossary/
Nicholas Poppe. — The Hague: Mouton, 1964.

ПРЕПОДАВАНИЕ МИНОРИТАРНЫХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Т. Б. Агранат

Институт языкоznания РАН / Московский государственный лингвистический университет

Несмотря на то, что лингводидактика признается одним из разделов прикладной лингвистики, теория и методика преподавания языков традиционно считаются не входящими в круг задач лингвистики, или, по крайней мере, находятся на периферии ее интересов. Такая ситуация, безусловно, оправданна для благополучных языков. Преподавание же миноритарных и исчезающих языков, а также составление учебников и учебных пособий по ним не должны быть оставлены без внимания лингвистов, поскольку в данном случае от качества преподавания и учебников может зависеть сохранность языков.

Различные исследователи исчезающих языков, работавшие в разных регионах мира, приводят более или менее одинаковый набор условий, при которых возможен языковой сдвиг (подробно об этом см. [Вахтин 2001]). Среди факторов, влияющих на жизнеспособность языков, все исследователи так или иначе упоминают преподавание, ср., например: «преподавание языка в школе» [Кибрлик 1992]; «наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности» [UNESCO 2003]; «степень стандартизации языка», «тип поддержки языка в школе» [Edwards 1992] и др.

Еще недавно лингвисты высказывали два противоположных мнения: одни считали, что наличие письменности, литературного варианта – абсолютное благо для любого языка, другие же полагали, что стандартизация приведет к уничтожению диалектного богатства. В частности, эта проблема с высказыванием разных точек зрения обсуждалась в коллективной монографии [Зайц 1995]. И.А. Николаева [1995] и Е.А. Хелимский [1995] приводили аргументы против создания письменности для миноритарных языков. А.И. Кузнецова [1997] приводит примеры обучения детей языкам в устной форме в тех случаях, когда естественная передача языка прекратилась.

Однако в самые последние годы ситуация изменилась. Носители исчезающих языков стали считать наличие письменности и преподавания языка необходимым условием его сохранности и связывают гибель языка не с отсутствием его естественной передачи, а с отсутствием его в школьном обучении. Даже там, где еще есть возможность передачи живого языка в устной форме, господствует непоколебимая точка зрения, что язык можно получить, только если он имеет письменную фиксацию. Известны случаи, когда преподавание этнического языка послужило для старшего поколения причиной общаться с детьми на этом языке. Таким образом, первостепенной задачей по спасению языков, наряду с их документированием, является создание буквareй для бесписьменных языков. Принципиально, что написанием пособий для изучения языка должны заниматься люди с лингвистическим образованием, а не любители. Почему-то это приходится иногда выносить на обсуждение, хотя, казалось бы, всем должно быть очевидно, что непрофессиональный подход к языку может точно так же его убить, как самолечение – пациента. У носителей же языка есть своя важнейшая миссия, они обязательно должны участвовать в написании пособий: ни один текст, вошедший в книгу, не может быть придуман человеком, у которого этот язык выучен искусственно. А вот, скажем, вопросы составления алфавита и орографии может решить только лингвист. Лингвист же должен принять решение о выборе идиома, на основе которого будет проводиться нормирование, о выборе варианта при вариативном употреблении грамматических форм и т.д. Поскольку учителей бесписьменных языков не существует и срочно подготовить их невозможно, пособия нужно писать таким образом, чтобы по ним могли преподавать учителя других предметов. (Об опыте стандартизации бесписьменного языка и одновременно создания учебника для не владеющих этим языком см. подробнее [Агранат 2015]).

Литература

Агранат Т. Б. Стандартизация вымирающего языка (одного из 150) // Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Аллатова. Тезисы докладов международной научной конференции 22–23 апреля 2015, М., 2015.

Вахтин, Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. 2001. № 1. СПб.

Зайц Г. (ред.) Вопросы уральских литературных языков. Будапешт., 1995.

Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания, М., 1992.

Кузнецова А.И. Создание и становление письменности как социолингвистическая проблема (на примере миноритарных языков уральской языковой семьи) // Кузнецова А.И., Раевская О.В., Скорвид С.С. (сост.) Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997.

Николаева И.А. «Обско-угорские народы и литературный язык: личное мнение» // Зайц Г. (ред.) Вопросы уральских литературных языков. Будапешт, 1995.

Хелимский Е.А. Нганасанский язык как литературный: размышления по поводу литературных языков // Зайц Г. (ред.) Вопросы уральских литературных языков. Будапешт, 1995.

Edwards, John. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: towards a typology of minority language situations // W. Face, K. Jaspaert, and S Kroon (eds.) Maintenance and loss of minority languages. Amsterdam, 1992.

UNESCO (2003) – Vitalité et disparition des langues. Groupe d’experts spécial de l’UNESCO sur les langues en danger // http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_FR.pdf

НОВЫЕ АЛГОРИТМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер

Институт языкоznания РАН

Специфика поэтического дискурса своеобразно накладывается на социолингвистические условия и корректирует коммуникативные параметры поэтического билингвизма. У поэта-билингва выбор языка для общения и основного поэтического языка может не совпадать, поэт-билингв при выборе основного языка для поэзии зачастую руководствуется принципами, отличными от тех, что присутствуют в контексте бытового поэтического билингвизма. Выбор государственного или коренного языка как основного языка для поэзии совершается намеренно и является частью как поэтической стратегии, так и стратегии социальной саморепрезентации. Примечательно, что для описания поэтической работы на коренных языках поэты всегда используют испанский.

Поэзия играет особую роль в сохранении коренных языков, а поэты, выбирающие в качестве своего основного языка один из таких языков, своей поэтической практикой вносят важный вклад не только в его сохранение, но и в развитие и обогащение языка. В латиноамериканском контексте показательны случаи Суси Дельгадо (р. 1949) и Наталии Толедо (р. 1968), которые благодаря своим стихам на гуарани и сапотек соответственно получили известность не только в Парагвае и Мексике, но и во всем испаноязычном мире. В отличие от обычных случаев поэтического билингвизма в двуязычной поэзии на коренных языках случаи автоперевода являются регулярными.

Еще до недавнего времени (до конца XX в.) использование коренных языков ограничивалось макаронической поэзией или ироническими контекстами. В новейшей поэзии билингвальный стих выступает как мощный социолингвистический аргумент в необходимости продвижения билингвальной национальной культуры. Использование в поэзии кечуа, гуарани, сапотек и других коренных языков совмещается с наиболее современными визуальными и звуковыми техниками репрезентации. Новые алгоритмы характерны, например, для Douglas Dieges, создающего поэзию на смеси испанского, портуниол и гуарани, а также использующего приемы современного визуального искусства для репрезентации своей идентичности как индейского поэта.

MUDERSPROCH И MUTTASPROAK: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

О. А. Александров

Томский государственный университет

Е. А. Либерт

Институт филологии СО РАН

Более ста лет на территории Сибири существуют диалекты немецкого языка, история появления которых хорошо описана [Malinowsky 2000]. Это преимущественно верхненемецкие диалекты, образования вторичные и смешанные (пфальцский и южно-гессенский говоры) [Berend, Mattheier 1994]. Несмотря на массовую эмиграцию в Германию, число германоязычных говорящих в Сибири по-прежнему высоко, это прежде всего населенные пункты Алтайского края и Омской области; дисперсно носители этих говоров проживают на территории Томской, Красноярской, Омской, Новосибирской областей. Говорящие – почти исключительно представители старшего поколения.

Другим крупным германоязычным образованием Сибири и Казахстана является язык меннонитов (самоназвание *Plautdietsch*, плотдич), по традиции часто относимый отечественными германистами к нижненемецким диалектам [Jedig 1966, Авдеев 1967]. Тем не менее, окончательное оформление этого языка происходило вдалеке от исходной нижненемецко-фризской языковой базы в начале XIX в. на юге Российской империи [Quiring 1928, De Graaf, Nieuweboer 1993, Wall, Kanakin 1994, Nieuweboer 1998, Siemens 2012], откуда он был перенесен позже в Канаду, страны Южной Америки, и, наконец, в Сибирь (населенные пункты Омской области, например, деревни Солнцевка, Миролюбовка; Алтайского края – Протасово, Полевое, Редкая Дубрава; Новосибирской области – село Неудачино). Очень своеобразный прежде всего в фонетическом отношении, плотдич достаточно активно используется в качестве языка устного общения в быту. Среди носителей этого языка – не только люди старшего и среднего поколений, но и молодежь, и дети.

Каков бы ни был статус этих малых языковых образований, они имеют безусловно общую субстантную основу и схожий «островной» характер бытования в иноязычном окружении. Носители верхненемецких диалектов часто, а говорящие на плотдич практически всегда владеют литературным немецким языком, изучение которого поддерживается прежде всего организациями российско-немецкой культуры (например, российско-немецкие дома в городах Сибири, сельские центры культуры и встреч, а также закрепленные за ними школы); при этом литературный немецкий не является родным языком для данных носителей, часто имеет от него существенные отличия (сказанное относится, прежде всего, к языку меннонитов).

Крайне важной представляется работа по фиксации и описанию актуального состояния немецких диалектов. В настоящее время лингвистами из Томска и Новосибирска ведется работа над созданием онлайн-базы немецких диалектов Сибири, которая будет содержать аудио- и видеозаписи, фольклорные тексты, текстовые расшифровки. Сейчас она содержит данные шести экспедиций по Новосибирской и Томской областям.

Другая важная задача – поддержание статуса родного языка среди молодежи и детей потомков меннонитов, семьи которых по-прежнему говорят на плотдич. С этой целью планируется публикация небольшого пособия для чтения на этом языке; оно будет адресовано детям младшего и среднего школьного возраста, для которых плотдич – родной язык. Одной из существенных трудностей в работе является фиксация этого языка, который не имеет устойчивой письменной нормы, обладая при этом сложным вокализмом.

Оба проекта (создание онлайн-базы и написание детского пособия) были поддержаны в 2018 году Международным союзом немецкой культуры (Москва) как лауреаты конкурса «Российские немцы в авангарде культуры» (<http://rusdeutsch.ru/Nachrichten/10625>).

Литература

Авдеев И. Е. Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // Германские языки. Новосибирск, 1967.

Berend N. Sprachinselkorschung: eine Gedenkschrift für Hugo Jedig / N. Berend, K. Mattheier. Sprachinselkorschung: eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Frankfurt am Main: Peter Lang Europäische Verlag für Wissenschaften, 1994.

De Graaf T., Nieuweboer R. De taal der Mennonieten in Siberië en hun relatie met Nederland / de Graaf, R. Nieuweboer // Doopsgezinde Bijdragen. – 1993. – № 19. – S. 175–189.

Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademieverlag Berlin, 1966.

Kanakin I., Wall M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994.

Malinowski L. Deutsche in Russland und in Sibirien. Barnaul, 2000.

Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998.

Quiring J. Die Mundart von Chortitzia in Südrussland. Dissertation. München. 1928. 128 S. Режим доступа: <http://chort.square7.ch/Buch/Mundart.pdf>

Siemens H. Plautdietsch: Grammatik, Geschichte, Perspektiven. Tweebach. Bonn. 2012.

НОГАЙСКИЕ ИДИОМЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ

Ф. Г. Алексеев

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Около четверти населения Астраханской области составляют представители тюркоязычных этнических групп — казахи, татары и ногайцы [Сызранов 2008]. С лингвистической точки зрения наибольший интерес для исследователей представляет именно третья группа — если казахи и татары говорят на диалектах, достаточно близких подробно описанным литературным нормам соответствующих языков, то астраханские ногайцы пользуются в быту недостаточно изученными идиомами, сама принадлежность которых к ногайскому языку может быть поставлена под сомнение.

Нижневолжские ногайцы подразделяются на две основных группы — карагашскую и юртовскую. Первые отделились от общеноогайского массива в начале 18 века, перекочевав с Кавказа в заволжские степи, и, потеряв связь с другими ногайскими группами, подверглись значительному влиянию казахов и калмыков. Происхождение второй астраханско-ногайской группы — юртовцев — изучено в меньшей степени, однако даже если исторически они также произошли от собственно ногайцев, нельзя не отметить, что они подверглись крайне сильному влиянию средневолжских татар и, в меньшей степени, калмыков и астраханских туркмен [Арсланов 1997: 506]. В обоих случаях влияние отразилось не только на культуре, но и на языке соответствующих групп. Так, например, карагашская морфология в некоторых аспектах тяготеет к казахскому в большей степени, чем к каким-либо ногайским говорам [Сатанова 2015].

Сложная история формирования этих (суб)этнических групп и их идиомов находит отражение в не менее многогранной и запутанной этнолингвистической идентичности, которая во многом определяет современную языковую ситуацию в этих сообществах. Так, например, пожилые карагаши называют себя татарами, следуя логике советской национальной политики, и используют на письме литературный татарский язык, который преподавался в школах в их молодости. Более молодые представители того же сообщества считают себя ногайцами и в некоторых ситуациях пользуются на письме литературным ногайским языком. При этом бытовое общение между этими группами и внутри них происходит на карагашском идиоме, который вообще не имеет письменной формы (подробнее о языковом поведении карагашей см. [Алексеев 2018]).

В докладе будет представлена информация о степени сохранности и социолингвистическом положении обоих идиомов, собранная в рамках проекта «Астраханская экспедиция» (<https://astrexp.ru>). Помимо данных о витальности астраханско-ногайских идиомов, сферах их использования и особенностях языкового сдвига мы уделим особое внимание вопросам языкового активизма и наивного языковидения — активизм в этих сообществах действительно есть, даже несмотря на отсутствие формального признания их идиомов полноценными языками.

Отдельно будет рассмотрена ситуация с преподаванием родного языка в школе в местах компактного расселения этих групп. На данный момент в карагашских селах преподается ногайский язык Кавказа, в юртовских — татарский язык Среднего Поволжья. Собственно местные идиомы остаются бесписьменными, хотя запрос на разработку их литературных норм и учебников в сообществах есть. В рамках доклада будут предложены дальнейшие направления как исследовательской, так и активистской работы в регионе.

Литература

Алексеев Ф. Г. Татарско-казахские ногайцы: языковая идентичность астраханских карагашей // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А. П. Володина. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург 6–8 декабря 2018 г. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 9–11.

Арсланов Л. Ш. Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1997. С. 506–513.

Сатанова Д. С. Язык ногайцев-карагашей (астраханско-ногайский язык): краткий обзор социолингвистической ситуации // Малые языки. 2015. № 1. С. 17–34.

Сызранов А. В. Этносы и этнические группы Астраханской области. Астрахань: ОМЦ НК, 2008. 72 с.

Алексеев Фёдор Георгиевич (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Харитонов Василий Сергеевич (Музей истории Новгородского государственного университета)

МОЖНО ЛИ СПАСТИ МАЛЫЕ ЯЗЫКИ?

В. М. Алпатов

Институт языкоznания РАН

В современном мире сравнительно редки полярные ситуации: почти полное господство одного языка (случай Японии) и отсутствие господствующего языка (случай Швейцарии). Чаще всего имеется один язык, с точки зрения его функций преобладающий над всеми остальными, и множество языковых меньшинств. В большинстве случаев государство выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, и стимулирует роль государственного или фактически господствующего языка. Ситуация с малыми языками может быть различной.

В ряде стран (США, Япония) по-прежнему ставка делается на господство одного языка (например, английского и японского). Многие малые языки (многие индейские в США, айнский в Японии) исчезли или почти исчезли.

Иная политика преобладает сейчас в государствах континентальной Европы: имеется один господствующий язык, а другие языки имеют права и поддерживаются государством на региональном уровне. Предпринимаются разнообразные меры в защиту малых языков, в том числе по пропаганде этих языков среди соответствующих этносов. Их знание считается престижным. Языки вроде фризского, ретороманского, саамского пока что вполне жизнеспособны. По этому же пути идут и некоторые страны с господствующим английским языком: Австралия, Новая Зеландия. В этих странах нормой жизни считается двуязычие и многоязычие. Но, разумеется, никакие меры не могут заставить говорить на малом языке за пределами узкого этнического круга; эти языки в основном играют символическую роль, хотя для мало вовлеченных в общественную жизнь граждан, особенно для женщин, язык меньшинства может быть и наиболее употребительным. Урбанизация и развитие экономики мало способствует многоязычию. Призывы придать языкам меньшинств более значительные функции часто могут быть связаны с борьбой за независимость.

В России единой продуманной политики, сравнимой с тем, что делалось в советское время, чаще всего нет. Место ее заняли стихийные процессы, определяемые, прежде всего, законами рынка. Эти законы, в первую очередь, требуют взаимопонимания, а это в свою очередь требует распространения крупных языков и уменьшения языкового разнообразия. Предпринятые после 1991 г. меры оказались более успешными там, где их можно было осуществлять чисто административным путем: дублирование вывесок в учреждениях, увеличение времени вещания на национальных языках по государственным каналам телевидения и радио, расширение школьного образования на этих языках. Но там, где действуют законы рынка, например, в книгоиздании и выпуске газет и журналов, там малые языки заметно вытесняются русским. А меры вроде дублирования надписей оказываются показанными и в лучшем случае имеют символическое значение. Развитие же образования на национальных языках сдерживается отсутствием мотивации. Особо тяжелое положение сложилось с наиболее малочисленными языками Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера. Они плохо вписываются в рыночные отношения и не выживут без специальной поддержки. Законы в пользу этих языков существуют, но их действенность мала. А главное, сами их носители, если они ориентированы на эталоны современного общества и не добиваются независимости, не стремятся их сохранять. Можно лишь надеяться на символическую роль языка. Иначе остается лишь успеть получить о вымирающих языках максимально полную информацию.

КАЛМЫЦКИЙ ОНЛАЙН: РЕВИТАЛИЗАЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ*

В. В. Баранова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург / Институт лингвистических исследований РАН

Развитие интернета предоставляет новые возможности для миноритарных: многоязычие становится видимо через онлайн-коммуникацию (Danet and Herring 2007) и подобное взаимодействие в Интернете часто отмечается в качестве значимого фактора поддержки и ревитализации миноритарных языков. Однако пока что сравнительно мало известно о том, насколько в действительности эффективным оказывается изучение миноритарного языка в качестве эротажного и как именно меняются практики использования языка под влиянием интернета, в том числе в РФ (см. отдельные публикации: Pischlöger 2016; Orekhov et al. 2016).

Доклад будет посвящен особенностям калмыцкого языка и организации коммуникации в онлайн-сообществах в рамках этнографического подхода к компьютерному взаимодействию (Dovchin, Pennycook, Sultana 2018; Androutsopoulos 2013). Внимание не только к текстам и языку как таковому, но и длительное наблюдение за сообществами, в том числе комментариями и откликами на публикации, может дать нам понимание того, как влияет интернет-коммуникация на ревитализацию. Еще один важный исследовательский вопрос: насколько отличается калмыцкий в этих группах от стандартного языка, т.е. насколько велика интерференция со стороны русского?

Для анализа выбраны несколько типов активности по поддержке калмыцкого языка: 1) группы по изучению/возрождению калмыцкого языка в социальных сетях (Vkontakte, Facebook); 2) Radio Bumba – подкасты онлайн-радио и ролики с маркировкой данного медиаолдинга на Youtube с записями музыки в разных стилях, на русском и калмыцком. Преимущественное внимание будет уделено особенностям языка постов и комментариев, спонтанной речи ведущих, а также наиболее импровизационным жанрам и языковым характеристикам рэпа на калмыцком языке.

References

- Androutsopoulos, J.. Networked multilingualism: Some language practices on Facebook and their implications. *International Journal of Bilingualism*. 2013. 19 (2), 185–205
- Danet, B. and Herring, S. C. (Eds.). *The multilingual Internet: Language, Culture, and Communication online*. Oxford University Press. 2007
- Dovchin, S., Pennycook, A., Sultana, Sh. *Popular Culture, Voice and Linguistic Diversity: Young Adults On- and Offline*. Palgrave Macmillan. 2018.
- Orekhov, B., Krylova, I., Popov, I., Stepanova E., Zaydelman L. *Russian Minority Languages on the Web: Descriptive Statistics* //Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). М., 2016. Р. 452–461
- Pischlöger, C. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. 2016. Т. 14. Р. 108–132.

---

* Исследование выполнено в рамках проекта «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России» при поддержке РФФИ, грант 17-29-09097 (руководитель Е.В. Головко).

ЯЗЫК – БОГАТСТВО НАРОДОВ

К. М. Бельды

независимый исследователь

Язык – величайшее оружие человечества, способное и строить самое передовое не только в мире, но и в мировом сообществе людей, и уничтожать дотла все достигнутое и даже само человечество.

Лишь так я могу оценивать значение и силу языка. Поэтому я с величайшей радостью встретил обращение Института Языкоznания об объявлении «2019 года – годом Коренных языков России и мира». Это здорово! И большое СПАСИБО Институту за решение организовать 4–5 апреля 2019 года Международную конференцию «Лингвистический форум 2019: Коренные языки России и мира».

В связи с объявленным радостным событием о предстоящем форуме 2019, я постараюсь изложить вкратце мое личное отношение к языку своего небольшого народа Нани (нанайцы). Вопрос этот касается не только моего народа, но и языков всех малочисленных народов не только России, но и мира: они были в подавленном, усугубленном даже в зависимом состоянии от языков больших народов. От этого терялась не только красота, но и многозвучие языков и даже «погибали» сами малочисленные народы, имея свои национальные черты и говоря только на общепринятых языках государств, под «крышей» которых они живут.

Так случилось и с моим нанайским языком. В сороковых, пятидесятых и даже в начале шестидесятых годов прошлого столетия в российских школах неофициально запрещали говорить на своих родных языках. Требовали, чтобы учащиеся не только в школах, но и дома говорили исключительно на русском языке. А как говорить с родителями, если они абсолютно не знали русского языка!?

В начале сороковых годов, когда я пошел в школу, программа начальных классов велась на родном нанайском языке на базе латинского алфавита. Кстати, латинский алфавит очень хорошо подходил для письменной речи и отображал имеющиеся в нанайском языке гортанные, заднеязычные, передненебные и другие звуки имеющиеся в нанайской речи. А произносимые звуки русского алфавита не отображают их и от этого он дает большие искажения. Поэтому изучение нашего родного нанайского языка по написанным методикам на базе русского алфавита дает большие отклонения от нашей национальной дедовской речи. И от этого, когда на праздниках выступают со сцен дети, обучаемые в школах нанайскому языку, нельзя понять произносимые ими нанайские слова. Они ставят долготу, ударения где попало, к тому же искажаемые звуки русского алфавита дают отрицательный результат. Это очень плохо! Потому и поэтому надо было составить наш нанайский алфавит или дополнить русский отдельными знаками из латыни, чтобы алфавитное звучание соответствовало особенностям нашего языка.

На мой взгляд, надо было бы еще много поработать над нашей письменной речью в области суффиксов, сдвоенных Н, которые должны быть в нашем письме, над употреблениями дифтонгов, над русским Э, замененным на И, над Ц, замененным на Ч, над написанием Ъ знака перед сочетаниями ДИ, СИ, ... и еще над многими другими проблемами.

Из-за ряда имеющих недостатков, неполно указанных выше, сами учителя, не слышавшие живую речь предков, обучая детей по написанным методикам на русском языке, делают ошибки. Поэтому к методикам в обязательном порядке надо издавать подробные аудио записи от еще немного оставшихся в живых носителей языка. Если не сделать это сегодня, завтра уже может оказаться – ПОЗДНО !

В наш век научного прогресса, я думаю, даже не сложно издавать электронные книги с параллельными звучаниями на русском и родных языках, но чтобы их цены были доступны для среднего прожиточного минимума россиян.

СПЕЦИФИКА ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В БИЛИНГВАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ АДЫГЕИ И КАВКАЗА

М. М. Биданок

АРИГИ им. Т.М. Керашева

Соответственно существующему закону «О языках народов в Республике Адыгея» значимой выступает проблема возможного прогресса в имеющемся адыго-русском билингвизме. В республике, как в субъекте РФ, преимущественно преобладает язык русский. Коренное национальное население (адыги) составляет примерно четверть (24,5%) от всего числа жителей. Желаемая ясность в грамотном изложении непосредственно упрощает межличностное общение, содействуя таким путем конституционным функциям языка – русский как государственный язык страны и язык межнационального общения в РФ. Постсоветское преобразование государственных статусов национальных местностей повлекло за собой реальную потребность в разработке такого методического комплекса, который сумел бы гарантировать практическое взаимообогащение. Поскольку воспроизведение и распространение национального языка в республике с момента придания ему статуса государственного преимущественно принимается системой образовательных учреждений, библиотек, музеев, довольно активно, – средствами массовой информации и художественной литературой на национальном языке, его статус позитивен. И потому, излагая либо продуцируя конкретную информацию, подростки применяют правила непосредственно своего народного говора, несмотря на то, что русский и адыгский языки относятся к разным комплексам. Нацеленность при освоении русского языка в классах со «своим» и с «чужим» языками преподавания фактически дублируется. При этом на сегодняшней стадии развития социума особенно ожидаемым является перманентный подход к обучению, то есть уровень, на котором педагог обязан быть готов к независимому и желанному достижению научно-методических глубин. Тем не менее реальная степень орфографической грамотности учеников младшей школы в РА преимущественно ниже требуемого уровня. Соответственно часто прослеживаемая специалистами сегодня сложность в миновании интерференции родного языка формулирует потребность одновременно с учетом родного языка в национальном классе включить, как нередко предлагают исследователи сегодня, механизм фиксации функциональной соотнесенности русского и родного языков. В пределах данного механизма языковед видит возможность контроля: во-первых, содержания обучения, во-вторых, целесообразности используемого языкового ресурса. В ходе преодоления дисграфических трудностей, выявляемых как в младшей, так и в средней школе (тем более двуязычной), необходимо приучать контингент к самоконтролю. Серьезное значение при продуктивном приучении билингвалов к орфографии способен показать и самоконтроль. Он состоит в умении и стремлении ученика во время занятия грамматическими заданиями видеть орфограммы, вспоминать идентичные, воспроизводить возможные логические действия. Причем профилактику дисграфических сложностей необходимо активизировать уже на ранних стадиях их появления.

ФРАНКОПРОВАНСАЛЬСКИЙ ЯЗЫК В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. М. Бичурина

Лозаннский университет

Франкопровансальский язык распространен на приграничных территориях Швейцарии, Италии и Франции – в «стране Монблана», как называют этот регион сами жители. В 1822 году, группа виноделов из швейцарского кантона Во эмигрирует в Российскую империю, на бессарабское побережье Черного моря, и создает там винодельческую колонию Шабо. В начальный период существования Шабо, языком общения внутри колонии был франкопровансальский; французский использовался, главным образом, как язык делопроизводства в колонии и язык переписки с имперскими властями.

В докладе рассматривается представление о франкопровансальском идиоме в контексте меняющейся социополитической ситуации, социоэкономического статуса носителей этого языка, организации отношений с представителями других групп в полиэтническом и многоязычном регионе и языковой политики различных государств: до 1918 года Шабо входит в состав Российской империи; с 1918 по 1940/44 годы в состав Румынии; после в состав СССР и, в настоящее время, Украины.

В то же время, будет показано, как дискурс о «родном языке» не только отражает существующие социальные отношения, но и сам формирует новое видение и новое разделение социального пространства. Так, например, в румынский период дискурс о группе как об особой, в частности, на основании использования группой французского языка (выбранного как более веский аргумент, по сравнению с франкопровансальным), связан с формированием статуса колонии в местной социальной иерархии и практическими вопросами, такими как право на владение землей; в то же время такой дискурс, по-видимому, в значительной мере способствовал языковому сдвигу и постепенной утрате франкопровансального языка.

Основной метод исследования – критический анализ дискурса, с одной стороны, представителей сообщества (книги пастора, школьного учителя, винодела, личная переписка), а с другой, румынских и советских этнографов и лингвистов, проводивших полевые исследования в Шабо. Эти материалы были дополнены полевыми наблюдениями и интервью.

Основные анализируемые источники

Anselme André, 1925: *La colonie Suisse de Chabag (Bessarabie). Notice historique, 1822–1922*. Cetatea-Alba: Imprimerie le Progrès.

Archives fédérales suisses: E* Archiv des Schweizerischen Bundesstaates ab 1848, 1848–2009, E2200.15–02#XVIII-A *Colonie suisse de Roumanie* (Serie); E4265B#E300.09 *Auslandschweizerkolonien: Mitteilungen und Berichte*; E4265B#1988/18#188* *Bessarabienschweizer. Chabag – Schweizerkolonie* (Dossier).

Ascoli Graziadio Isaia, 1878 [1874]): “Schizzi franco-provenzali”. *Archivio glottologico italiano* 3, 61–120.

Borodina Melitina, 1963: «Le parler de Chabag», in *Revue des langues romanes*, 1963, vol. XXVII, № 107–108, 470–480.

Bugnion François-Louis, 1846: *La Bessarabie ancienne et moderne*. Lausanne – Odessa: Neumann.

DULAMANGIU Vasile 1939: « La population et le langage de Chabag », in Arhiva, Jaši, N° 1–2, 127–138.

Бородина Мелитина Александровна, 1962: «Термины виноградарства и виноделия в говоре Шабо», Лимба ши литература молдовеняскэ, №2, 33–40.

Шишмарев Владимир Федорович, 1975: «Швейцарское поселение в Шабо», Романские поселения на юге России, Ленинград: «Наука», 136–146.

Библиография

- Anderson Benedict, 1983: Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso.
- Bourdieu Pierre, 1980: « L'identité et la représentation. Eléments pour une réflexion critique sur l'idée de région. » *Actes de la recherche en sciences sociales*, vol. 35, no 1. (1980), 63 – 72.
- Brubaker Rogers, 1996: Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe, Cambridge: Cambridge University Press.
- Fairclough Norman and Ruth Wodak, 2010 [1997]: “Critical Discourse Analysis in Action.” *Applied Linguistics Methods. A Reader: Systemic Functional Linguistics, Critical Discourse Analysis and Ethnography*. Eds. Coffin, Caroline, Theresa Lillis and Kieran O’Halloran. London and New York: Routledge, 98–111.
- GAL Susan. 2011: “Polyglot Nationalism: Alternative Perspectives on Language in 19th Century Hungary.” *Langage et Société* 136 (2): 31–54.

ДОКУМЕНТАЦИЯ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ГВАТЕМАЛЕ

И. А. Виноградов

Университет Бонна

В докладе будут резюмированы основные усилия, направленные на описание и сохранение языков коренного населения Гватемалы в последние 50 лет. Будет представлен относительно успешный опыт Гватемалы, который может быть сопоставлен с аналогичными ситуациями в России и других странах.

Гватемала – небольшая страна в Центральной Америке с населением более 17 млн. человек, из которых примерно 40% принадлежат к коренным этносам. Большинство коренных языков Гватемалы относятся к языковой семье майя (самые крупные из них: киче, мам, как-чикель и кекчи); см. карту. Помимо них есть два других языка: гарифуна (аравакская семья) и шинка (изолят), хотя последний практически вымер (Sachse 2010: 65). Ни один из этих языков не имеет официального статуса (официальным языком является испанский).

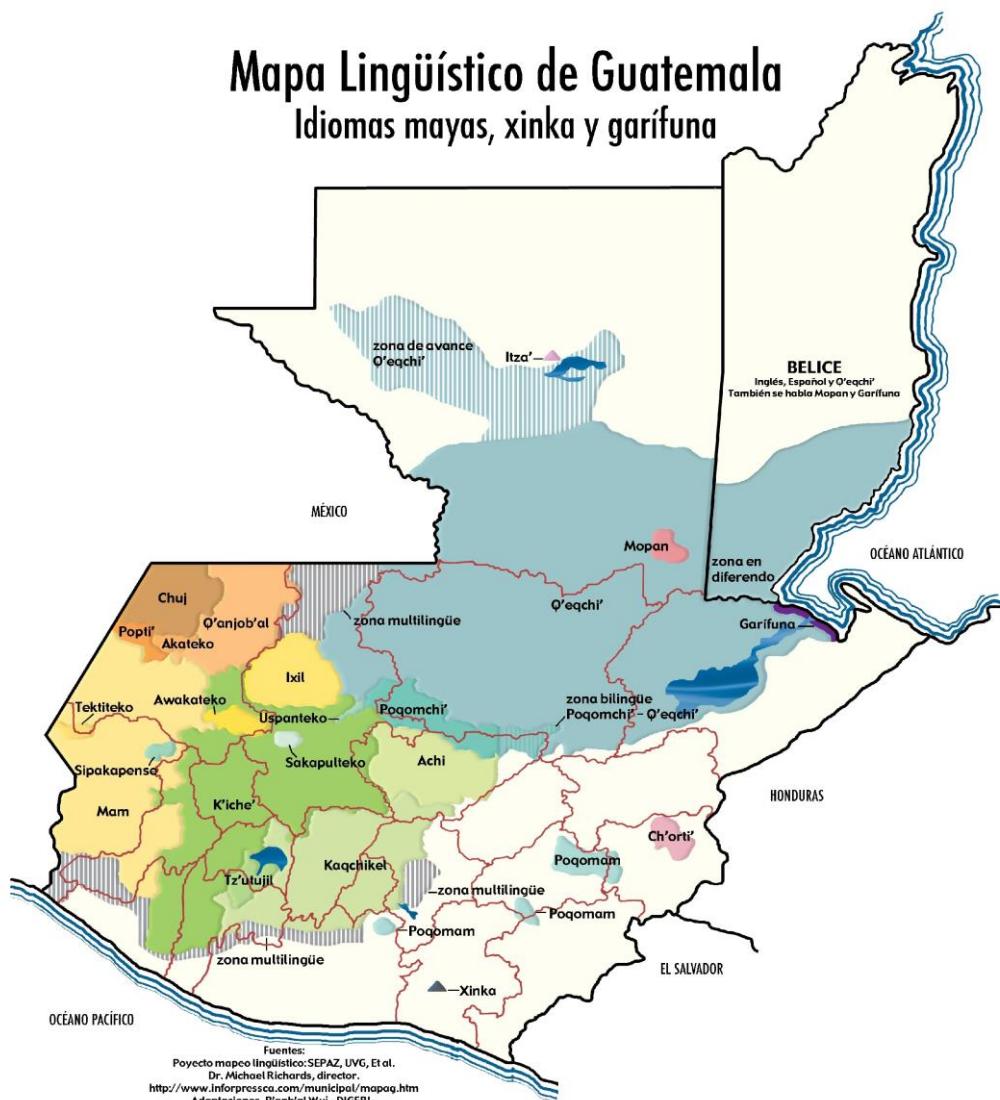
Особый интерес к языкам Гватемалы возник во второй половине XX века. Внутренний интерес связан с гражданской войной (1960–1996) и развившейся на её фоне идеей поиска идентичности народов майя (см. Ершова 2017). Общественные лидеры стали рассматривать язык как инструмент культурной самоидентификации. Из этого социального движения появилась Академия языков майя Гватемалы (ALMG). Сначала её целью было создание унифицированного алфавита для языков майя и возрождение письменной традиции. С 1990 г. она обрела государственный статус, и её главной задачей стала поддержка языков майя на всей территории страны (England 2003; French 2003).

Внешний интерес к коренным языкам Гватемалы связан с полевыми исследованиями американского лингвиста Терренса Кауфмана, который в 1970-х гг. начал воплощать в Гватемале идеи Кеннета Хейла о том, что описывать язык должен носитель этого языка (Chelliah & de Reuse 2011: 56). В 1990-х и 2000-х гг. эту работу продолжила Нора Ингланд при финансовой поддержке зарубежных фондов. За это время базовое лингвистическое образование получили более 60 носителей языков майя, многие из которых стали профессиональными лингвистами, способными работать не только со своим родным языком, но и с другими языками и теорией языка в целом (French 2003). Эти усилия способствовали повышению социального престижа профессии лингвиста.

Вопреки сложной политической и экономической ситуации, на протяжении последних 50 лет в Гватемале последовательно ведётся лингвистическая работа. Хотя избежать исчезновения некоторых языков не удается (на языке ица, по последним данным, говорят всего 12 человек пожилого возраста), статистика показывает, что количество говорящих на большинстве языков со временем возрастает (см. таблицу на примере языка покомчи). Такой стремительный рост отчасти обусловлен демографией и искажает реальную ситуацию, поскольку ранние переписи охватывали не всё население, а в военные и послевоенные годы многие люди боялись признавать себя этническим меньшинством. Тем не менее, эти данные могут служить косвенным свидетельством успешной работы по ревитализации языков.

Численность говорящих на покомчи (по разным источникам)

1957	1979	2001	2008	2017
25 тыс.	61 тыс.	69 тыс.	114 тыс.	~200 тыс.

Дистрибуция коренных языков Гватемалы

Библиография:

- Ершова, Г. Г. 2017. Поиск идентичности современными общинами майя: возвращение к истокам? // Вестник РГГУ: серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение», №4–2(10): 255–265.
- Chelliah, Shobhana L. & Willem J. de Reuse. 2011. Handbook of descriptive linguistic fieldwork. Dordrecht: Springer.
- England, Nora C. 2003. Mayan language revival and revitalization politics: Linguists and linguistic ideologies. *American Anthropologist*, 105 (4): 733–743.
- French, Brigitte M. 2003. The politics of Mayan linguistics in Guatemala: Native speakers, expert analysts, and the nation. *Pragmatics*, 13(4): 483–498.
- Sachse, Frauke. 2010. Reconstructive description of eighteenth-century Xinka grammar. Utrecht: LOT.

УРБАНИЗАЦИЯ ПРИКАСПИЙСКОЙ ЗОНЫ: ИЗМЕНЕНИЕ ЯЗЫКА С ИЗМЕНЕНИЕМ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ТРУДА

С. П. Виноградова, Л. Р. Додыхудоева

Институт языкоznания РАН

В способах ведения хозяйства, конструкции жилищ, обрядах и обычаях население южного побережья Каспия обнаруживает определенную общность на фоне современного Ирана. Этнолингвистически здесь выделяют три региона, имеющих естественные, природные границы. С юга это хребты горной системы Эльбрус; на северо-западе ущелье реки Сефидруд обосабляет Талышские горы и ареал распространения таких новоиранских идиом, как талышский язык и диалекты тати. В свою очередь на востоке Туркмено-Хорасанские горы связаны с исторической областью Хорасан.

Данная статья опирается на уже существующие описания и на авторские полевые исследования того региона южного побережья Каспия, которое включает в себя прибрежную низменность и горы Центрального Эльбурса. Это территория бытования таких близко родственных современных иранских языков северо-западной группы, как гилянский и мазандеранский с диалектами шамерзади и велатру.

Основное занятие населения равнин — земледелие, а в прилегающих горных районах жители заняты скотоводством (крупный рогатый скот, овцы, козы). Еще недавно четко дифференцированные социокультурные группы прикаспийского общества специализировались на конкретном способе ведения хозяйства, и пастухи крупного рогатого скота *галеши* (*gālēš*) на лето по традиции перегоняли скот на летние пастбища, где заготавливали на зиму молочные продукты, лежавшие в основе их питания. Различные способы переработки молока сформировали и различные кисломолочные продукты.

С процессами урбанизации и изменением жизненных условий изменились языки, особенно словарь, здешних жителей, которые все больше становятся жителями городов или предпочитают сезонные передвижения из горных селений в города.

Здесь мы приведем специфическую лексику мазандеранских скотоводов и покажем, как она изменилась в новых урбанистических условиях. Мы покажем также специфику отношений и динамику взаимодействия конкретных этнолингвистических общностей, . сложившихся в рамках данного региона, на формировании которых отразилась также его сложная, драматическая история, насчитывающая несколько тысячелетий, и которая, что вполне вероятно, могла проявиться в тех или иных проявлениях коренного субстрата/субстратов.

УРБАНИЗАЦИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ: ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

А. А. Винокурова

Ленор Гренобль

Институт языков и культуры Народов Северо-Востока РФ /
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Амосова

Чикагский университет

Эвенский язык (iso 639–3) относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье тунгусской ветви. Эвены проживают в пяти регионах Российской Федерации: Камчатском крае, Магаданской области, Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе, Хабаровском крае. Самая большая часть из них проживает в Республике Саха (Якутия), 15 071 из 21 830 человек по Всероссийской переписи населения 2010 г.. Как и другие языки коренных малочисленных народов Севера, эвенский язык находится под угрозой исчезновения. В 2010 году эвенов, которые знают язык, насчитывалось всего 5656 человек, или 26% населения. Тем не менее, его уровень владения выше, чем у других коренных языков: тут можно сравнить его с эвенками, всего 4802 из населения 38 396 человек, или только 12,5%.

В статье мы рассмотрим влияние урбанизации на лингвистическую структуру, так и на жизнеспособность эвенов, а также на факторы, которые поддерживают устойчивость и удержание языка. Нами рассмотрены лингвистические индикаторы языкового контакта со сдвигом или без сдвига и показаны изменения, связанные с языковыми контактами среди тех, которые хорошо знают и ежедневно говорят на родном языке и признаки языкового сдвига и потери. Первые включают основные изменения порядка слов и морфосинтаксическую калибровку или репликацию шаблонов, как видно из примеров (1) и (2); последние включают сокращение и/или потерю инфлекцией и заимствование с синтаксической реструктуризацией.

(1) порядок слов: глагол стоит не в конце предложения

Aci	хаңанаðдан	авум	асатканду.
Аси-∅	хаңан-а-д-да-н	аву-м	асаткан-ду.
женщина-ном	шить-IMPF-N.PST-3SG	шапка-асс	девушка-дат
женщина	шьет	шапку	девушке.

(2) порядок слов: глагол стоит не в конце предложения

Нярикам	нян	ноұман	ноұман	нурин	мөдук.
Нярика-м	нян	ноң-ма-н	ноң-ма-н	ну-ри-н	мө-дук.
мальчик-асс	и	3SG-ACC-3SG	3SG-ACC-3SG	вынуть-PST-3SG	вода-ABL
мальчика	и	его	его	вынул	из воды

(Собака вынула мальчика из воды.)

Это не означает, что отсутствие заимствований обозначает, язык хорошо держится а, наоборот, что большое количество заимствований (и лексических и структурных) обозначает, что происходит сдвиг, а скорее, что целая сеть изменений указывает на то или другое по континууму языкового сдвига.

За последние 20 лет экология местного языка в Республике Саха значительно изменилась. Урбанизация – ключевой фактор: Якутск – самый быстрорастущий город на Северо-Востоке Российской Федерации (Heleniak 2017: 84); население выросло с 229 951 в 2002 году до 311 760 в 2018 году. Многоязычие уже не связано с конкретными социальными или этническими группами, а происходит по секторам, и не ограничивается лицом к лицу взаимодействия. Вместо этого он мультимодальный, с интернетом, сотовыми телефонами и социальными сетями, все это способствует многоязычным взаимодействиям (Aronin & Singleton 2008, Cenoz 2013). Входные данные могут быть односторонними и даже пассивными и больше не включают только географически близкие языки: даже английский может войти в дом и

повседневную жизнь коренных народов Севера через средства массовой информации и Интернет.

Хотя эвены давно проживают в многоязычных общинах, урбанизация приносит разные языковые контакты. Исторически сложилось так, что контакты были с другими коренными народами, и для эвенов, чукчи и юкагиры до какой-то степени владели эвенским языком. Теперь русский язык заменил другие местные языки и служит как язык всеобщего общения (т.е как лингва-франка). В 1989 году 22% эвенов в Республике Саха (Якутия) были городскими, к 2010 году они выросли до 33,7% (Бурцева и др., 2014 г., Всероссийская перепись 2010 г.). Поскольку эвены перемещаются в городские центры, они находятся в контакте не только с русскими и якутами, но и с носителями многих других иммиграントских языков. В Республике Саха проживает больше кыргызов и бурят, чем эвенов.

Наши выводы основаны на полевых работах, проводимых в Якутске и в поселке Березовка с использованием смешанных методов: целенаправленные эксперименты, выявление, запись спонтанной речи и социолингвистических вопросников. Березовка известна тем, что была изолирована до 1950-х годов, что является одним из факторов, помогающих поддерживать там язык и сохраняя традиции дольше, чем в некоторых других регионах (Robbek 2005). Тем не менее, люди переезжают из Березовки в города, по разным причинам: для экономического развития, чтобы воссоединиться с членами семьи, и из-за наводнения в деревне, которая сделала многие дома непригодными (Филиппова, 2017). Урбанизация является основным фактором языкового сдвига, но может быть компенсирована сильным самосознанием, которое создает связи между эвенами, живущими в городах и поддерживает употребление языка.

Литература

- All-Russian Census 2010. Vserossiiskaja perepis' naselenija 2010 goda. Rosstat. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Aronin, Larissa & David Singleton. 2008. Multilingualism as a new linguistic dispensation. International Journal of Multilingualism 5 (1):1–16.
- Burtseva, Tatiana E., Tatiana E. Uvarova, Mikhail I. Tomsky & Jon Ø. Odland. 2014. The health of populations living in the Indigenous minority settlements in Northern Yakutia. International Journal of Circumpolar Health 73: 25758.
- Cenoz, Jasone. Defining multilingualism. Annual Review of Applied Linguistics 33: 3–18. <https://doi.org/10.1017/S026719051300007X>
- Dadaskinov, Stepan. 2018. Berezovke ispolnilos' 50 let. Sajt po kul'ture i turizmu korennnykh narodov Severa. <http://npeople.ucoz.ru/publ/4-1-0-45>
- Filippova, Viktorija Viktorovna. 2017. Èveny Berezovki v uslovijakh navodnenij: iz oporta sedenterizatsii. Serija: Gumanitarnye nauki 12: 84–88. <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru--gn17-12/4030-a>
- Heleniak, Timothy. 2017. Boom and bust. Population change in Russia's Arctic cities. In Robert W. Ortung (ed.), Sustaining Russia's Arctic cities. Resource politics, migration and climate change, 67–87. New York: Berghahn.
- Robbek, V. 2005. Fol'klor èvenov Berezovki. Yakutsk: Institut gumanitarnykh issledovanij i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdelenija RAN.
- Sasse, H.-J. 1992. Language decay and contact-induced change: Similarities and differences. In M. Bremzinger, ed., Language death. Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa, 59–80. Berlin: Mouton de Gruyter.

URBANIZATION, SUSTAINABILITY AND RESILIENCE: THE CASE OF EVEN

Antonina Vinokurova

North-East State University by M.K. Amosov

Lenore A. Grenoble

University of Chicago

Even (ISO 639–3 eve) is a Tungusic language spoken in the Russian North and Far East, with the largest segment of the population living in the Republic of Sakha (Yakutia), with 15,071 of a total population of 21,830 living there (2010 All-Russian Census). Like other minority Indigenous languages of the Russian North, Even is endangered. In 2010, only 5656 speakers, or 26% of the population, reported knowing the language. Still, its retention rates are higher than for many other languages: we can compare it to closely related Evenki, with 4802 speakers out of a population of 38,396, or only 12.5%. In this paper we examine the impact of urbanization on both the linguistic structure and the vitality of Even, and on factors that support language sustainability and resilience. We further consider the linguistic indicators of language contact with and without shift, and show that although some kinds of contact-induced change occur in vital language communities, others are more indicative of shift and loss. The former include basic word order changes and morphosyntactic calquing, or pattern replication, as seen in examples (1) and (2); while the latter involve reduction and/or loss of inflection and wholesale replacement (matter borrowing), with syntactic restructuring, as in (3) and (4).

The local language ecologies in the Sakha Republic have changed dramatically over the last 20 years. Urbanization is a key factor: Yakutsk is the fastest growing city in the Russian North (Heleniak 2017: 84), with population growth from 229,951 in 2002 to 311,760 in 2018. Multilingualism is no longer associated with specific social or ethnic groups but occurs across sectors, and is no longer limited to face-to-face interactions. Instead, it is multimodal, with the internet, cell phones and social media all contributing to multilingual interactions (Aronin & Singleton 2008; Cenoz 2013). Input can be unidirectional and even passive, and no longer involves only geographically close languages: even English can enter the home and daily lives of Indigenous peoples in the North through media and the internet.

Although Even have long lived in multilingual communities, urbanization brings a different kind of language contact. Historically, contact was with other Indigenous peoples, and it was common for Evenki, Chukchi and Yukaghirs to speak some Even. Now, Russian has replaced other local languages as the lingua franca. In 1989, 22% of Even in Sakha were urban, by 2010 it had climbed to 33.7% (Burtseva et al. 2014; All-Russian Census 2010). As Even move into urban centers, they are in contact not only with Russian and Sakha, but also a host of multiple other immigrant languages. There are more Kyrgyz and Buriat living in the Sakha Republic than Even.

Our conclusions are based on fieldwork conducted in Yakutsk and the village of Berezovka using mixed methods: focused experiments, elicitation, recordings of spontaneous speech and socio-linguistic questionnaires. Berezovka is known for having been isolated until the 1950s, which is one of factors that has helped maintain the language there and kept traditions alive much longer than in some other regions (Robbek 2005). Nonetheless, people have been moving from Berezovka to the cities, for economic advancement, to be reunited with family members, and due to flooding in the village which has made many homes uninhabitable (Filippova 2017). Urbanization is a major factor in language shift, but can be offset by a strong sense of community that creates bonds among Even to support language maintenance in cities.

(1) word order: SVO instead of expected SOV

Acu   хаңаңаддаң   аўум   асатканду.
Asi-∅   haŋan-a-d-da-n aβu-m asatkan-du
woman-NOM sew-IMPF-N.PST-3SG hat-ACC girl-DAT
'The woman sews a hat for the girl.'

(2) word order: SVO instead of expected SOV

Нярикам нян ноуман ноуман нурин мөдук.
Narika-m jan noj-ma-n nu-ri-n mod-duk mo-duk.
boy-ACC and 3SG-ACC-3SG take.out-PST-3SG water-ABL вода-ABL
мальчика и его его вынул из воды
'And he [the dog] took the boy, him, out of the water.'

References

- All-Russian Census 2010. Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda. Rosstat. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Aronin, Larissa & David Singleton. 2008. Multilingualism as a new linguistic dispensation. International Journal of Multilingualism 5 (1):1–16.
- Burtseva, Tatiana E., Tatiana E. Uvarova, Mikhail I. Tomsky & Jon Ø. Odland. 2014. The health of populations living in the Indigenous minority settlements in Northern Yakutia. International Journal of Circumpolar Health 73: 25758.
- Cenoz, Jasone. Defining multilingualism. Annual Review of Applied Linguistics 33: 3–18. <https://doi.org/10.1017/S026719051300007X>
- Dadaskinov, Stepan. 2018. Berezovke ispolnilos' 50 let. Sajt po kul'ture i turizmu korennnykh narodov Severa. <http://npeople.ucoz.ru/publ/4-1-0-45>
- Filippova, Viktorija Viktorovna. 2017. Èveny Berezovki v uslovijakh navodnenij: iz opyta sedenterizatsii. Serija: Gumanitarnye nauki 12: 84–88. <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru--gn17-12/4030-a>
- Heleniak, Timothy. 2017. Boom and bust. Population change in Russia's Arctic cities. In Robert W. Ortung (ed.), Sustaining Russia's Arctic cities. Resource politics, migration and climate change, 67–87. New York: Berghahn.
- Robbek, V. 2005. Fol'klor èvenov Berezovki. Yakutsk: Institut gumanitarnykh issledovanij i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdelenija RAN.
- Sasse, H.-J. 1992. Language decay and contact-induced change: Similarities and differences. In M. Bremzinger, ed., Language death. Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa, 59–80. Berlin: Mouton de Gruyter.

«МАЛЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ КОРПУСА ТЕКСТОВ НА ЯЗЫКАХ МАНДЕ»: STATE OF THE ART

В. Ф. Выдрин

Санкт-Петербургский государственный университет

После того, как текстовые корпуса для крупных языков семьи манде (< макросемья нигер-конго, Западная Африка) были созданы, помещены в интернет в режиме открытого доступа и доведены до достаточно больших размеров (по крайней мере, по африканским меркам: Справочный корпус бамана – почти 10 млн. на конец 2018 г., Справочный корпус манинка – почти 3,5 млн.), была поставлена задача создания письменных корпусов и для других языков семьи. В настоящее время уже находится в открытом доступе онлайн корпус восточного дан (чуть меньше 0,5 млн. слов). На разных этапах разработки находятся корпуса языков муан, гуро; кроме того, обсуждается возможность создания корпусов гбан, гоо, кпелле, какабе и сонинке.

Проблемы, возникающие в процессе работы над «малыми корпусами манде», могут быть сгруппированы в такие кластеры.

1. Орфография, в частности, обозначение тонов.

Для большинства языков Кот д'Ивуара до сих пор использовались «пунктуационные» орфографии, в которых тоны обозначаются при помощи арифметических знаков и знаков препинания (дефис, знак равенства, апостроф, двойной апостроф), что не позволяет отразить тоны во всех релевантных позициях. В настоящее время происходит процесс смены орфографий для некоторых языков страны (с обозначением тонов диакритиками), в частности, для восточного дан и муан¹, что облегчает задачу создания корпусов. Для гбан подобное реформирование орфографии пока что не обсуждается, однако разработка «диакритической» орфографии (хотя бы в статусе вспомогательной) представляется необходимым для использования в Корпусе. «Диакритическая» орфография для гуро (адекватно отображающая все фонологические противопоставления, имеющиеся в языке) была разработана ещё десять лет назад, однако, по организационным причинам, её практическое использование остаётся очень ограниченным. Для этого языка серьёзную проблему представляет тот факт, что имеющиеся тексты (за исключением собранных самими исследователями, работающими над созданием Корпуса) записаны в разнообразных орфографиях, как правило, с неточными и недостаточными обозначениями тонов и с игнорированием некоторых релевантных фонологических оппозиций (противопоставление гласных по продвинутости/отодвинутости корня языка; оппозиция имплозивных и эксплозивных согласных).

В гвинейском кпелле стандартная орфография ещё не выработана. В сонинке не разработано стандартное обозначение глубинных тонов, пригодное для тональной нотации в корпусе. Эти вопросы находятся в стадии решения.

2. Вопросы программного обеспечения. Для корпусов больших языков манде был создан программный пакет Даба, учитывающий их специфику: тональность, обильное словосложение и деривацию, необходимость иерархической морфологической аннотации лексем (т.е. совмещение аннотации на уровне лексемы и на уровне составляющих её морфем). В последнее время были разработаны инструменты для представления параллельных корпусов. Однако для проекта «Малых корпусов» типична ситуация, когда имеется значительный объём текстов, уже аннотированных и снабжённых свободными переводами в программе Toolbox. Даба имеет существенные преимущества по сравнению с Toolbox (в первую очередь, воз-

¹ Эти орфографические реформы вписываются в проект унифицированного реформирования орфографий языков Кот д'Ивуара, обсуждение которого идёт в научных и властных структурах страны с конца 2016 года.

можность интеграции в корпус текстов без ручного снятия омонимии, а также иерархическая морфемная аннотация), однако необходима её доработка, облегчающая интеграцию в Корпус свободных переводов (и, соответственно, упрощающая в целом процесс пополнения параллельных корпусов). В перспективе планируется и обеспечение её совместимости с разметкой, позволяющей синхронизировать письменный текст с аудио- и видеофайлами, что позволит использовать Daba и для создания аудиокорпусов.

В докладе планируется рассмотреть и некоторые другие трудности, возникающие в процессе работы над проектом.

КОМИ-ЯЗЬВИНСКИЙ ИДИОМ В ХХI ВЕКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Р. В. Гайдамашко

Институт лингвистических исследований РАН

А. С. Лобанова

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет

По-прежнему среди языковедов и историков нет единого мнения относительно статуса коми идиома, распространенного в бассейне реки Язьвы (приток Вишеры, Красновишерский район Пермского края). Одни исследователи считают, что этот идиом имеет особенности, значительно отличающие его как от коми-пермяцкого, так и от коми-зырянского и позволяющие выделять его как отдельный язык (см. работы В. И. Лыткина до 1960-х гг., В. К. Кель-макова, Г. Н. Чагина, Шандора Чуча и др.). Другие склонны считать идиом наречием коми-пермяцкого языка (см. работы Р. М. Баталовой, А. С. Кривошёвой-Гантман и др.).

Как бы то ни было, носители этого языка при переписях населения отдельно никак не учитываются, поэтому установить количество говорящих на коми-язьвинском по данным переписей можно лишь приблизительно. Например, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., в пределах бассейна камской Вишеры «пермяками» по языку (т. е. носителями коми-язьвинского языка) записались 3163 человека. В более поздних переписях населения коми-язьвинцев записывали русскими. По переписи 2002 г. в Красновишерском р-не коми-пермяками записались 198 человек и 688 человек отнесли себя к коми. По итогам переписи 2010 г., в Пермском крае коми-язьвинцами записались 436 человек [Народы Пермского края 2014: 238].

Коми-язьвинцы представляют собой особую этническую группу коми-пермяков, которые из-за специфического вокализма и некоторых грамматических черт родного языка не могут пользоваться коми-пермяцким (равно как и коми-зырянским) литературным языком и нуждаются в формировании своей литературной нормы (современной науке известны подобные разработки нескольких литературных вариантов для исчезающих языков, например, для селькупского, нуждающегося сегодня в трех вариантах учебной литературы). Зачатки этой нормы были заложены изданием коми-язьвинского Букваря и другой литературы силами отдельных энтузиастов [Паршакова 2003, 2008; Лобанова, Кичигина 2012]. Преподавание языка в двух местных школах в наши дни ведется на факультативной основе и составляет всего один час в неделю.

В докладе на основе личных наблюдений, ответов на опросы по социолингвистическим анкетам и полевых записей последних лет предпринимается попытка оценить современное состояние коми-язьвинского языка. Также авторами доклада выносятся на обсуждение некоторые возможные меры по поддержке и сохранению коми-язьвинского языка.

Литература

Лобанова, А. С., Кичигина, К. С. Русско-коми-язьвинский словарь. Пермь : [Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т], 2012. 244 с.

Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник / Под ред. А. В. Черных, М. С. Каменских, А. А. Субботиной, С. В. Неганова. СПб. : Изд-во «Маматов», 2014. 416 с.

Паршакова, А. Л. Коми-язьвинский букварь. Учебник для общеобразовательных школ. Пермь : Пермское кн. изд-во, 2003. 136 с.

Паршакова, А. Л. Ләддъётан книга = Книга для чтения : хрестоматия на коми-язьвинском языке. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2008. 203 с. : цв. ил., портр.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097(офи_м) (вклад Р.В. Гайдамашко).

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТОСКА ПО ЯЗЫКУ ИЛИ МИНУС ЯЗЫК

Ю. Е. Галямина

НИВЦ МГУ им. М.В.Ломоносова / Институт языкоznания РАН

В докладе будут представлены результаты социолингвистического исследования, которое проводилось в 2015–2018 гг. в рамках экспедиций в Красноярский край, в места проживания кетского, селькупского и эвенкийского населения. В рамках исследования было проведено социолингвистическое анкетирование (анкета разработана О. А. Казакевич¹) в 5 поселках: Бахта, Верхнеимабцк, Келлог, Суломай, Турханск. Всего было собрано 190 анкет среди жителей поселков разных возрастов, относящих себя к одному из малых народов, или же имеющих родственников, относящихся к малым народам.

Исследование подкреплялось более глубокими социолингвистическими интервью, которые были получены в ходе экспедиции 2018 года.

В рамках исследования изучалась не только самоидентификация человека, его родственные связи и уровень владения языком, но и его отношение к языку как к средству самоидентификации. В результате зафиксирована главная тенденция: большинство респондентов считают важным знать родной язык для самоидентификации, несмотря на то, что сами себя они считают представителями малых народов и при этом владеют языком.

При этом наблюдается зависимость между тем, насколько важно владение языком для самоидентификации в сообществе от того, насколько много в сообществе людей (в основном это люди старшего поколения), говорящих на родном языке.

Кроме того, наблюдается определенный разрыв между понятием «родной язык» и владением языком. Люди, не владеющие языком, по их собственному заявлению и объективно, при этом называют родным языком языком предков.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, когда фактором идентичности становится не собственное владение языком, а наличие языка как такового, наличие не только представления о родном языке, но и «тоски», тяги к родному языку (которая впрочем не воплощается ни в какое действие) как фактора построения идентичности.

---

¹ Казакевич О. А. Малые языки Севера, Сибири и Дальнего Востока в зеркале переписей населения и социолингвистических обследований (1989–2015) // Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Аллатова. Тезисы докладов Международной научной конференции. 22–23 апреля 2015 г. — ИВ РАН Москва, 2015. — С. 50–51

«САМЫЙ КРАСИВЫЙ И СЛАДКИЙ КАК МЕД»: ДИАЛЕКТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НА КАЗЕРУНИ В ИНТЕРНЕТЕ

А. В. Громова

Институт стран Азии и Африки МГУ

Казеруни – урбанолект города Казерун (население 96 тыс. чел. в 2016 г.), одного из важных исторических и культурных центров остана Фарс (на юго-западе Ирана, столица – Шираз). Подобно многим местным идиомам казеруни генетически связан со среднеперсидским языком, а также близок ширазскому идиому [4; 5]. На основе анализа рефлексов древнеиранских фонем [3], реконструируется следующая генеалогическая цепочка: древнеширазский → среднеширазский (отличается от зороастриского среднеперсидского и родственен манихейскому) → староширазский → современные диалекты: давани, банафи, дахлеи, пирмохлати, зоргани, сорхи, сарвестани, кялани, – и, с другой стороны, староказерунский → современный казеруни.

Казеруни оказался одним из первых идиомов, описанных в рамках проекта по составлению «Сокровищницы диалектов Ирана», начатого Академией персидского языка и литературы (<http://apll.ir/>) в начале XXI в., и был задокументирован в [6] вместе с другими родственными ему языковыми разновидностями округов Маркази, Хешт, Баладех и Ноудан шахрестана Казерун и близлежащего округа Кухмаре-ье Сорхи. [7]. В ходе полевой работы были собраны около 1500 лексем по тематическим блокам: сомонимы, утварь, дом, семья, животные, болезни, одежда, окружающий мир, животные, растения. Также приведены образцы спряжения 220 глаголов, в 100 предложениях даются минимальные пары для оппозиции по числу, определенности, одушевленности имен, временным и аспектуальным характеристикам глагола; имеются десятки примеров для анализа изафетной конструкции.

Однако опубликованный материал не всегда поддается однозначной интерпретации, в частности, из-за ненормированности идиома, несмотря на многовековое существование в Казеруне местной литературной традиции [2] и наличие «Словаря устойчивых оборотов и слов, распространенных в Ширазе и Казеруне» [1]. В исследованиях неоднократно подчеркивается неоднородность этого идиома даже в пределах одного города (*xōsidan/xābdin* ‘спать’, *sotin/setin/sutun* ‘колонна’), а также его общее структурное сходство с современным персидским [6].

Для изучения этой разновариантности и сравнения казеруни с персидским языком особый интерес для анализа представляет размещенный в сети местный диалектальный материал. Например, в блогах (<http://vb22.blogfa.com>, <http://solooksher.blogfa.com/>, <http://siyateshk.blogfa.com/>, <http://www.asalsara3.blogfa.com/>, <http://f-a-r-v-a-h-a-r.blogfa.com>) публикуются стихи на «сладком как мед языке», идиоматичные обороты и словарные подборки, «чтобы с этим мелодичным диалектом могли познакомиться все интересующиеся», «чтобы сохранять и беречь казеруни, ведь, как мы видим, молодежь все реже использует его в общении». На страницах созданных в Казеруне новостных сайтов (<http://kazeroonnema.ir>, <http://shahr-sabz.ir>, <http://tolounnews.com>) можно найти рассказы о современных поэтах Казеруна и их стихи на диалектах, сообщения о книжных новинках, о создании серии стикеров на казеруни в мессенджере Telegram, а также тексты радиопередач станции «Голос Казеруна», посвященных истории и особенностям местного диалекта и необходимости его продвижения и популяризации.

Помимо стихийного документирования и быстрого пополнения текстового массива диалектного материала, эти публикации являются ценным источником информации для изучения отношения языкового сообщества к использованию родного диалекта, к его статусу и культурной значимости как важнейшего компонента самоидентификации говорящих на казеруни.

Литература

Behruzi 'A. Vāžehā va masalhā-ye širāzi va kāzeruni (Words and expressions in Shirazi and Kazeruni). Širāz: Edāre-ye koll-e farhang-o honar-e Fārs. 1348 (1969).

Forutan 'A. Tazkere-ye adibān-e Kāzerun: barresi-ye tārix-e adabi-ye Kāzerun, baxš-e še'r tā pāyān-e Qājār. Resāle-ye dowre-ye kāršenāsi-ye aršad (A biographical dictionary of poets of Kazerun: analysis of the history of literature (poetry) up to the end of the Qajar period. M.A. Thesis). Tehrān: dānešgāh-e Tehrān 1390 (2011).

Reza'i Baqbidi H. Širāzi-ye bāstān (On the Ancient dialect of Shiraz) // Guyešensi. 1382 (2003). № 1. S. 31–40.

Şādeqi 'A.-A. Guyeš-e qadim-e Kāzerun (On the former dialect of Kazerun) // Majalle-ye zabānšenāsi (Iranian Journal of Linguistics). Vol. 19/1, 2004, pp. 1–41.

Şādeqi 'A.-A. Old Kazerun Dialect // Encyclopædia Iranica, Vol. XVI/3, 2013, pp. 216–217: available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/kazerun-iii> (accessed online 01.12.2018)

Salāmi A. Ganjine-ye guyešenāsi-ye Fārs. (A Treasury of the Dialectology of Fārs). Vol. 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1383 (2004).

Salāmi A. Ganjine-ye guyešenāsi-ye Fārs. (A Treasury of the Dialectology of Fārs). Vol. 2. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1384 (2005).

Xātami S.-H., Barrasi-e tatbiqi-e guyeš-e kāzeruni (Comparative study of Kazeruni dialect), Tehrān: Kāzeruniye, 1386 (2008).

ПРОЕКТ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ НИВХСКОГО ЯЗЫКА

Екатерина Груздева

Хельсинкский университет

В докладе обсуждаются результаты и перспективы развития проекта по возрождению нивхского языка в Сахалинской области. Идея проекта родилась после этнолингвистической экспедиции финских исследователей и студентов на о. Сахалин в 2014 г. (Груздева & Янхунен 2015). Результаты обширного социолингвистического исследования, проведенного по всему острову, показали, что нивхское сообщество обеспокоено судьбой нивхского языка, число носителей которого неуклонно сокращается, и хорошо понимает роль языка в сохранении культурного наследия и этнического самосознания.

Проект основывается на теоретическом и практическом опыте ревитализации саамских языков в Финляндии, а также некоторых других языков на территории России (Замятин и др. 2012). Основной целью проекта является восстановление нивхского языка как языка повседневной коммуникации, активно используемого в нивхском сообществе наряду с русским языком. Инициатором проекта стал Региональный совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. Проект начался в 2015 г. и осуществляется Охинской местной общественной организацией «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера «Кыыххы» («Лебедь»)» и группой исследователей из Хельсинкского университета (Финляндия). Финансовую поддержку проекту оказала, в частности, компания «Эксон Нефтегаз Лимитед».

После первого методологического семинара, проведенного летом 2015 г., в нескольких населенных пунктах Сахалинской области были образованы «родовые гнезда» — языковые группы, занимающиеся нивхским языком по методу «Мастер-ученик» (Хинтон и др. 2018). Группы сформированы вокруг одного или нескольких мастеров и включают представителей разных поколений нивхского сообщества. Благодаря мастерам в ходе проекта удалось довольно быстро «вернуть» язык пассивным носителям языка, которые практически им не пользовались, а также привлечь к изучению языка достаточно много членов нивхского сообщества, которые никогда не владели этническим языком.

Следует признать, что работа в других направлениях продвигается с большими трудностями. Так, на сегодняшний день в силу бюрократических и других причин представляется невозможным организовать группы с языковым погружением в детских садах. Другие проблемы включают: (а) языковую вариацию (практически каждый компетентный носитель языка говорит на своем варианте нивхского языка, ни один из которых не стандартизован), (б) языковой пуританство (мастера подчас слишком критически относятся к ученикам), (в) языковой изоляционизм (по мнению многих, этнический язык должен изучаться только членами «своей» этнической группы), (г) географическое и социолингвистическое разнообразие (языковая ситуация различается в разных поселках и городах Сахалина), см. (Gruzdeva & Janhunen 2018). В докладе предлагаются возможные решения этих проблем.

Литература

- Груздева, Е. & Ю. Янхунен. 2015. Финская этнолингвистическая экспедиция на Сахалин и Хоккайдо. История с продолжением. Вестник Сахалинского музея 22, 127–136.
- Замятин, К., Пасанен, А. и Саарикиви. Я. 2012. *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки. <https://blogs.helsinki.fi/minor-eurus/files/2012/12/kakizachem1.pdf>
- Хинтон Л., Е. Груздева, С. Оскольская, М. Пупынина, А. Сюрюн, М. Федотов, Ю. Янхунен. 2018. Возвращение к живому языку. Пособие для изучения языка по методу «Мастер ученик». Хельсинки, СПб.: Terra Ludens. https://www.helsinki.fi/sites/default/files/atoms/files/vozvrashcheniye_k_zhivotmu_yazyku.pdf
- Gruzdeva E. & J. Janhunen. 2018. Revitalization of Nivkh on Sakhalin. In: L. Hilton, L. Huss and G. Roche (eds.), *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. Routledge, 464–472.

ОБ ОПЫТЕ НИДЕРЛАНДСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО СОХРАНЕНИЮ ЗВУКОВОГО НАСЛЕДИЯ НЕКОТОРЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Н. Денисов

Центр Международного и межрегионального сотрудничества, Москва

В архивах РФ хранятся богатейшие коллекции уникальных записей языка и фольклора коренных народов, доступ к которым ограничен в силу различных причин. Одна из причин – хранение звукозаписей на исторических аналоговых носителях: на обычных магнитофонных лентах или компакт-кассетах, граммофонных пластинках, а иногда и на восковых валиках (дисках). Широкий доступ к таким материалам возможен лишь в том случае, если они переведены в современные цифровые форматы и снабжены каталогами в электронном виде.

За период с 2006 по 2012 гг. по инициативе научного сотрудника Центра «Меркатор» и Фризской Академии Тье́рда де Граафа при поддержке Британской библиотеки в РФ были реализованы два международных проекта в рамках программы «Endangered Archive Programme»: EAP 089 и EAP 347. Основная задача этих проектов – сохранение исторических звуковых материалов в учреждениях РАН, организация доступа к этим материалам путем перевода их в современные цифровые форматы, создание современных баз данных и каталогов коллекций, использование архивных материалов для обучения и увеличения интереса к языкам малочисленных народов, находящимся под угрозой исчезновения.

Проект EAP 089: «Сохранение звуковых материалов языков малочисленных народов, находящихся под угрозой исчезновения, в звуковых архивах Российской Федерации», был успешно завершен в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге в 2008 г. В ходе проекта были оцифрованы фольклорные и языковые коллекции из частных архивов известных петербургских ученых, собранные ими во время экспедиций в различные регионы СССР и прилегающие к нему территории. Первые записи датируются второй половиной 1950-х гг., последние – серединой 1980-х гг. Эти материалы, записанные на магнитные ленты открытого типа (катушки) или компакт-кассеты, долгое время хранились в обычных домашних условиях и потому находились в довольно опасной ситуации. На основании черновых описаний и рукописей к звуковым материалам были составлены полные каталоги коллекций. Среди этих материалов оказались образцы записей языка и фольклора коренных народов Крыма, Сибири и Дальнего Востока (крымчаки, ненцы, ногасаны, удэгэ, кереки и др.), а также горных районов Таджикистана и Афганистана. В проекте использовались технические возможности и опыт сотрудников Фонограммархива ИРЛИ, звуковая лаборатория которого получила современное оборудование для оцифровки, а сам Фонограммархив пополнил свои коллекции новыми уникальными материалами.

Следующий проект EAP 347 «Исчезающие голоса Уральского мира» (2010–2012 гг.) был реализован на базе Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. В ходе его реализации была проведена масштабная работа по оцифровке, описанию и составлению каталога всех звуковых фольклорных материалов, хранящихся в данном учреждении. Эти материалы собирались сотрудниками института в ходе многочисленных фольклорных и лингвистических экспедиций в течение почти 60 лет, начиная с 1964 года. Объем оцифрованных звуковых материалов с использованием современного оборудования и международных стандартов архивирования составил более 600 часов звучания. Был составлен также каталог фольклорных коллекций института на основе программы «Excel», используемой в ведущих звуковых архивах мира. Копии фольклорных записей УИИЯЛ размещены в цифровом виде на сайте Звукового архива Британской библиотеки (<https://sounds.bl.uk/World-and-traditional-music/Vanishing-voices-from-the-Uralic-world>). Подробную информа-

цию об этих проектах можно найти также в работе «From Dust to Digital», опубликованной в 2015 г. в Кембридже (<https://www.openbookpublishers.com/product.php/283>).

Таким образом, мы считаем, что совместные усилия научных сотрудников России и Нидерландов по сохранению звуковых архивов Российской Федерации оказала существенное влияние на улучшение ситуации по сохранению уникального звукового наследия некоторых коренных народов нашей страны и сопредельных территорий.

ON THE EXPERIENCE OF THE DUTCH-RUSSIAN COOPERATION ON PRESERVATION OF SOUND HERITAGE OF SOME INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Victor Denisov

Moscow

The archives of the Russian Federation contain the richest collections of unique language and folklore recordings of indigenous peoples, access to which is restricted for various reasons. One of the reasons is the storage of sound recordings on historical analogue carriers: magnetic tapes or compact cassettes, gramophone records and sometimes on wax cylinders (discs). Wide access to such materials is possible only if they are converted into modern digital formats and supplied with catalogues in electronic form.

In 2006–2012, within the framework of the «Endangered Archive Programme» of the British Library, two international projects: EAP 089 and EAP 347. These projects were initiated by Teerd de Graaf, researcher at the Mercator Centre of the Frisian Academy in the Netherlands. The main objective of these projects – preservation of historical sound materials in the RAS institutions, providing access to these materials by converting them into modern digital formats. In this way we created modern databases and catalogues of collections and made it possible to use archival materials for learning about the languages and increasing the interest in the endangered languages and cultures of minority peoples

In 2008, the first project (EAP 089) with the title: "*Preservation of Sound Materials of Endangered Languages in the sound archives of the Russian Federation*" was successfully completed at the Phonogram archive of the Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) in St. Petersburg. During the project folklore and language collections from private archives of several famous St. Petersburg scholars were digitized. These materials were collected during expeditions to various regions of the USSR and adjacent territories. The first recordings were dated to the second half of the 1950s, the last – to the mid-1980s. For a long time, these recordings on open-type magnetic tapes or compact cassettes, were stored in ordinary household conditions and therefore they were in a rather dangerous condition. On the basis of draft descriptions and manuscripts about the sound materials, complete catalogues of these collections were compiled. Among these materials were samples of language and folklore recordings of the indigenous peoples of Crimea, Siberia and the Far East (Krymchaks, Nenets, Nganasans, Udeghe, Kereks, etc.), as well as the mountainous regions of Tajikistan and Afghanistan. The project used the technical capabilities and experience of the staff in the Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature. The sound laboratory of this institute received modern equipment for digitizing, and the Phonogram Archive was provided with invaluable sound materials documenting earlier stages of various endangered languages.

The next project (EAR 347) with the title "*Vanishing Voices from the Uralic World*" (2010–2012) was implemented in the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of

the Russian Academy of Sciences. Within this project large-scale work was carried out on digitizing, describing and compiling a catalogue of all sound folklore materials stored in this institution. Since 1964, for nearly 60 years these materials were collected by the Institute's staff in the course of numerous folklore and linguistic expeditions. The volume of audio materials which were digitized using modern equipment and international archiving standards amounted to more than 600 hours. On the basis of the Excel program used in the leading sound archives of the world, a catalogue of the institute's folklore collections was also compiled. At present, copies of the folklore recordings of the Udmurt Institute are available on the website of the Sound Archive of the British Library (<https://sounds.bl.uk/World-and-traditional-music/Vanishing-voices-from-the-Uralic-world>). Detailed information about these projects can also be found in the book "*From Dust to Digital*", published in 2015 in Cambridge (<https://www.openbookpublishers.com/product.php/283>).

Thus, we believe that the joint efforts of researchers from Russia and the Netherlands on preservation of sound archives in the Russian Federation has had a significant impact on improving the situation on preserving of the unique sound heritage of some indigenous peoples of our country and adjacent territories.

ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Н. Денмухаметова, К. С. Фатхуллова

Казанский федеральный университет

Использование в обучении татарскому языку коммуникативного подхода дает возможность научить обучающихся строить устные высказывания с учетом конкретно поставленных речевых задач, выражая при этом свое отношение к содержанию сообщения и используя всевозможные языковые средства. Этим объясняется актуальность выбранной темы исследования. В работе отражен положительный опыт по развитию устной речи студентов, изучающих татарский язык как неродной; представлена система заданий для развития диалогических и монологических умений, имеющих коммуникативную направленность. Системное и последовательное использование таких заданий в учебном процессе способствует усвоению татарского языка как средства речевой коммуникации, повышению мотивации обучающихся. Данная система заданий внедрена в учебник татарского языка для русскоязычных и иностранных студентов. Предложенная нами система нацелена на совершенствование умений правильно использовать языковые средства для решения коммуникативных задач в различных речевых ситуациях.

Изучение татарского языка как неродного направлено на обеспечение способности студентов к коммуникации в повседневной жизни, к взаимодействию и взаимопониманию в мультилингвальном обществе Республики Татарстан РФ. В качестве основного метода обучения определен коммуникативный подход.

Цель исследования – разработать и внедрить в практику обучения татарскому языку систему коммуникативных заданий для развития устной речи студентов.

Для достижения поставленной цели были изучены научно-методические труды российских и зарубежных педагогов; проанализированы учебно-методические комплекты по татарскому языку; изучены современные образовательные технологии; обобщен накопленный опыт преподавания татарского языка как неродного. При разработке системы заданий для развития татарской устной речи авторы опирались на многолетний практический педагогический опыт работы в данном направлении.

Сделаны следующие выводы.

1. Каждый язык будучи сложной системой получает практическое воплощение только в речи и через нее выполняет свое коммуникативное назначение.

2. Обучение татарскому языку как неродному предусматривает развитие у студентов навыков речевого общения в повседневной, социокультурной и деловой сферах. Коммуникативный подход предусматривает системное овладение основами диалогического и монологического общения на татарском языке.

3. При обучении татарскому языку как неродному мы уделяем пристальное внимание диалогическим формам, которые наиболее близки к разговорной речи, и формам монологической речи, с помощью которых студенты сообщают о событиях реальной действительности, вступая в коммуникативный контакт.

РОЛЬ СЛОВАРЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ

Э. Н. Денмухаметова, А. Ш. Юсупова

Казанский федеральный университет

Традиция изучения лексики и составления словарей в татарском языке идет с давних пор. Первые словари были адресованы шакирдам медресе, ученикам, дипломатам, торговцам и др., в целях перевода текстов с одного языка на другой. Поэтому 2/3 дву- или полиязычных бумажных словарей татарского языка являются переводными словарями, предназначенные для изучения и обучения языку.

Татары, живя на территории России, общались с русским народом, имели разные общественные, торговые и политические и др. обязанности. Поэтому большинство словарей являются русско-татарскими или татарско-русскими. Известно, что в XV-XIX года были созданы более десятков таких рукописных словарей. Начиная с XIX века словари начали издаваться в типографиях Казани, Уфы и др. крупных городов и появились печатные издания, что позволило увеличить их количество и тираж в десятки, иногда и в сотни раз.

В XIX веке русско-татарские и татарско-русские словари были созданы такими видными деятелями общества, как К.Насыри, С.Кукляшев, Л.Будагов, М.Юнысов, Н.Остроумов и др., которые изходя со своего преподавательского и переводческого опыта составляли словари. Их работы основывались на принципы понятности, простоты употребления для потребителя. Именно поэтому считается, что традиция составления переводческих словарей берет свое начало с XIX века и по сей день остаются неизменными основные методы и приемы татарской лексикографии.

В XIX веке наряду с русско-татарскими и татарско-русскими словарями составляются и дву- – полиязычные словари восточных языков, а именно татарско-арабско-персидские словари Г.Баруди, С. Жантуриной, Г.Сайфуллина и др. Они также являются незаменимым орудием в дальнейшей работе обучающихся и обучаемых, что доказывает шестикратное переиздание Словаря Г.Баруди “Трехязычного (арабско-персидско-татарского) словаря” за период с 1893 по 1916 гг.

Структура словарей XIX века разная. Среди них имеются издания нескольких типов структур: мегаструктурой, или рамочной структурой – взаиморасположение частей словаря (предваряющий текст, корпус, заключающий текст), макроструктурой. Интересно то, что такие словари создавались и в начале XX века, и в советский период, издаются и по сей день. Сейчас их структура меняется, совершенствуется.

Как и в других языках, в татарской лексикографии последних лет ведется тенденция издания дву- или полиязычных словарей. По этому принципу были изданы «Татарско-русский фразеологический словарь», «Словарь синонимов», «Словарь омонимов татарского языка», «Словарь восточных заимствований» и др. Такие издания создают более благоприятные условия для изучения языка.

Дальнейшая задача лексикографов, опираясь на многовековой опыт и традиции составления переводческих словарей, подготовить хорошие онлайн издание и усовершенствовать интернет переводчики, которые уже существуют. Они помогли бы заинтересовать языком и без особых усилий усвоить его.

ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ В ОБУЧЕНИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л. Р. Додыхудоева

Институт языкоznания РАН

В докладе рассматривается введение в школе обучения на памирских языках и обучение памирским языкам в СССР, Республике Таджикистан и РФ. Мы прослеживаем процесс разработки письменности для разных памирских языков и введение обучения на памирских языках в 1930-е годы в процессе кампании по ликвидации неграмотности, а также в 1980-е годы и позднее, когда в Таджикистане предпочтение стали отдавать кириллице или арабской графике.

В докладе проводится анализ первоначального процесса создания письменности на основе латиницы для шугнанского языка – средства межэтнического регионального общения, и его введение в обучение в качестве предмета «родной язык». Мы подвергаем рассмотрению традиции российской школы преподавания памирских языков и памироведения, исходящие из подходов И.И. Зарубина. В начале XX века с бурным ростом культурного строительства по инициативе И.И. Зарубина в Ленинграде при курсах национальных меньшинств было образовано памирское отделение, где он читал курсы шугнанского и ваханского языков для национальных кадров, шугнанцев и ваханцев. Впоследствии И.И. Зарубин перенес курсы в Ленинградский государственный университет, а затем в аспирантуру при Академии наук. В ходе становления новой республики Таджикистан слушатели, прошедшие курсы И.И. Зарубина, осуществляли обучение в школах и на курсах в Горно-Бадахшанской АО в Таджикистане.

Со временем Д.И. Эдельман на основе международного опыта была разработана иранистическая транскрипция для всех памирских языков, которой исследователи пользовались при работе с информантами и записи текстов. С основанием в таджикской Академии наук отдела памироведения для памирских языков был создан алфавит на кириллице с применением дополнительных букв таджикского алфавита. В 1980-е годы на его основе были выработаны практические алфавиты и введена письменность для всех памирских языков, применяемая при обучении в школе, теперь уже в качестве специальной дисциплины. В 1990-е годы фокус был перенесен на практические алфавиты на основе кириллицы, а с усилением в конце прошлого века иранского влияния – на основе арабицы.

В дополнение приводятся факты применения памирских языков в обучении в прочих регионах их распространения.

ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ В УРБАНИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Л. Р. Додыхудоева

Институт языкоznания РАН

В ходе активизации миграционных и урбанизационных процессов в мировом масштабе, роста населения и его концентрации в городах (на фоне «расползания» городов и перехода к городским агломерациям), технического прогресса в области связи и телекоммуникаций выход миноритарных сообществ из изоляции и их вовлечение в процесс транснационализации стали факторами, способствующими интенсивной трансформации памирских языков как с точки зрения функций их применения, так и ареала их использования. С изменением социокультурных и социолингвистических условий, меняются ценности, нормы и установки их носителей.

Бытование памирских языков проходило в условиях сложной языковой ситуации на не-простом историческом фоне. Изначально население было монолингвально и владело только родным языком. В прошлом веке сложение национального государства привело к развитию ситуации диглоссии: таджикский язык стал государственным языком Республики Таджикистан, а также Горно-Бадахшанской АО (входящей в состав Таджикистана) и начал активно применяться в администрации, обучении, СМИ и литературе. В конце XX века на фоне развода СССР и борьбы за независимость имели место попытки добиться автономии ГБАО и принять шугнанский язык в качестве официального. Борьба за родные языки идет с переменным успехом и по сей день.

При этом в начале прошлого века основная масса населения ГБАО проживала в экстремальных условиях в труднодоступной сельской местности, и большая часть людей никогда не выезжала за пределы родных селений, не бывая даже в административном центре ГБАО – Хороге. Сегодня, когда Хорог сам стал городской агломерацией, границы которой определяются лишь административно, население ближних селений благодаря развитию транспорта и инфраструктуры имеет возможность работать в городе. Современный стиль жизни включает не только регулярные поездки с жилых окраин на работу в центр города, передвижение из одной точки в другую в рамках одного места проживания, но и смену мест, регулярный переезд из города в город и даже из страны в страну. Об отношении к отходничеству свидетельствует шугнанская пословица: *tūyjin-at tīyjīn uṭh-aṭ* ‘ушедший и умерший – одно и то же’, сегодня же мигранты рассматриваются как «кормильцы» (*xarjābādīj* или *awqot-vor*) оставшихся на местах семей, оказывающие им финансовую помощь.

Сегодня те, кто покидает родные места на достаточно продолжительный срок, полноценно используют все известные телекоммуникационные (графические, аудио и видео) способы связи с родными и друзьями, как: электронная почта, СМС, социальные платформы, поддерживая связь с населением некогда изолированных горных регионов. Именно благодаря этим каналам коммуникации в настоящее время в эти места мгновенно попадает информация о новых модных тенденциях, материальных и духовных ценностях; немалую роль в трансляции новостной информации играют и медиийные каналы: телевидение и Интернет.

Одним из новых веяний в сфере духовных ценностей стали для памирцев повышение осознанной необходимости создания и внедрения в широкий оборот алфавитов, буквей и учебников на родном языке, введение письменности и применение родных языков в образовании, создание литературного языка, авторской литературной и переводческой традиций, «публичной сферы» (обеспечивающей общественное мнение). В силу этого в настоящее время имеет место всплеск авторской поэзии и прозы, появилось немало переводов из классической таджикско-персидской и русской литературы, а также авторской поэзии и прозы авторов-памирцев на русском языке.

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ

М. В. Дьяконова

Карельский научный центр Российской академии наук

Язык карел входит в прибалтийско-финскую группу уральской языковой семьи. В Республике Карелия, карелы являются титульным этносом, но к коренным малочисленным народам не относятся. По данным переписи населения 2010 г. в Республике Карелия проживает 45530 карел, что составляет 7,4% из них указали владение родным языком только 37%.

На том или ином уровне карельский язык пронизывает все основные сферы жизни в республике.

В детских садах в республике накоплен позитивный опыт раннего обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам посредством языкового погружения, но, к сожалению, количество таких дошкольных учреждений не увеличивается и дети приходят в школу без знания языка своей национальности. Во многих школах созданы «карельские горницы», в которых дети знакомятся с карельской культурой и языком. Очень важным является использование нетрадиционных технологий изучения языка, «языковых гнезд». К сожалению, в большинстве школ, где изучается карельский язык, обучение объявлено добровольным и факультативным, а большинство изучающих это ученики начальной школы.

В системе дополнительного образования детей этнокультурная составляющая интегрируется в содержание дополнительных общеобразовательных и предпрофессиональных программ художественной, естественно-научной, туристско-краеведческой, физкультурно-спортивной и социально-педагогической направленностей. В последние годы произошли позитивные изменения в системе дополнительного образования взрослых, началось преподавание карельского языка взрослому населению.

В системе среднего профессионального образования республики в качестве иностранного языка изучается только финский язык. По карельскому языку предусмотрено только изучение этнокультурной направленности в рамках спецкурсов и дисциплин. В системе высшего образования на базе ПетрГУ обучение ведется в трех институтах.

В сфере науки ведущую роль играет Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Основными учреждениями в сфере культуры, работающими над сохранением документального достояния о жизни, быте, культуре и языке карел являются: национальная библиотека Республики Карелия, национальный музей, национальный архив. Для популяризации и расширения общественных функций карельского языка в Республике Карелия, поддерживается театральная деятельность. В настоящее время театральной деятельностью занимаются как самодеятельные театральные группы и народные театры из районов Карелии, так и профессиональные. Песенную и танцевальную культуру карел сохраняют национальные ансамбли песни и танца.

В районах республики создаются этнокультурные центры, на базе которых работают фольклорные коллективы, организованы курсы национальных языков, краеведческие курсы, ремесленные площадки, центры образования взрослых, различные мастер классы, клубы общения на национальных языках.

Правительством Республики Карелия осуществляется поддержка проектной деятельности национальных общественных организаций коренных народов, всего их насчитывается более 20, путем финансирования проектов, инициируемых данными организациями. Также проводится поддержка различных мероприятий направленных на развитие национального (этнокультурного) потенциала карелов, вепсов и финнов. Активно развивается событийный туризм.

В заключение необходимо отметить, что на всех уровнях проводится серьезная работа по сохранению карельского языка и культуры, но Республика Карелия является единственным национальным субъектом РФ, где язык коренного народа не является государственным. Для полноценного этнокультурного развития региона необходима целенаправленная политика государства в сотрудничестве с общественными организациями и гражданами, а инструментами ее осуществления могут быть как прямая государственная поддержка, так и инициативная деятельность самих людей, не равнодушных к проблемам сохранения и развития этнических культур.

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЫЕ ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ

М. А. Егорова

Российский государственный гуманитарный университет

Северная Сибирь входит в число ареалов, где представлены грамматикализованные показатели категории эвиденциальности [Plungian 2010]. Для эвенкийского языка в качестве таковых рассматриваются суффиксы *-nA*; *-rkA* и *-rgu(:)*, описанные как показатели «наклонения вероятности» в [Константинова 1964] и как показатели «степеней достоверности» (*degrees of certainty*) в [Nedjalkov 1997]. В очерке [Bulatova, Grenoble 1999] по отношению к суффиксам *-rkA* и *-rgu*: впервые применён термин «эвиденциалы» (*evidentials*).

Названные суффиксы различаются видо-временными оттенками, но имеют общую семантику «неуверенности в [факте] совершения действия» [Константинова 1964: 189], «вероятностной оценки ситуации говорящим» [Nedjalkov 1997: 265].

Как отмечается в [Plungian 2010], [Плунгян 2011], начавшийся в последние десятилетия интенсивный процесс изучения эвиденциальных систем в языках Северной Сибири сопровождается «разрушением грамматических систем и полной или частичной утратой категории эвиденциальности».

В ходе экспедиции 2018 года авторы провели анкетирование в посёлках Тетея, Наканно и Токма Иркутской области (илимпийский и токминско-верхоленский диалекты, соответственно [Василевич 1948]), выбрав нескольких носителей эвенкийского языка с достаточно высокой языковой компетенцией.

Исходя из описания семантики эвиденциальных показателей в эвенкийском, авторы предъявляли стимульный материал, направленный на получение различных типов эвиденциального значения [Plungian 2001], [Plungian 2010]: инференциального (i), презумптивного (ii), репортативного (iii), а так же, в качестве эксперимента, миаративного (iv):

- (i) Ветка хрустнула. Должно быть, лось прошёл.
- (ii) Мясо, наверное, уже сварились.
- (iii) Говорят, они откочевали.
- (iv) Надо же, как быстро вскипела вода!

Как выяснилось, носители охотно используют показатель *-nA* для выражения т. н. «непрямого свидетельства» (инференциальное + презумптивное), в то время как для выражения репортатива и миаратива используют лексические маркеры. Полученные результаты совпадают с традиционным описанием этого маркера в грамматиках. Остаётся открытым вопрос, почему предпочтаемым оказался суффикс *-nA* и связано ли это с упрощением системы языка.

Литература

[Василевич 1948] — Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948.

[Константинова 1964] — Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М-Л: «Наука», 1964

[Плунгян 2011] — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.

[Bulatova, Grenoble 1999] — Bulatova, Nadezhda & Grenoble, Lenore. Evenki. München: Lincom Europa, 1999.

[Nedjalkov 1997] — Nedjalkov, Igor. Evenki. London — New York: Routledge, 1997.

[Plungian 2001] — *Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics. Vol. 33, № 3, 2001.*

[Plungian 2010] — *Plungian, Vladimir A. Types of verbal evidentiality marking: an overview // Diewald, Gabriele & Smirnova, Elena (Eds.). Linguistic realization of evidentiality in European languages. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010.*

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ

С. В. Едыгарова

Хельсинкский университет

В настоящем докладе описывается и анализируется отношение говорящих на пермских языках (коми и удмуртский) к разным языковым разновидностям, которые существуют в современных пермских языках. Основной тезис доклада заключается в том, что на формирование тех или иных представлений и отношения говорящих к своему языку повлияла лингвистическая культура русского языка. В частности, для русской лингвистической культуры свойственно рассматривать стандартный язык как единственный легитимный и «правильный» вид языка.

Процесс стандартизации современных пермских языков происходил согласно языковому планированию раннего Советского Союза; и эти стандартные разновидности были смоделированы под влиянием русской языковой культуры. Сегодня в пермских языках различаются стандартный и разговорные языковые разновидности. В отличие от русского языка стандартные пермские языки имеют ограниченное функционирование; существуют практически только в письменном виде; только небольшая часть говорящих владеет этой разновидностью. Разговорные языковые разновидности представляют собой диалекты, а также интенсивное варьирование диалектно-ареальных, стандартных форм с переключением на русский и заимствованием из русского языка.

Согласно материалам средств массовой информации, общественных и научных дискуссий, дискуссий в социальных сетях среди говорящих на пермских языках, в первую очередь среди интеллигенции, выявляется тенденция возвышения стандартного языка и принижения других разновидностей, в особенности так называемого смешанного языка, напр. удмуртского с русским. Такая тенденция наблюдается в условиях билингвизма: говорящие переносят свои представления о языке из одного языка (из престижного) на другой (менее престижный). Настоящая тенденция может иметь пагубное влияние на развитие пермских языков, а именно, живые разновидности могут исчезнуть из употребления или могут быть заменены русским языком.

РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ (ИННОВАЦИОННЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ ПО СОХРАНЕНИЮ ЯЗЫКА, ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРЫ ВЕПССКОГО НАРОДА)

Л. Н. Загуляева

Ресурсный центр по сохранению и развитию
культурного и языкового наследия вепсского народа

Е. А. Шалаева

Куйская основная
общеобразовательная школа

Часть населения Бабаевского района – представители небольшой народности прибалтийской ветви финно-угорской языковой группы – вепсы, обладающие своей самобытной культурой. Они сохранили язык, традиции, уклад жизни, передающиеся из поколения в поколение.

В красивейшем месте Бабаевского района, Вологодской области находится Куйская школа.

Необычна школа тем, что в ней с 1992 года преподается «Вепсский язык» – один из прибалтийско-финских языков Вепсский язык включен в 2009 году ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира как находящийся под угрозой исчезновения. Это была единственная школа в области, в которой преподавался вепсский язык. Школа работала с 2008 года по 2015 год по программе развития «Школа – центр сохранения и развития национальной вепсской культуры». Опыт работы Куйской основной общеобразовательной школы обобщен на муниципальном, региональном и межрегиональном уровнях.

Проблема формирования этнокультурной идентичности выделяется в особое направление воспитательной работы. А началось всё в далеком 1992 году, когда в учебный план Куйской школы был введен предмет «Вепсский язык».

За последнее время проводится комплекс мероприятий по эффективному сохранению и развитию национальной культуры и языка вепсов. Эта работа осуществляется Ресурсным центром по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепсского народа, организованным на базе Куйской школы в 2016 году при координации Управления образования Бабаевского муниципального района через сетевое взаимодействие с образовательными учреждениями муниципального района.

Ресурсным центром проведена большая работа по этнокультурному воспитанию и созданию условий выявления и поддержке талантливых и одаренных детей. Практической моделью этнокультурного воспитания стал межшкольный этнокультурный фестиваль «Живой родник» «Elokaz purd»..

Культурно-образовательные ресурсы социальных партнеров мы рассматриваем, как важный показатель работы ресурсного центра.

Главным условием для сохранения языка является его реальное функционирование. А главным результатом в воспитании будет личность, способная строить жизнь, достойную человека, имеющего свои корни.

«VIRANTANAZ» – ЭПИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ВЕПССКОМУ ЯЗЫКУ ЭПОХИ РЕВИТАЛИЗАЦИИ

Н. Г. Зайцева

ИЯЛИ КарНЦ РАН

В предисловии к одному из редких памятников письменности 1848 г., который назван «Лексиконом корельского языка», но при исследовании оказавшимся вепсским, сказано, что по поводу своего языка говорящие на нем «...никаких особенных надежд или ожиданий не имеют» [ф. 1, оп. 1, д. 8/4]. Как показал период ревитализации языка и народа, начавшийся в конце 1980-х г., это далеко не так. И по истечении 170 лет многие из представителей надежд и чаяний не утратили. Энтузиазма же и языковой экзотики, насколько бы они заразительными ни были, и даже деклараций о праве языков и народов на существование недостаточно для дальнейшей жизни языка, а вместе с ним и народа, если механизмы реализации прав не отработаны [Зайцева 2007: 130]. Жизнь настоятельно направляет и к иным возможным способам защиты языков и культур.

В процессе языкового планирования для вепсского языка, занесенного в «Красную книгу языков народов России» [Красная книга 1994: 21–22], энтузиасты возрождения стремились предусмотреть не только популяризацию его фольклорной стороны, что чаще всего рассматривается в качестве возрождения, но и выстроить концепцию развития младописьменного языка, сформировать мнение окружающего сообщества в его пользу. В нынешний период ревитализации, кроме подготовки учебников по вепсскому языку и его преподавания, участниками возрождения была выдвинута задача создания вепсскоязычной литературы, которая в первый период функционирования вепсской письменности в 1930-е г. отсутствовала в зародыше. Вепсскоязычная газета «Kodima» (Родная земля), литературный альманах «Verez tullei» (Свежий ветер), а также произведения вепсскоязычных писателей были призваны к решению данной задачи.

В качестве краеугольной была поставлена проблема создания на языке малочисленного народа, который, подвергшись значительному воздействию со стороны окружающего населения, во многом утратил свое фольклорное наследие, некоего эпического произведения, которое бы объединило вокруг себя диалекты, показало философскую сторону языка, его богатство, музыку его слов. Результаты работы языковедов, фольклористов, этнологов, развитие младописьменного вепсского языка в течение трех десятилетий, создание произведений художественной литературы, переводы на язык вепсов, СМИ на вепсском языке и т.д. постепенно подготовили почву для вепсского эпоса «Virantanaz» (букв. «Вотчина Вира» или «Земля Вира») [Virantanaz 2012]. Выдержав несколько изданий, войдя в библиотеку народа, обретя переводы на русский, финский, эстонский языки, он впитал в себя и данные диалектов, и младописьменного вепсского языка, демонстрируя успехи возрождения.

Литература

- Зайцева Н.Г. Опыт и проблемы языкового планирования у вепсов // *Studia Slavica Finlandensia*, т. XXIV. Helsinki, 2007. С. 126–153.
Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.
Лексикон корельского языка // Национальный архив Республики Карелия: фонд 1, опись. 1, дело 8/4. Zaiceva N. Virantanaz. Vepsläine epos. Juminkeko, 2012.

РАННЕЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ КОЧЕВЬЯ

Л. О. Захарова

Северо-Восточный федеральный университет им. Амосова

Современная система российского образования подчеркивает необходимость создания условий для образования и воспитания для всех граждан. Так, ФЗ от 29 декабря 2012г. №273-ФЗ «Об Образовании в РФ» и Закон РФ от 25 октября 1991г. №1807-1 «О языках народов РФ» гарантируют детям, воспитывающимся в кочевых семьях, образование на родном языке. Родители имеют право выбрать для своего ребенка ту программу образования, которая, по их мнению, заложит основы для будущего развития тех или иных способностей ребенка, в том числе и языковых. В связи с этим необходимо разрабатывать новые программы и методики обучения, с помощью которых изучение иностранного языка, с раннего возраста станет эффективным.

Таким образом, опираясь на статью 67 ФЗ «Об образовании в РФ» в 2017 году мы открыли частную кочевую группу для пробного обучения иностранному языку на территории с. Себян – Кюель Кобяйского района Республики Саха (Якутия) в кочевой родовой общине коренных малочисленных народов Севера – эвенов «Буркат».

Пробный процесс обучения дошкольников иностранному языку строился с учетом возрастных особенностей детей, а также условий кочевого образа жизни детей. Мы попытались развить иноязычные речевые навыки детей, используя наиболее предпочтительные формы обучения – игры и беседы на эвенском и английском языках. Проводилось обучение лексике повседневного общения по таким темам как «Приветствие», «Игрушки», «Животные», «Посуда», «Цвета», «Счет». По названным выше темам, учитывая возрастные особенности детей, был подобран лексический материал, который отражен в Приложении 1.

В целом раннее обучение иностранному языку может быть положительным фактором в дальнейшем развитии детей, ведущих кочевой образ жизни. Важно, чтобы оно соответствовало внутреннему психологическому развитию детей оленеводов, а также было организовано в соответствии с их возрастными психологическими особенностями, чтобы оно не нарушило естественного хода вещей.

В заключении, мы хотели бы добавить, что работа в этом направлении только начата, в дальнейшем планируем углубленное исследование данной темы, разработку и реализацию Программы «Раннее обучение иностранному языку в условиях кочевья».

Литература

Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Методика обучения дошкольников иностранному языку: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Иностр. яз.» («Методика преподавания иностр. яз. в дошк. учреждениях») / Е.Ю. Протасова, Н.М. Родина.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС; Москва, 2010.

Приложение

Лексический материал

На эвенском	На английском
Тема № 1 «Приветствие»	
Дорова	Hi
Дорова	Hello
– Он биһэнни?	– How are you?
– Ибга	– Fine

На эвенском	На английском
Тема № 2 «Счёт»	
өмэн	One
дёр	Two
илан	Three
дигэн	Four
туңџан	Five
ньюңэн	Six
надан	Seven
дъапкан	Eight
уюн	Nine
миан	Ten
Тема № 3 «Животные», «Птицы», «Насекомые»	
Оран	Deer
Учак	Reindeer
舅ин	Dog
качикан	Puppy
Чамак	Marmot
Муран	Horse
Чукичан	Bird
Кулин	Mosquito
Докол	Butterfly
Мабдыили	Worm
Тема № 4 «Цвета»	
Дурбанья	White
Хуланья	Red
Чулбанья	Green
Чулбанья	Blue
Иалданья	Black
Мэнти	Grey
Тема №5 «Посуда»	
Нина	Dishes
Умкан	Spoon
Хиркан	Knife

К ОБНОВЛЁННОМУ ОПИСАНИЮ СТРУКТУРЫ НАНИЙСКИХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЧСКОГО (НАНЬ) ЯЗЫКА)

М. М. Зимин

Институт языкоznания РАН

Нанийские языки – группа тунгусо-манчжурских языков, распространённых по течению Амура и на Сахалине (с незначительной диаспорой на Украине и в Японии [Перепись 2001, Kokusei Syousa 1985]), которая состоит из ульчского, орокского языков и группы тополектов, традиционно известных как нанийский язык [EDAL: 230–241]. За последние сто лет сфера употребления всех этих языков уменьшилась кардинально, к настоящему моменту только несколько тополектов нанай сохраняют свою витальность, но до недавнего времени формальные описания грамматики нанай отсутствовали полностью. В плане же изучения фонетической структуры нанийских языков все классические работы, например, [Аврорин 1956, Сем 1976, Суник 1985, Ан 1986], должны быть признаны ненадёжными, так как ни одна из них не ставила своей задачей определение фонологических оппозиций (в терминах Пражской школы [Trubetzkoy 1939: 51–55]), к экспериментальному описанию фонетики исследователи нанийских языков не прибегали ни разу, несмотря на наличие такой возможности, ср. [Зиндер & Матусевич 1937а, Зиндер & Матусевич 1937б]. Как построение корректного грамматического описания, так и окончательное описание фонологии и аллофонии нанийских языков становится особенно актуальным в связи с существующим в информационном пространстве интересом к ревитализации языков из категории жизнеспособности 8а. Недавний неудачный опыт создания чат-бота на языке нань, предпринятый Сбербанком (<http://sberbank0411.ru>), показывает, что в прикладных исследованиях невозможно использовать классические грамматики, созданные в терминах античной дескриптивной традиции, и quasi-фонологические оболочки.

Первоочередным направлением описания нанийской грамматики является не столько создание глоссировок и определение порядка служебных морфем, сколько описание морфофонологии основы и аффикса, без которого машинный анализ словоформы непарадигматического языка всегда обречён на неудачу. Дальнейшая обработка грамматики основана на классических монографий, только словообразовательная морфология и речевые маркёры нуждаются в дополнительном изучении по корпусу звучащих текстов.

Описания сегментной фонетики и набора фонем требует большего внимания, поскольку аудио-архив экспедиций В. А. Аврорина к нань и нанай полностью утрачен. Экспедиции, предпринимаемые в последнее время (В. Ю. Гусев и Е. Ю. Калинина, А. Х. Гирфанова, Н. М. Стойнова и С. А. Оскольская), дают достаточно надёжные материалы, но необходимые для сегментного и супрасегментного анализа записи изолированных произношений достаточно малы по количеству опрошенных носителей, в то же время фонетический анализ обретает надёжность именно с увеличением мощности выборки. Таким образом, существующие на настоящий момент результаты ещё нуждаются в верификации. Фонетико-фонологическое описание состоит сейчас из следующих блоков: обновлённая система консонантных и вокалических фонем (в частности, решается вопрос фонологического статуса ауслаутных назализованных гласных и т.н. «усечённого -н-»), детально расписанный набор скоплений согласных (тематика начальной, срединной и конечной фонотактики никогда не затрагивала эксплицитно классиками тунгусологии) и первое приближение системы фонетических сегментов, где приводится попытка описать работу ларингальных артикуляторов.

Описание языка нань, чьё социолингвистическое будущее однозначно негативно, послужит образцом для работы со значительно более благополучными идиомами – кондонским и джуенским нанай, носители которых испытывают большой интерес к родному языку и общению на нём в интернете.

Цитируемая литература

An 1986 – An Jun. An Outline of Hezhe language (赫哲语简志) – Beijing, 1986.

EDAL – Sergey A. Starostin; Anna V. Dybo; Oleg A. Mudrak. An Etymological Dictionary of the Altaic languages – Leiden, 2003.

Kokusei Syousa 1989 – the National Census of year 60 of Syouwa era (昭和 60 年国勢調査報告) – <https://www.stat.go.jp/data/kokusei/2010/users-g/houkoku.html>

Schmidt 1928 – Schmidt P. The Language of the Samagirs // Acta Universitatis Latviensis. Latvijas Universitates raksti 19 – Rīga, 1928. – C. 219–249.

Trubetzkoy 1939 – Trubetzkoy N. Grundzuge der Phonologie – Prague, 1939.

Аворин 1959 – Аворин В.А. Грамматика нанайского языка. Том 1 – Ленинград, 1959.

Зиндер & Матусевич 1937b – Зиндер Л.Р.; Матусевич М.И. Экспериментальное изучение фонем нивхского языка // Е. А. Крейнович Фонетика нивхского языка – Ленинград, 1937. – С.103–151.

Зиндер & Матусевич 1937a – Зиндер Л.Р.; Матусевич М.И. Фонетика удэйского языка – рукопись , 1936 –1937.

Перепис 2001 – Перший всеукраїнський перепис населення – http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/nationality_population/nationality_popul1/select_5/?botton=cens_db&box=5.1W&k_t=00&p=75&r_z=1_1&rz_b=2_1%20%20&n_page=4

Сем 1976 – Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект – Ленинград, 1976.

Суник 1985 – Суник О.П. Ульчский язык – Ленинград, 1985.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЯЗЫКА САХА В Г. ЯКУТСКЕ В КОНТЕКСТЕ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Н. И. Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Совокупность количественных и качественных методов в исследовании реальной языковой ситуации в условиях активного двуязычия позволили провести социолингвистическое измерение функционирования якутского языка в городе, выявить языковые установки носителей якутского и русского языков и выяснить условия жизнеспособности якутского языка.

Социально-демографические и национально-культурные факторы способствуют снижении ассимилятивных тенденций; наблюдается умеренное возрастание социальных функций якутского языка; умеренное сокращение использования русского языка, замещение моноязычия (русского или якутского) функциональным двуязычием. Число факторов, модифицирующих основные показатели этничности респондента-саха сводится к параметру возраста – в среде якутской молодежи наблюдаются тенденции к ослаблению значимости языковой идентичности (консолидирующей функции языка) и к снижению уровня владения родным языком по причине «сложности», «трудности» языка, однако он продолжает оставаться в системе ценностей молодого якута. Мониторинг владения языками показал постепенный рост влияния русского языка на качество якутской речи и снижение интерферирующего влияния родного языка на качество русской речи билингвов-саха. В целом, процессы урбанизации существенно нивелируют этноязыковые ресурсы.

Основная проблема сохранения и развития языка саха связана с комплексом проблем в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, создавшегося вследствие отсутствия четко артикулированной государственной образовательной политики по сохранению языкового разнообразия в РФ и обеспечению конституционного права на обучение на родном языке. Отсутствие условий для полноценного этнокультурного воспитания и образования, недостаток школ, классов с родным языком обучения, несовершенство методической базы и другие нерешенные проблемы представляют угрозу в сохранении социальной базы языка, ослабляют роль этнического языка в воспроизведстве этнической культуры.

Показатели этноязыковой идентичности в динамике (г. Якутск), %

	Якутский	2007 г.		2014 г.	
		82	82,4	8,1	4,1
Родной язык	Оба (русский и якутский)	13	13,5		

Этноязыковая идентичность якутов в зависимости
от урбанизированности в динамике, %

Языки	2007 год		2014 год	
	г. Якутск	с. Чай	г. Якутск	с. Чай
Якутский	82	100	82,4	98
Русский	8,1		4,1	
Оба (якутский и русский)	13		13,5	2

Автооценка респондентами разных возрастных групп
уровня владения якутским языком в динамике (г. Якутск), %

Уровни владения	17–25 лет		26–35 лет		36–50 лет		старше 50 лет	
	2008	2014	2008	2014	2008	2014	2008	2014
Свободно говорю, читаю, пишу	84,9	77,2	66,7	76,3	73	79,3	78,9	88,2
Говорю, читаю, но не пишу	5,9	5,3	11,1	8,2	12,7	9,0	15,8	2,9
Говорю, но не читаю и не пишу	1,3	4,2	11,1	5,2	1,6	5,4	2,6	4,4
Говорю с затруднениями	5,3	6,3	3,3	5,2		2,7		2,9
Всё понимаю, но не говорю	0,7		2,2	1		1,8		
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	2	5,8	4,4	4,1	7,9			1,5
Не владею		1,1	1,1	0,0	4,8	1,8	2,6	

САЛИШСКИЕ ЯЗЫКИ В УРБАНИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

О. Н. Иконникова

Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки
работников образования

Салишская языковая семья насчитывает 23 языка, на которых говорят или говорили на северо-западе Америки (северо-запад США и юго-запад Канады).

Согласно нашему анализу статистических данных на платформе проекта «Языки под угрозой исчезновения» [1], салишские языки находятся под угрозой или на грани исчезновения, т.к. количество носителей насчитывается от 2 (язык кёр-д'ален) до нескольких сотен человек (язык халкомелем), некоторые языки являются вымершими: из 23 салишских языков 8 исчезли в XX веке и в начале XXI века, в 2014 году умер последний носитель языка клаллам, можно предположить, что в ближайшее время исчезнет кёр-д'ален. Младшим носителям салишских языков в среднем более 60 лет, что оставляет мало шансов на жизнеспособность языковой семьи. В настоящее время предпринимаются попытки по возрождению языков, однако это не приводит к существенному увеличению носителей, свободно владеющих салишскими языками [2].

Урбанизация как один из глобализационных процессов коренным образом повлияли на языковую ситуацию в США и Канаде. В XX веке у салишской быстрыми темпами произошла языковая ассимиляция с английским языком. Во многом причинами того, что языки находятся на грани вымирания связаны с тем, что индейские дети обучаются в государственных школах, затем ассимилируются в обществе и трудоустраиваются в сферах деятельности, в которых главенствующим и «более социально престижным и большим» языком является английский. При этом сам процесс ассимиляции носил насильтственный характер: детям индейцев запрещали говорить на родном языке в школе и заставляли общаться на английском языке [3]. Немногочисленные носители салишских языков старшего поколения благодарят своих родителей, которые подарили им мир родного языка и культуры посредством запрета общения на английском языке [4]. При этом оставшимся носителям салишских языков достаточно сложно обеспечить языковую смену с сохранением родного языка. Так, например, фактически отсутствуют семьи, в которых детей учат родному языку шусват как первому, т.к. усилия старшего поколения не могут конкурировать с вездесущностью английского языка в СМИ, учреждениях образования и т.д., а также в связи с трудностями поиска носителя шусват или субъекта со знанием соответствующего языка для общения [5]. Подобная тенденция наблюдается и при реализации языковых программ по преподаванию салишских языков в школах и в вузах, где основная проблема состоит в кадровом обеспечении учебного процесса в связи с малочисленностью носителей соответствующих языков или представителей языковой смены с сохранением родного салишского языка [6, 7, 8].

Салишские языки – недостаточно описанные и исследованные языки по сравнению с indoевропейскими языками. Некоторые исчезнувшие языки практически не документированы, в частности, коулитц, пентлатч, нуксак, твана, тилламук. Вымершие языки квинолт, верхний и нижний чехалис, клаллам являются недостаточно описанными и исследованными. Отдельные исчезнувшие диалекты языка северный стрейтс являются недокументированными (семиаху), или имеют единственный источник описания, как например диалект самиш, сонгиш (исчезнувший) [9]. Что касается остальных языков, то их можно охарактеризовать как неполно или недостаточно описанные языки.

Постепенное вымирание данной языковой семьи приведет к практически невосполнимой утрате ценного материала для лингвистической науки, когнитивистики и междисциплинарных исследований. Таким образом, мы констатируем деструктивное влияние урбанизации как явления глобализации на салишские языки.

Литература

Языки под угрозой исчезновения: <http://www.endangeredlanguages.com/>.

Иконникова, О.Н. Салишские языки в контексте глобализации: статистические данные / Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования, 2018.

Mattina A., Jack C. Okanagan communication and language / International Salish Conference, 1982.

Nicodemus L. The Coeur'd Alene language project / International Salish Conference, 1973.

Lai S. A preliminary analysis of Secwepemc language acquisition by a young child / International Salish Conference, 1998.

Wagner J.M. Coeur'd Alene / Snchitsu'umshtsen language: revitalization efforts in a public high school in past and present context / International Salish Conference, 2001.

Wells D. Museums and community languages: culture, positive change and planning / International Salish Conference, 1992.

Urbanczyk S., Charlie J., Thom B., Thomas L. Themes, thoughts and theories on strategic planning for Hul'qumi'num language revitalization / International Salish Conference, 2002.

Mithun M. The Languages of Native North America. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 773 pp.

МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ В ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ ЭВЕНКОВ РОССИИ: ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ

О. А. Казакевич

НИВЦ МГУ / Институт языкоznания РАН

В докладе будет представлена панорама языковых ситуаций в группах эвенков, живущих в двух городах, 33 поселках и на 7 стойбищах, разбросанных по обширной территории от Нарыма на западе до Сахалина на востоке и от Таймыра на севере до Прибайкалья на юге, и проанализированы некоторые факторы (преимущественно локальные), повлиявшие на развитие языковой ситуации в этих группах.

В докладе используются материалы социолингвистических обследований, проводившихся в локальных группах эвенков на территории Верхнекетского и Каргасокского районов Томской области, Красноселькупского района Ямало-Ненецкого АО, Енисейского, Туруханского, Эвенкийского и Таймырского районов Красноярского края, Катангского, Качугского и Бодайбинского районов Иркутской области, Охинского и Александровск-Сахалинского районов Сахалинской области в период с 1998 по 2018 гг. в ходе экспедиций по документации эвенкийских говоров, а также лингвистические материалы, собранные во время этих экспедиций¹. Кроме того, привлекаются материалы старых публикаций и архивов, описывающие или отражающие функционирование эвенкийских говоров в группах эвенков тех же территорий на протяжении прошлого века.

В рассматриваемых группах представлены говоры всех трех эвенкийских наречий: северного (Туруханский район, Таймыр, север Эвенкии и Катангского района Иркутской области); южного (Томская область, Енисейский район, юг Эвенкии); восточного (юг Катангского района и Качугский район Иркутской области, Сахалин). Сравнение современных данных с данными первой половины 20 века показывает, что в некоторых группах в последние полвека произошло кардинальное изменение говора (например, в пос. Учами).

Размер групп эвенков колеблется от почти 500 человек (пос. Суринда, Эвенкия, 2005) до 9 человек (пос. Центральный, Верхнекетский р-он Томской обл., 2010).

Во всех группах количество эвенков, владеющих эвенкийским, существенно меньше, чем общая численность эвенков группы. Возраст младших носителей эвенкийского языка по группам колеблется от 18–20 до 70 лет.

Все эвенки владеют русским языком. Однако кроме повсеместного контакта с русским многие из обследованных говоров контактируют (или контактировали) с якутским, долганским, бурятским, селькупским, лесным энечким, тундровым ненецким, кетскими, орокским (уйльтинским) или нивхским языками, и эти контакты в той или иной степени отразились и на структуре говоров, и на их функционировании. Если в настоящее время эвенки всех групп переходят исключительно на русский язык, то еще полвека назад в некоторых группах сдвиг шел в пользу других языков. В двух группах нами зафиксировано завершение процесса постепенного отказа эвенков от эвенкийского языка, занявшего около столетия: к 2012 г. верхнетазовские эвенки полностью перешли на селькупский язык (начало процесса было отмечено В.Н. Скалоном в 1930), а к 2018 бодайбинские эвенки с реки Хомолхо перешли на якутский (начало процесса отмечено А.Т. Самохиным в 1929).

На другом полюсе единственная обследованная группа, где в двух-трех семьях еще теплится передачи языка от родителей к детям – пос. Советская Речка и эвенкийские стойбища

¹ Экспедиции были организованы на базе ЛАЛС НИВЦ МГУ и ИЯз РАН в рамках серии проектов по документации говоров исчезающих языков Сибири, поддержанных грантами Института «Открытое общество», РФФИ, РГНФ и РНФ. Настоящий доклад написан при поддержке гранта РНФ № 17-18-01649.

в системе Советских озер (Туруханский район). Это зона эвенкийско-селькупских языковых контактов, но в отличие от верховьев Таза здесь наблюдаются случаи ассимиляции отдельных селькупских семей эвенками и, соответственно, перехода с селькупского языка на эвенкийский.

Отдельно предполагается рассмотреть группы, в которых остались единицы носителей (а таких примерно четверть), и лингвистические биографии этих последних носителей.

Наконец, будет рассмотрена выявленная в ходе обследований взаимосвязь сохранения языка и этнической самоидентификации.

Литература

Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района. Статистико-экономический очерк // Сибирь. Живая старина. 1929. № 8–9.

Скалон В.Н. В тундре Верхнего Таза (фактические данные к вопросу о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3.

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАНАДЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. А. Кожемякина

Институт языкоznания РАН

По подсчетам исследователей до европейской колонизации Северной Америки местные аборигены говорили приблизительно на 200 языках, которые в значительной степени отличались друг от друга. Анализ грамматических структур и лексики позволил лингвистам установить связи различных языков, объединить их в языковые семьи и вычислить примерное время распада древних языковых групп.

В настоящее время на территории Канады проживают коренные народы, говорящие на 70 языках (по последней переписи населения), по некоторым данным число языков варьируется от 58 до 70, разница при подсчете количества языков объясняется сложностями определения языков и их диалектов, а также тем, что некоторые языки имеют несколько названий, что усложняет подсчет людей, владеющих ими. Эти языки входят в следующие языковые семьи: атабаскская (или на-дене), алgonкинская, салишская, и три изолята: хайда, тлингит, кутенэ.

По последней переписи Канады было зафиксировано 1 629 805 представителей коренных народов страны. Из них – 977 235 индейцев или, как их называют более политкорректно, представителей Первых Наций (60%), 587 545 метисов, потомков от браков французов и англичан с индейскими женщинами в период первоначального освоения Канады (36%) и 65 030 инуитов (4%). По отношению ко всему населению Канады аборигены составляют 4,6%. Ситуацию со знанием языков коренных народов можно назвать критической. Только 263 840 автохтонов (т.е. 16,2%) заявили о владении своим родным языком. При этом родным языком признали язык своего народа только 195 700 аборигенов. Данная ситуация объясняется тем, что чаще всего автохтоны изучают свой родной язык как второй. Практически все представители коренного населения (99,2%) владеют в той или иной степени официальными языками страны: английским или французским.

Надежды на сохранение и развитие на территории Канады имеют всего несколько языков, которые относятся к разным языковым семьям и представлены относительно большим количеством носителей этих языков. Следует отметить, что степень витальности языка не всегда зависит от демографической мощности языка, которая, не будучи единственным показателем жизненности языка, тем не менее, является важным фактором, определяющим его перспективы. Более важным показателем является функциональная мощность языка, которая определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых данным языком, по отношению к общему числу таких сфер. Этими языками являются кри (96 575 носителей), инуктитут (39 770 носителей), оджибве (28 130 носителей), оджи-кри (15 585 носителей), язык инну (или монтанье-наскапи) (11 360 носителей). Эти языки преподаются в начальных и средних школах, используются в сфере семейного общения, в средствах массовой коммуникации (особенно популярным является радиовещание), на них печатается литература. Федеральные и провинциальные власти Канады проводят языковую политику, направленную на сохранение автохтонных языков, и поддержание их функционирования.

Список литературы

1. Перепись населения Канады 2006 г., 2011 г., 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/dt-td/index-fra.cfm> (дата обращения 20.12.2018)

2. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в Российской Федерации. Состояние и перспективы // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М.: РАН, Институт языкоznания РАН, 1994. С. 8 – 19.
3. Amérindiens et Inuits. Portrait des nations autochtones du Québec. Québec: Secrétariat aux affaires autochtones. 2 édition. 2011.- 62 p.
4. Les langues autochtones du Québec. Un patrimoine en danger. Québec: Presses de l’Université du Québec, 2011. – 222 p.
5. The Aboriginal Languages of Quebec. Québec: Conseil de la langue française, 1992. – 334 p.

КОРЕННЫЕ ЯЗЫКИ РОССИИ – СКОЛЬКО ЖЕ ИХ?

Ю. Б. Коряков

Институт языкоznания РАН

В докладе предполагается рассмотреть какие из представленных на территории России языков можно считать коренными языками России и сколько их. Будут рассмотрены следующие критерии:

- 1) автохтонность (традиционность) проживания носителей языка на территории России;
- 2) доля носителей языка на территории России от общего числа носителей;
- 3) наличие соответствующих национальных образований на территории России в какой-либо период.

Первый критерий представляется наиболее важным, т.к. понятие «коренной» подразумевает исконность проживания носителей языка. Однако в отличие от территорий позднего европейского заселения (Америка, Австралия), где между временем появления европейцев и предыдущего населения прошло значительное количество времени, для территории России понятие автохтонности более относительно. Сколько именно лет носители языка должны проживать на территории России, чтобы язык мог считаться коренным? Первые переселенцы, которых можно считать иммигрантами, появились на территории России лишь в XVIII веке. Некоторые другие народы и языки появились на будущей территории России незадолго до этого, в XVI–XVII вв. (финский, калмыцкий, трухменский, идиш), но эти территории ещё не входили тогда в состав Русского государства, и соответственно были присоединены уже с имеющимся населением. Таким образом, рубеж XVII–XVIII можно считать начальной точкой отсчёта: языки, носители которых появились до этого времени, считаются коренными по умолчанию.

Однако некоторые из языков, появившиеся и после этого времени, могут быть причислены к коренным, в частности, если в России компактно проживает значительная часть носителей такого языка. Таковы например амшенский и донской армянский, большая часть носителей которых живёт на территории России, хотя появились они лишь в конце XIX и в XVIII вв. соответственно. Ещё интереснее случай с алеутско-медновским языком, носители которого жили и живут только на территории России, но который возник лишь в XIX веке [Головко 2016]. Другой причиной для причисления к статусу коренных, может быть наличие сейчас или в прошлом, национальных образований, как например, нижненемецкий и немецкий языки, для части носителей которых существовали Республика немцев Поволжья и несколько немецких районов в Сибири.

Другой сложностью при подсчёте коренных языков России является традиционная проблема определения границы между языком и диалектом. В разных случаях могут использоваться разные критерии, которые можно объединить в две группы: социо-этно-политические и собственно лингвистические. К первым можно отнести наличие общей наддиалектной нормы (или литературного языка), этническую ориентацию носителей, мнение самих носителей и официальный статус. Ко вторым можно отнести степень взаимопонимания и основанный на ней лексикостатистический критерий [Коряков 2017]. Причём, эти критерии могут противоречить друг другу, особенно социо-этно-политические и собственно лингвистические.

Таким образом, коренные языки России могут быть поделены на две условные группы: распространённые на территории России более трёх веков, и языки более поздних переселенцев, примыкающие к коренным по тем или иным причинам.

Литература

Головко Е.В. Алеутский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: "Азбуковник", 2016. — С. 54–58.

Коряков Ю.Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкоznания, 2017, № 6. С. 79–101.

КУМЫКСКИЙ И КАРА-НОГАЙСКИЙ ЯЗЫКИ. ДИАЛЕКТНАЯ ФОНОЛОГИЯ И ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

З. К. Кочакаева

Институт языкоznания РАН

Распространённые на территории Дагестана кумыкский и кара-ногайский языки обладают совершенно разными социолингвистическими статусами (первый – благополучный развивающийся язык, второй же – угрожаемый), но вместе с тем, для обоих языков актуально создание точного описания фонемного аппарата, правил аллофонии для всех диалектов и наречий, а также составление стандартизованного списка морфофонемных транскрипций и глосс. В двадцатом веке фонетическое и грамматическое описание обсуждаемых языков не продвинулось дальше базовой стадии, информацию таких источников, как (Дмитриев 1940, Баскаков 1940, Калмыкова 1965, Баскаков 1973, Ольмесов 2000, Раджабалиева 2003), невозможно использовать непосредственно для составления функционирующих морфологических анализаторов и исчерпывающего представления о территориальных формах обоих языков.

Если фонетический анализ представляет интерес скорее для научного сообщества, то теоретическая грамматика и основанные на ней морфологические анализаторы позволят носителям кумыкского и кара-ногайского языков обрести большую свободу в информационном пространстве, также появится возможность составлять по-настоящему эффективные программы обучения языкам, что крайне релевантно в случае кара-ногайского, который всё реже преподаётся в школах Ногайского района Дагестана.

К настоящему моменту выполнен морфонологический анализ словоизменительных и базовых словообразовательных морфов кумыкской и кара-ногайской грамматики. В этом мы основывались не только на существующие источники, но также на собранные нами полевые лексические и грамматические записи, являющиеся беспрецедентными в истории изучения тюркских языков Кавказа (частично опубликовано в 2017–2018 годах на сайте lingvodoc.at.ispras.ru). В плане описания фонетики и фонологии диалектов существующие работы (уже упомянутые Дмитриев 1940, Баскаков 1940, Баскаков 1973, а также Моллаев 1967, Гаджиахмедов 1986, Ольмесов 1987, Ольмесов 1996, Гаджиахмедов 2006, Гаджиева 2006) не являются надёжным источником информации. Поэтому такие аспекты, как реализация фонем /h/ и /χ/, предполагаемое наличие эйективных согласных ([p'], [t'], [k'], [q'], [ʔ']) в южном кумыкском наречии и территориальная локализация начальных скоплений согласных в исконной кара-ногайской лексике возможно проверить только по полевым записям.

Список литературы

- Баскаков 1940 – Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. – М. Л.: изд-во АН СССР, 1940.
- Баскаков 1973 – Баскаков Н.А Грамматика ногайского языка, ч. 1. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1973.
- Гаджиахмедов 1986 – Гаджиахмедов Н. Э. Влияние даргинского языка на фонетическую систему кайтагского диалекта кумыкского языка // Одннадцатая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Тез. докл. – Нальчик, 1986, – С.60–65.
- Гаджиахмедов 2006 – Гаджиахмедов Т.И. Янгикентский говор кайтакского диалекта кумыкского языка. – Махачкала, 2006.
- Гаджиева 2006 – Гаджиева М.А. Фонетические и морфологические особенности отемишского говора кумыкского языка. – Махачкала, 2006.
- Дмитриев 1940 – Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.,Л: 1940.

Калмыкова 1965 – Калмыкова С. А. Акногайский диалект ногайского языка. Автореф. дис. канд. филолог. наук. – М., 1965.

Моллаев 1967 – Моллаев А. А. Фонетика кумыкского литературного языка. Автореф. дис. канд. филолог. наук. – Махачкала, 1967.

Ольмесов 1987 – Ольмесов Н. Х. Фонетика кумыкского языка, (система гласных). Учебное пособие. – Махачкала, 1987.

Ольмесов 2000 – Ольмесов Н.Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков, фонетика, морфология. – Махачкала, 2000.

Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка Фонетика. Морфонология. – Махачкала, 1996.

Раджабалиев 2003 – Раджабалиева Р.Г. Фонетические особенности турецкого и кумыкского языков в сопоставлении с русским. – Махачкала, 2003.

Онлайн аудио-словари

Кочакаева 2017а – Кочакаева З.К. Словарь Янгикентского говора кайтакского диалекта, кумыкский язык. Носитель – Зазай Гамидовна Абдулжалирова, рожд. 1957. запись от 2017 г.// А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.)// <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

Кочакаева 2018в – Кочакаева З.К. Диалект с. Аксай Хасавюртовского наречия кумыкского языка. Носитель – Азамат Курашевич Батырмурзаев, 1982 г.р. запись и составление от 2018 г. // А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.) // <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

Кочакаева 2018д – Кочакаева З.К. Диалект с. Герменчик Бабаюртовский район Хасавюртовского наречия кумыкского языка. Носитель – Загир Ярашевич Эрежебов, рожд. 1981. запись от 2018 г. // А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.)// <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

Кочакаева 2017б – Кочакаева З.К. Диалект с. Башлыкент кайтакского наречия, кумыкский язык. Носитель – Багу Абдулганиевна Ильбаева, рожд.1958. запись от 2017 г. // А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.) // <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

Кочакаева 2018а – Кочакаева З.К. Диалект с. Терекли-Мектеб, кара-ногайский язык. Носитель – Назира Шарабутдиновна Муратова, рожд. 1974. запись и составление от 2018 г. // А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.) // <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

Кочакаева 2018б – Кочакаева З.К Диалект села Терекли-Мектеб. Носитель – Ахмет Аминович Ярлыкапов, рожд. 1970. запись и составление от 2018 г. // А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.)// <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

Кочакаева 2018г – Кочакаева З.К. Словарь с. Аксай Хасавюртовского наречия кумыкского языка Носитель – Умочка Адильхановна Ярсанаева, 1977 г.р. запись и составление 2018 г. // А.В. Дыбо, М.М. Зимин (ред.)// <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru>

**СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ, ИДЕАЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ,
ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА**

И. Н. Кравченко

Хабаровский краевой институт развития образования

В рамках выступления (статьи) планируется обсуждение вопросов сохранения педагогами Хабаровского края идеалов, ценностных представлений, традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока посредством расширения языковой среды этноса в рамках проекта по организации единого информационно-познавательного пространства. Созданные в соответствии с задачами проекта интернет-ресурсы содержат разнообразные лингвистические и экстралингвистические средства и материалы, являющиеся эффективным средством для достижения поставленной цели.

Реализация проекта позволила усилить интерес и повысить мотивацию к изучению этнических языков: увеличение соответствующих параметров, включающих владение языком как родным, уважение к языку и осознание необходимости его изучения, Популяризация традиций и обычаяев среди молодого поколения и гармонизация меж- и внутрипоколенческих отношений позволили несколько снизить этническую индифферентность и этноэгоизм, что также следует отнести к положительным результатам проекта.

ПЯТЬ ВИДОВ ПИСЬМЕННОСТИ ЯЗЫКА СОРА: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ

А. С. Крылова

Институт востоковедения РАН

Е. А. Ренковская

Институт языкоznания РАН, Институт востоковедения РАН

В индийской хиндиязычной традиции наиболее близким эквивалентом понятию «коренной» применительно к этносам и языкам является термин *ādivāsī* (букв. хин. ‘исконный житель, абориген’), при этом данный термин имеет ряд специфических коннотаций. Понятие *ādivāsī* (в индийской англоязычной литературе переводится как ‘tribe’, в русской научной литературе – ‘племя’) распространяется на культурно обособленные этнические группы, исторически не встроенные в религиозно-экономическую кастовую систему традиционного индуизма. В частности этот термин покрывает все народности, говорящие на сино-тибетских языках и языках мунда. По причине изначальной невключенности племен в кастовую систему индуистская традиция относит их к вневарновой категории неприкасаемых, что во многих случаях приводит к этнической и языковой дискриминации. Этот и другие факторы влияют на то, что в рамках государственной языковой политики Индии племенным языкам уделяется недостаточно внимания, и основная языковая работа связана с христианской миссионерской деятельностью и культурно-языковым активизмом. Одним из элементов работы с языком становится разработка письменности: для христианских миссионеров письменность является возможностью публикации священных текстов и в качестве графической основы в основном избирается латиница; для языковых активистов племенного происхождения важным становится изобретение письменности на оригинальной графической основе. Последнее определяется распространенными в Индии лингвистическими предрассудками, что одной из обязательных характеристик языка (в отличие от других языковых идиомов) является наличие оригинальной письменности. Таким образом, собственная письменность помогает повысить статус племенного языка в мультилингвальном индийском обществе. Начиная с 20-х гг. в большом количестве создаются оригинальные письменности для разных племенных языков, в частности для языков мунда, ср. ол чики (язык сантали), варанг чити (хо), хисир бани (мундари) (см. [Zide 1999], [Крылова 2018]).

Данное исследование посвящено разработке видов письменности для языка сора, (группа языков корапутских мунда; штаты Орисса и Андхра-Прадеш, Индия) и основано на полевых материалах экспедиции в штат Орисса, Индия (октябрь–ноябрь 2017 г.)¹. Работа проводилась в г. Паралакхемунди, дд. Серанго, Барангсинг, Самагайта, Порида, Валлада округа Гаджапати, дд. Багасала, Домбосара, Маричагуда, Энгерба округа Раягада.

На данный момент насчитывается 5 разных видов письменности для языка сора с различной степенью нормализации. Первой письменностью языка сора стала письменность на основе латиницы, разработанная в 1931 г. по заказу Канадской баптистской миссии. Первая сорская латиница содержала символы алфавита МФА, но в последствии в целях упрощения стали использоваться только символы латинского алфавита. В настоящее время латиница используется в христианских общинах (баптистской и католической). Несколько лет спустя была изобретена письменность соранг компенг на оригинальной графической основе. Новая письменность была объявлена результатом божественного откровения и собственно воплощением божества. На основе сакрализации письменности, каждый символ которой был посвящен божеству сорского традиционного пантеона, возникла новая религия Матар Баном.

¹ Работа проведена при поддержке фонда РFFI, проект № 17-34-00018 «Социолингвистическое исследование языков корапутских мунда и создание мультимедийного корпуса текстов, иллюстрирующих различные социальные условия бытования языков», рук. Ю.Е. Берёзкин.

Создание соранг сомпенг, насколько можно понять, преследовало несколько целей. Во-первых, это была реакция на все более распространяющую среди сора христианизацию, влекущую полный отказ от традиционной культуры, и попытка ее сохранить, закрепив посредством религиозного мировоззрения. Во-вторых, это давало возможность повысить статус сора как языка с письменностью на оригинальной графической основе. Позднее были разработаны еще два вида письменности – на графических основах ория (штат Орисса) и телугу (штат Андхра-Прадеш) в рамках программы MultiLingual Education (MLE), предполагающей обучение в младших классах на родных языках. Согласно этой программе письменность для малых языков должна быть разработана на графической основе официальных языков штатов, где эти языки распространены.

Литература

- Крылова А.С. История, структура и происхождение автохтонных письменностей языков мунда // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность 2018, №3 С. 119–132.
Zide N. Three Munda scripts // Linguistics of Tibeto-Burman area. Volume 22.2 – Fall 1999 (Р. 199–232).

ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ*

Е. А. Крюкова

Томский государственный педагогический университет

В мире существует более 6 000 языков, подавляющее большинство из них относится к бесписьменным. Ученые прогнозируют, что к концу XXI века количество языков может сократиться на 50%, называются и более оптимистичные цифры 30–35%. В начале 90-х годов прошлого века американский ученый М. Краусс привлек внимание научного сообщества к проблемам сохранения и описания исчезающих языков, предрекая вымирание 90% языков (Krauss, 1992).

В число языков, которые находятся на грани полного исчезновения, входит и кетский язык. Согласно «Атласу языков, находящихся под угрозой исчезновения» он относится к серьезно уязвимым языкам (*severely endangered*). Действительно, поколение родителей еще понимает кетскую речь пожилого поколения, но дальнейшая передача языка прерывается, т.к. среднее поколение не общается между собой на кетском языке и не разговаривает на родном языке со своими детьми.

Еще в начале ХХ века русский антрополог и этнограф В.П. Анучин писал о том, что кетский язык исчезнет через 10–20 лет. Опасения о скорейшем исчезновении кетского языка высказывало каждое поколение исследователей на протяжение ХХ века и в первом десятилетии XXI века. Но в последнее время ученые заметили, что бесписьменные и младописьменные языки приспосабливаются выживать в условиях развития процесса языкового сдвига (Вахтин).

Одним из способов сохранения языка, находящегося под угрозой исчезновения, в современной социолингвистической ситуации является устное творчество, которое подстраивается в условиях урбанизации к реалиям современной жизни. В данной работе учитывается один из аспектов урбанизации – информационная насыщенность, которая свойственна современному образу жизни не зависимо от того, проживает ли человек в мегаполисе, небольшом городе или удаленном поселке.

В докладе планируется проследить трансформационные процессы, которые можно отметить в устных формах творчества кетов на уровне композиционного построения текста с учетом анализа лексического фонда, грамматических форм и синтаксических конструкций.

В качестве материала исследования будут использованы песня А. М. Котусова «Алла Пугачева» (2005)¹, шуточные песни, исполненные В. М. Серковой (2009), стихи для школьников З. В. Максуновой (2010), стихотворение Т. М. Бердниковой (1967) и песни из томов полевых записей, зафиксированные в полевых томах А. П. Дульзоном и его последователями.

Литература

Вахтин Н.Б. Исчезают ли исчезающие языки? Социолингвистика «языкового сдвига» (видеозапись лекции) // <https://www.youtube.com/watch?v=DfoOrh6JhhU>

Krauss M. The world's languages in crisis // Language. V. 68 № 1. P. 4–10.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger (интерактивный атлас) // <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00775 «Типология простого предложения в языках обско-енисейского языкового ареала: информационная и аргументная структуры».

¹ Здесь и далее в скобках – год записи языкового материала.

Список источников

- Бердникова Т. М. Стихотворение (рукопись) // Том полевых записей по кетскому языку Том полевых записей по кетскому языку № 35, н.п. Елогуй, 1967. С.437–440.
- Максунов З. В. Стихи (рукопись) // Гришина Н.М., Крюкова Е.А. В помощь преподавателям национальных языков, 2010. С. 46–48.
- Котусов А. М. Алла Пугачева (сайт ЛАЛС НИВЦ МГУ)// <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/text/alla-pugacheva-m-kotusov>
- Серкова В. М. Шуточные песни (рукопись)// Полевые записи. с. Верхнеимбатск, 2009.

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКОСВ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ: НА ПРИМЕРЕ АФФИКАСА -ЧИИ

С. Н. Курилова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

В докладе автор обращает внимание на словообразовательный аспект языка тундровых юкагиров (далее ТЮ), а именно, на проблему неоднозначности и фузионности аффиксальных морфем. На примере одного из аспектуально многозначных аффиксов *-чии*, активно участвующего в глагольном словообразовании, предпринимается попытка уточнения его значений, вариативных и интеграционных форм.

1. Неоднократность

Чаще всего аффикс *-чии* встречается в ТЮ в качестве маркера неоднократности действия. Неоднократность при этом рассматривается с учетом такого типа множества ситуаций, когда имеет место неоднократное осуществление ситуации без локализации во времени с тождественным набором актантов (см. ниже примеры 1–2). Итеративный аффикс *-чии* уточняет значение основы опосредованно, через показатель каузативности *-с*. Напр.: *кэрдыи*= ‘хвастаться’ > *кэрдыи-с*= ‘хвалить’ > *кэрдыи-с-чии*= ‘не раз похвалить’, ‘похваливать’.

В рамках категории итеративности рассматриваются также варианты *-чи* и *-ч*, реализующие значение дистрибутивности, под которой понимается неоднократное осуществление ситуации с наличием локализации во времени с нетождественным набором актантов. Напр.: *шэлтэ*= ‘повесить’ > *шэлди-ч*= ‘поразвесить не раз или множество чего-л.’, *кудиэ*= ‘припрятать’ > *кудиэ-чи*= ‘припрятать не раз или множество чего-л.’.

Отдельно проанализированы сложные аффиксы *-рич ~ -ричи, -дич ~ -дichi*. В них про-сматриваются составляющие элементы с разными категориальными значениями – с одной стороны, каузативности (*-ри < -рэ; -ди, -рэ < -тэ ~ -тэй*), с другой – дистрибутивности (*-ч ~ -чи*). Напр.: *лайaa* ‘позади’ > *лайи-тэ*= ‘опоздать’ > *лайи-ри-ч*= ‘отставать’, *өндиэ*= ‘благословить’ > *өндэ-ри*= ‘благословить’ > *өндэ-ри-ч*= ‘благословлять’, *ил-тэ-й*= ‘толкнуть’ > *ил-ди-ч*= ‘толкать’.

2. Аттенуативность

Учитывая такие факторы как время, количество и длительность, к предикатам аттенуативного способа действия (далее АСД) в юкагирском языке имеют отношение процессивные глаголы с аттенуативом *-чии*, обозначающие: (а) действие слабой интенсивности: *мэрэй-чии*= ‘слегка коснуться’ < *мэрэй*= ‘потрогать’; б) действие малой длительности: *аарэй-чии*= ‘остановиться ненадолго’ < *аарэй*= ‘остановиться’. Образование глаголов АСД в ТЮ происходит от (а) основ непереходных глаголов с качественным значением: *чугуо-чии*= ‘быть чуть быстрым’ < *чугуол*= ‘быть быстрым’; (б) основ непереходных глаголов с процессивным значением: *лугуму-чии*= ‘немного постареть’ < *лугуму*= ‘постареть’; (в) основ переходных глаголов с процессивным значением: *хандэй-чии*= ‘проводить немного’ < *хандэй*= ‘проводить’. В 3-м лице ед.ч. основы с аттенуативным аффиксом *-чии-* имеют личное окончание *-й* (см. ниже примеры 3–4).

3. Делимитативность

Аффикс *-чии* может имплицировать значение ограничительности действия, например: *ую-чии*= ‘пройти’ < *ую*= ‘идти’, *йую-чии*= ‘взглянуть’ < *йую*= ‘увидеть’. В 3-м лице ед.ч. переходные основы глаголов принимают личное окончание *-м* (см. ниже пример 5) и непереходные *-ч* с усечением долгой гласной аффикса (см. ниже пример 6). Делимитативами могут выступать также количественные глаголы (*кийую-чии*= ‘быть только в количестве двух’ < *кийуол*= ‘быть в количестве двух’), *йалую-чии*= ‘быть в количестве только трех’ < *йалуол*= ‘быть в количестве трех’).

Примеры

- (1) *Нэмэ-лэк шахчэ-с-тэ-мэк муридьэ?*
что-INS грань-CAUS-FUT-2SG иголка
'Чем огранишь иголку?'
- (2) *Мэт муридьиэ Испиридуон-инь шахчэ-с-чи-и-*,
я иголка Спиридон-DAT грань-CAUS.PERM-ITER-1SG
тудэл шахчэ-с-ул-ги мэр амуо-нун-и.
он грань-CAUS-RES-RP AFF быть.хорошим-HAB-3SG
'Я иголку Спирилону даю ограниить, (потому что) им ограниченное бывает хорошим'.
- (3) *Тудэл мэр аарэй-чи-и-й.*
он AFF остановиться-ATTN-3SG
'Он недолго остановился'
- (4) *Тудэл мэ чугуо-чи-и-й.*
он AFF быть.быстрым-ATTN-3SG
'Он чуть быстрее'
- (5) *Тудэл мэ йую-чи-и-м.*
он AFF увидеть-DLM-3SG
'Он взглянул'
- (6) *Тудэл мэр уу-чи-ч.*
он AFF идти-DLM-3SG
'Он прошёл'

Литература

- Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. – СПб.: СПбГУ, 2004.
- Крейнович Е.А. Юкагирский язык: монография. – М.-Л.: АН СССР, 1958.
- Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку: монография. – Л.: Наука, 1982.
- Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка): монография. – Новосибирск: Наука, 2003.
- Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1996. – С. 155–168.
- Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций (опыт классификации) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т.45., №2. – С. 149–158.
- Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, времененная локализованность, таксис / ответ. ред. Бондарко А.В. – М.: Либроком, 2013. – С. 124–152.
- Maslova E. Tundra Yukaghirk / E. Maslova. – München: Lincom Europa, 2003.

TO THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF THE WORD-FORMATION AFFIXES IN TUNDRA YUKAGHIR: THE AFFIX -Č// AS AN EXAMPLE

Samona Kurilova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North

The paper deals with the word-formation aspect of the Tundra Yukaghirk (henceforth TY), namely a problem of ambiguity and fusion of the affixal morphemes. There is an attempt to verify

semantics, variable and integrative forms of one of the polyfunctional and polysemantic affixes *-čii* that is active in verbal word-formation.

1. Multiplicity

The affix *-čii* is often used as a marker of the frequent action in TY. Frequency is considered in a light of multiplicity of situations, when there is numerous realization of the situation without time localization, but with identical number of the actants (see examples 1–2). Affix *-čii* indirectly specifies a meaning of the basis by means of the affix *-s*. For instance: *kerd'i*= ‘to boast’ > *kerd'i-s*= ‘to praise’ > *kerd'i-s-čii*= ‘to praise multiple times / repeatedly’.

Under the iterative category the variants *-či* and *-č* are also under study. They represent a distributive meaning as frequent realization of the situation with time localization and inadequate number of the actants. For instance: *welte*= ‘to hang’ > *weldi-č*= ‘to hang multiple times/things’, *kudie*= ‘to hide away’ > *kudie-či*= ‘to hide away multiple times/things’.

The compound affixes *-rič* ~ *-riči*, *-dič* ~ *-diči* are analyzed separately and they consist of the elements with different categorial meanings – on the one hand, causative (*-ri* < *-re*; *-di*, *-re* < *-te* ~ *-tej*) and, on the other, distributive (*-č* ~ *-či*). For instance: *lajaa* ‘behind’ > *laji-te*= ‘to be late’ > *laji-ri-č*= ‘to fall behind multiple times’, *öndie*= ‘to bless’ > *önnde-ri*= ‘to bless someone’ > *önnde-ri-č*= ‘to bless multiple times/people’, *ile-te-j*= ‘to push’ > *il-di-č*= ‘to push multiple times/things’.

2. Attenuativity

Taking into consideration such factors as time, quantity and duration, the TY predicates of attenuative way of action (henceforth AWA) includes processive verbs with an attenuative affix *-čii* denoting: (a) actions of weak intensity: *mörej-čii*= ‘to touch slightly’ < *mörej*= ‘to touch’; b) action of small duration: *aarej-čii*= ‘to make a short stop’ < *aarej*= ‘to stop’. The formation of the AWA verbs in TY is based on (a) stems of intransitive verbs with qualitative meaning: *čuguo-čii*= ‘to be a bit faster’ < *čuguol*= ‘to be fast’; (b) stems of intransitive verbs with processive meaning: *lugumu-čii*= ‘to become a bit old’ < *lugumu*= ‘to become old’; (c) stems of transitive verbs with processive meaning: *qandej-čii*= ‘to see off a bit’ < *qandej*= ‘to see off’. The stems with an attenuative affix *-čii-* in 3Sg have a personal ending *-j* (see examples 3–4).

3. Delimitativity

The affix *-čii* can imply a meaning of the delimitative way of action, for instance: *uu-čii*= ‘to walk multiple times in a definite time’ < *uu*= ‘to walk’, *juo-čii*= ‘to take a glance several multiple times in a definite time’ < *juo*= ‘to see’. The transitive verbs in 3Sg take a personal ending *-m* (see example 5), but intransitive ones take *-č* with a vowel loss (see example 6). The delimitatives could also be the quantitative verbs (*kijuo-čii*= ‘to be only two’ < *kijuol*= ‘to be two’, *jaluo-čii*= ‘to be only three’ < *jaluol*= ‘to be three’).

Examples

- (1) *Neme-lek waqče-s-te-mek murid'ie?*

what-INS facet-CAUS-FUT-2SG needle
‘By what will you facet the needle?’

- (2) *Met murid'ie Ispiriduon- waqče-s-čii-η, tadel waqče-s-uol-gi mer amuo-nun-i.*

I needle Spiridon-DAT facet-CAUS.PERM-ITER- he facet-CAUS-RES- AFF be.good-HAB-
1SG RP 3SG

‘I give a needle to Spiridon to be faceted, (as something) faceted by him is good’

- (3) *Tadel mer aarej-čii-j.*

he AFF stop-ATTN-3SG
‘He made a short stop’

(4) *Tudel me čuguo-čii-j.*
he AFF be.fast-ATTN-3SG
'He is a bit faster'

(5) *Tudel me juo-čii-m.*
he AFF see-DLM-3SG
'He took a glance'

(6) *Tudel mer uu-či-č.*
he AFF go-DLM-3SG
'He walked'

References

- Bondarko A.V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki (Theoretical Problems of the Russian Grammar). SPb.: SPbGU, 2004. 208 s.
- Krejnovich E.A. Yukagirskij yazyk (Yukaghir Language). M.-L.: AN SSSR, 1958. 288 s.
- Krejnovich E.A. Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku (Studies and Materials on Yukaghir Language). L.: Nauka, 1982. 304 s.
- Kurilov G.N. Leksikologiya sovremennogo yukagirskogo yazyka (razvitiye leksiki i rol' v njem yakutskogo yazyka) (Lexicology of the Modern Yukaghir Language (Lexicon Development and a role of the Yakut Language)). Novosibirsk: Nauka, 2003. 288 s.
- Kurilov G.N. Sovremennyj yukagirskij yazyk (Modern Yukaghir Language). Yakutsk: Ofset, 2006. 280 s.
- Kurilov G.N. Yukagirsko-russkij slovar' (Yukaghir-Russian Vocabulary). Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 s.
- Nikolaeva I.A., Khelimskij E.A. Yukagirskij yazyk (Yukaghir Language) // Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki. – M.: Indrik, 1996. S. 155–168.
- Khrakovskij V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsij (opyt klassifikatsii) (Semantic Types of the Multiplicity of Situations (Classification Experience)) // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1986. V.45. №2. S. 149–158.
- Khrakovskij V.S. Kratnost' (Frequency Rate) // Teoriya funktsional'noj grammatiki. Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalozovannost', taksis / Ed. by Bondarko A.V. M.: Librokom, 2013. S. 124–152.
- Maslova E. Tundra Yukaghir. München: Lincom Europa, 2003. 97 p.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СААМСКОГО ЯЗЫКА

Р. Д. Куруч

Институт развития образования

1. По данным интерактивного «Атласа исчезающих языков мира», выпущенного ЮНЕСКО в 2009 году, практически все языки коренных малочисленных народов России находятся под угрозой исчезновения. В настоящее время во многих регионах страны лингвистами и представителями национальной общественности предпринимаются определенные действия по сохранению и ревитализации языков коренных малочисленных народов.

Это в полной мере относится и к саамскому языку, языку коренных жителей Мурманской области – саами, который совсем недавно перешел из бесписьменных языков в группу языков младописьменных.

2. Максимально эффективным методом сохранения и возрождения таких языков многие лингвисты считают «языковые гнезда», образованием которых в России активно занялись финские и норвежские специалисты.

По нашему мнению,

– эффективность «языковых гнезд» для коренных народов России минимальна или её вовсе нет: в существующих условиях невозможно организовать полный режим «языкового гнезда» в течение всего дня,

– в условиях, когда дети не владеют родным языком, обучение родному языку нужно строить по методике обучения второму языку.

Учебники по саамскому языку для начальной школы разработаны по этой методике еще в 90-ые годы.

3. В целях сохранения и развития саамского языка настоящее время ключевыми факторами языковой политики Правительства Мурманской области в отношении саамского языка должно быть:

– создание научно-исследовательского Центра по саамскому языку;

– срочное возвращение саамского языка в качестве учебного предмета в школу: ведь именно школьное преподавание языка является одним из способов целенаправленного сохранения языка, поскольку школа – основной канал распространения языковой компетенции;

– создание редакции на саамском языке со специалистами (научными редакторами и корректорами), отвечающими за издательскую политику на саамском языке;

– организация обучения взрослого населения чтению и письму по-саамски (ознакомление с нормативными основами саамского языка).

4. Ответственность за сохранение и развитие саамского языка должно нести не только государство, но и саамская общественность: Совет представителей КМНС Севера при Правительстве Мурманской области, саамский парламент (Самъ соббар). Избранные на IV съезде саамов в эти высокие инстанции представители саамского народа не владеют саамским языком и его теоретическими основами, они не могут влиять на языковую политику Правительства Мурманской области и не чувствуют своей ответственности за судьбу своего языка и народа.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ДИАСПОРЕ: ЧУВАШСКИЙ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

М. В. Куцаева

Институт языкоznания РАН

В типологии диаспор помимо внешних в настоящее время выделяют и внутренние: различные диаспоры в рамках многонационального государства за пределами основного места компактного проживания этноса [1: 58]. В силу исторических причин 43,3 % чувашей проживают вне Чувашской Республики [2: 826], и сохранность чувашского языка за ее пределами вызывает обеспокоенность.

В местах компактного проживания чувашского этноса, в частности, в Среднем Поволжье и Приуралье, согласно п.4 ст. 3 Закона «О языках народов Российской Федерации» предусмотрено использование чувашского в том числе в качестве языка обучения [3]. На другие регионы, где чуваши, хотя и многочисленны, однако проживают дисперсно (в московском регионе насчитывается 26779 чувашей) [4], положения данной статьи не распространяются. Соответственно, проблема сохранения этнического языка в условиях, с одной стороны, оторванности от метрополии, с другой стороны, проживания в условиях полилингвального пространства города, представляется для чувашей актуальной.

Как показали результаты социолингвистического обследования среди 100 представителей чувашской диаспоры московского региона, межпоколенная передача этнического языка в семье крайне слабая. Погружение в языковую среду в чувашской деревне носит нерегулярный, довольно краткий по своей продолжительности характер: в такой ситуации трансмиссия этнического языка может быть возложена на языковые курсы как средство регулярного поддержания языка. В Москве курсы чувашского языка в течение ряда лет функционируют при Полномочном представительстве Чувашской Республики при Президенте Российской Федерации, занятия проводятся в детской и взрослой группах.

Однако преподавание этнического языка в диаспоре имеет ряд особенностей.

Во-первых, отсутствие специалистов, имеющих квалификацию «преподаватель чувашского языка как иностранного»: факультеты чувашской филологии выпускают специалистов исключительно для преподавания чувашского как родного (функционально первого) для учащихся языка.

Во-вторых, учебно-методические пособия. Несмотря на то, что за последние десятилетия в Чувашской Республике были изданы, а в некоторых случаях выдержали несколько изданий учебные пособия для изучения чувашского лицами, не владеющими этим языком, не утихают дискуссии относительно того, насколько адекватна предложенная тем или иным автором методика подачи как грамматического, так и лексического материала.

В-третьих, недостаточное количество учебного времени: занятия на курсах чувашского языка в Москве делятся час и проводятся раз в неделю, учебный год длится с ноября (декабря) по июнь с перерывом на новогодние каникулы.

В-четвертых, фокус-группа, на которую рассчитаны курсы. Респонденты первого поколения в выборке, имеющие детей, в целом (53%) одобрили идею преподавания чувашского языка в Москве, однако, на вопрос о том, отправили бы они конкретно своих детей изучать чувашский язык на курсы, практически в половине случаев (54,8%) затруднились с ответом. Во втором поколении 73% опрошенных в выборке одобрили идею курсов чувашского языка, некоторые из респондентов посещают курсы по собственной инициативе, которая, однако, вызывает скорее недоумение у их родителей, этнических чувашей.

В-пятых, как представляется, в целом, значительна доля тех чувашей, кто не посещает курсы чувашского языка. В выборке 19% респондентов выступили вообще против идеи пре-

подавания чувашского языка в Москве, свое решение мотивировали крайней его не востребованностью, трудностью в изучении, общей распространностью русского языка в Москве и необходимостью изучения иностранных языков.

В шестых, открытым остается вопрос эффективного усвоения учащимися этнического языка на курсах, возможного применения полученных знаний в условиях реальной коммуникации. Как заявил один из слушателей курсов: «Знания потом стараюсь применять! Родители к этому относятся в принципе положительно. Но из-за того, что я могу говорить банальные вещи, то быстро переходим на русский, ну чтобы более там ... диалог получался».

Список литературы

Михальченко В.Ю. (отв. ред.). Словарь социолингвистических терминов. М., институт языкоznания РАН, 2006.- 312 с.

Фомин Э. В. Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 824 – 833

Закон о языках народов Российской Федерации [электронный ресурс] URL: <http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/316-2011-04-05-13-35-25.html> дата обращения: 10 января 2018 г.

Всероссийская перепись населения 2010 года [электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm дата обращения: 15 января 2019 г.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

М. П. Лукина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Юкагирский язык относится к числу так называемых endangered languages или языков, «находящихся в критическом состоянии», – количество носителей исчисляется единицами.

Цель настоящего исследования заключается в описании особенностей морфологических средств выражения модальных и эвиденциальных значений в тундренном диалекте юкагирского языка. В анализ включены корпуса текстов тундренного диалекта юкагирского языка, а также полевые материалы автора.

Исследователями юкагирского языка форманты -мораш-, -мори-, -бу-/бунь, -льэл включались в состав суффиксов наклонений: долженствовательного (-мораш-), несомненно го / наклонение предстоящего действия (-мори-), желательного (-бу-/бунь), очевидного / неочевидного (-льэл).

В результате анализа средств выражения модальных и эвиденциальных значений в тундренном диалекте юкагирского языка с указанными аффиксами сделан вывод о том, что форманты -мораш-, -мори-, -бу-/бунь являются одними из компонентов сложных модальных глаголов, а форманты -льэл-/льэл, – одними из компонентов сложных глаголов, выражающих эвиденциальность. Глаголы с компонентом -мораш- большей частью передают необходимость, но в различных условиях контекста могут наслаждаться различные оттенки: долженствование, предназначение, обязательность, неизбежность, вынужденность и т. д. При характеристике сложных модальных глаголов с компонентом -мори-, выражающего необходимость, обычно подчеркивается меньшая категоричность передаваемого им значения необходимости, вследствие чего в юкагирском языке он часто употребляется в значении вынужденности совершения действия и переводится «придется сделать что-то», уступки говорящего лица, предстоящего действия, условия «если, действительно...». Сложными модальными глаголами, выражающими волеизъявление, являются глаголы с компонентами -бу-/бунь-, которые выражают разные оттенки волеизъявления: желание, намерение, стремление в различной степени, а при отрицании – нежелание, отказ совершить какое-то действие. Глаголы с компонентом -льэл-/льэл передают сообщение, полученное не с помощью собственных органов чувств говорящего, т.е. не на основании опыта самого рассказчика, а лишь: 1) в качестве выводов, сделанных на основании видимых результатов (инференция); 2) говорящий знает информацию со слов других людей (цитатив); 3) при удивлении, получении новой информации говорящим лицом в момент речи (адмиративность).

Таким образом, форманты -мораш-, -мори-, -бу-/бунь-, льэл-/льэл в тундренном диалекте юкагирского языка являются одними из компонентов сложных модальных и эвиденциальных глаголов, выполняющими роль своеобразных словообразовательных средств.

Литература

- Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ленинград: Наука, 1982.
Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001.
Лукина М. П. Наречие в юкагирском языке. Новосибирск: Наука, 2014.
Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: URSS, 2000.
Полевые материалы Лукиной М. П. Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), п. Черский, 2014.

СЕГОДНЯШНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ НА ЯМАЛЕ

М. Д. Люблинская

Институт лингвистических исследований РАН / РГПУ им. А. И. Герцена

С 17.09.18 по 08.12.18 г. на базе ГАУ ДПО ЯНАО «Региональный институт развития образования» по решению департамента образования ЯНАО Институт народов Севера РГПУ им. А.И.Герцена провел курсы переподготовки по теме «Родной язык и литература» для преподавателей родных языков для преподавателей муниципальных районов автономного округа (254 часа). Была сформирована группа высокопрофессиональных преподавателей: Люблинская М.Д., Рябчикова З.С., Федина М.С., Казакевич О.А..

За время проведения курсов переподготовки учителя расширили знания, приобрели дополнительные практические навыки, овладели инновационными методиками, смогли обменяться опытом.

Определились моменты в преподавании родных языков, требующие особого внимания, разрешения конфликтных ситуаций. Например, не во всех школах округа выделено по 3 часа в неделю для преподавания родных (ненецкого, хантыйского, селькупского и коми) языков и литературы. Не во всех школах учителя получают определённую законом надбавку (20% к зарплате) за преподавание своего родного языка. Мы считаем, что необходимо все часы изучения родного языка внести в учебный план.

Благодаря проведенным курсам переподготовки стало очевидно, что преподавание родного языка детям, не владеющим своим этническим языком, требует специальных методических подходов. Такие программы для преподавания языков Ямала могут быть созданы на основе уже действующих разработок (Якутии, ХМАО). Создание таких пособий станет серьезным вкладом в поддержку этнических языков.

За время второй сессии учителя прослушали продолжение курса Методика преподавания родного языка и литературы, который провела преподаватель с многолетним стажем к.и.н., доцент Валентина Селиверстовна Иванова. Предмет «Литература, фольклор народов Севера» провела отличный профессионал, к. ф. н., доцент Эльвира Васильевна Иванова. Как итоговые работы для проведения аттестации учителя защитили свои проекты и разработки, которые они сами составили с помощью коллег и используют в своих образовательных учреждениях (школах, детских садах). Эти выпускные работы явились отличными методическими рекомендациями по практике преподавания родных языков для детей разного возраста и разной степени владения этническим языком.

Учителя ненецкого языка дали свою оценку программе начальной школы, присланной мне на экспертизу: в предлагаемом учебном плане видна непоследовательность в изучении грамматической структуры ненецкого языка в младших классах: если в третьем классе учеников знакомят с такими частями речи (вади тэнз") и их структурными характеристиками как существительные, включая послеложные конструкции, прилагательные, личные местоимения, глагол, то в 4 классе из частей речи вспоминают только существительные, прилагательные и глагол, причём развивающие упражнения выполняются только для существительных и глаголов. Учителя видят, что ученики не повторяют однажды усвоенный материал о такой значимой части речи как местоимения слишком длительный срок. Здесь необходимо в программу включить дополнительные методические рекомендации для преподающих при изучении лица в теме «Глагол», особенно для молодых, учителей. Это означает, что программы изучения родных языков, особенно в начальной общеобразовательной школе, должны быть проверены на последовательность, определено соответствие разделов учебных программ в случаях изучения нескольких языков параллельно.

Считаем целесообразным изучение родного языка начинать с детского сада, что будет являться мотивацией для дальнейшего обучения в школе. Мы предлагаем педагогам направлять свой методический материал в институт развития образования для размещения на официальном сайте.

СОЗДАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М. Д. Люблинская

Институт лингвистических исследований РАН /
РГПУ им. А. И. Герцена

М. В. Пушкарёва

РГПУ им. А. И. Герцена

Изменение окружающей реальности мира требует расширения словарного запаса; для младописьменных и бесписьменных языков России для обозначения новых реалий – социальных и технических – требовалось и требуется создать соответствующую группу лексику. Рассмотрим как происходило и происходит формирование административно-политической терминологии в ненецком языке, сегодня самом представительном по численности языке Севера России (по данным переписи 2010 г. 44,5 тысячи этнических ненцев). Известно, что терминология может появляться в языке тремя путями:

- заимствованием новых понятий вместе с названием (обычно интернационализмов), что служит обеспечению единства терминологии разных областей человеческой деятельности;
- формированием новых слов с применением существующих основ заимствующего языка;
- изменением значения существующих слов.

Первый опыт административных текстов — обещания гражданского повиновения, в том числе уплаты податей государыне, — записаны В. Ф. Зуевым [Зуев, 1947: 175–177]. В этих клятвах есть понятие ‘ясак, налог’ — *aiwamir* (букв. ‘головы цена’), образованное по второму пути.

После революции для ознакомления жителей севера с особенностями новых задач государства с 1933 по 1935 годы при Научно-исследовательской ассоциации института народов Севера ЦИК СССР действовал специальный комитет, которым руководил Алькор (Я. П. Кошкун). Сотрудника комитета переводили на языки народов Севера политическую литературу, отражающую современную расстановку классовых сил, разъясняющую цели и законность действий новой власти (например, Н. М. Пырерка (Терещенко) перевела на ненецкий язык брошюру «Что дала Октябрьская революция народам, живущим на Севере?» [Alkor 1933]). В брошюре употреблены новые термины: *тэнз* ‘народ, букв. род’ (сдвиг значения), *Okṭabṛ rewołucija* ‘Октябрьская революция’ (название заимствовано), *seropə-lawa* ‘власть’ (< ‘делать’+ суф. места действия) и др.

Именно отсутствие необходимых названий новых реалий задаёт форму представления пьесы И. Ф. Нохо «Шаман»: описание декораций, действий персонажей даётся на русском языке, и только слова актёров написаны по-ненецки.

В современных административно-политических документах, которые могут быть только переводами, используются слова, образованные всеми тремя путями, причём современные политические понятия могут выражаться иначе, чем в 30-е годы:

- заимствования: *Конституция, власть, Россия, статья, устав*, которые в ненецком переводе изменяются в соответствии с правилами ненецкой грамматики;
- формирование нового значения под влиянием другого языка: *вату* ‘паң сертыр’ – ‘основы конституционного строя’, *государства* ‘сацьтарана серта’ – ‘обязанность государства’;
- кальки — буквальный поморфемный перевод иноязычного слова с появлением у слова дополнительного значения: *ңока тэнзо мэта янда тер* ‘ненэця’ – ‘многонациональный народ’, *харе* ‘ё’ *серо минрева* – ‘местное самоуправление’.

Интересна корреляция значения термина и способа его образования: при сравнении переводов Конституций РФ 1993 года [Федеральные законы, 2008] и СССР 1978 [Конституция СССР, 1978], необходимо учитывать историко-политический контекст, который сильно влиял на способы заимствования [Пушкарёва, 1988].

Список литературы

- Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцев (в книге Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С предисловием и комментариями Г.Д. Вербова)
- Конституция СССР (на ненецком языке). Свердловск, 1978.
- Пушкирова Е. Т. Программа курса для студентов факультета народов Крайнего Севера «Теория и практика перевода с ненецкого на русский и с русского на ненецкий», Ленинград, ЛГПИ им. Герцена, 1988.
- Федеральные законы и законы Ямало-Ненецкого автономного округа (на ненецком языке), Государственная Дума Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард, 2008 г.
- Ajkor J. Okṭabr rewołucija ḥərm ḥana jileṇa tənzaḥ ḥamgəm tasa? – Leningrad: Lenpartizdat, 1933

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И ЖИЗНИ: РАССКАЗЫ НА КУЛЛУИ¹

Ю. В. Мазурова

Институт языкоznания РАН

Доклад посвящен малому индоарийскому языку куллуи – идиому, входящему в группу химачальских пахари². Глобализация и урбанизация в разных регионах идут с разной интенсивностью. Для Индии в целом характерен традиционный уклад жизни, однако там идут те же процессы, что и везде: постепенное распространение обязательного школьного образования на хинди (или английском), миграция населения в города в поисках лучшего экономического положения, распространение интернета и мобильной связи приводят к размыванию характерных для Индии жестких социальных границ, изменениям в обществе, а следовательно, и в языковой ситуации. На материале химачальских пахари и, в частности, куллуи можно проследить те достаточно быстрые изменения, которые происходят под влиянием хинди и английского языка, а также вследствие контактов с другими диалектами. Местные языки, в том числе и куллуи, пока что активно используются всеми поколениями, однако у школьников уже заметно начало языкового сдвига в сторону хинди и английского, а сфера употребления куллуи у них сужается до общения с бабушками и дедушками; в общении с родителями и сверстниками преобладает хинди.

Грамматическое описание и словарь куллуи были составлены на основе полевых данных, собранных исследовательским коллективом с 2014 по 2018 год в округе Куллу, штат Химачал-Прадеш (Индия), см. [Крылова 2017; Мазурова 2018; Ренковская 2018]. Была разработана фонологическая транскрипция на основе МФА и морфологическая разметка для грамматического материала, записаны и расшифрованы тексты, грамматические анкеты, словарь. В докладе будут проанализированы собранные в экспедиции тексты, отмечены грамматические и лексические особенности, характерные для текстов разных жанров.

Литература

Крылова А.С. Лексикостатистика новоиндоарийских языков: взгляд полевого лингвиста // Вопросы языкового родства. 2017. № 15. С. 290–299.

Мазурова Ю.В. Опыт полевого исследования химачальских диалектов пахари (Северная Индия) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.) / Отв. ред. З.М. Шаляпина; Сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН, 2018. С. 196–202.

Ренковская Е.А. Императив в куллуи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.) / Отв. ред. З.М. Шаляпина; Сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН, 2018. С. 168–173.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00355 (2019–2021).

² URL: www.pahari-languages.ru

ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРЕМИИ В ЗАПИСЯХ ЯКУТСКОГО ЭПОА: ОТ КАНОНА К ИННОВАЦИЯМ

С. С. Макаров

Институт мировой литературы им. Горького РАН

В сохранении и развитии языков коренных народов мира особое значение имеет изучение дискурсивных практики прошлого. Наиболее стабильными речевыми формами, зачастую воспринимаемыми носителями языка в качестве значимых риторических эталонов, как известно, являются фольклорные тексты.

В предлагаемом докладе я обращаюсь к традиционному проблемному полю «язык фольклора» и рассматриваю конкретное речевое явление – функционирование пословиц паремий в якутском эпосе олонхо. Это исследование позволяет осмысливать как характерную аксиологию жанра, так и взглянуть на эпос как специфический узус, использование провербияльных оборотов в котором несколько отличалось от других сфер их употребления.

Пословичные паремии, под которыми я буду понимать повторяющиеся словесные комплексы, имеющие структуру утвердительного предложения и содержащие в себе суждение, апеллирующее к авторитету безличного коллективного опыта [1, с. 31] – характерный элемент эпического стиля в якутской традиции, связующий «высокий» речевой регистр рассказывания эпоса с другими сферами использования языка, в том числе повседневными.

Поиск текстовых фрагментов, подпадающих под это определение среди записей 55 сюжетов олонхо. Полученный круг словесных единиц мог бы быть описан в терминах *пословицы* и *поговорка*, довольноочно прочно утвердившихся в отечественной филологии. Однако введение подобного разграничения в моем исследовании не имеет принципиального значения – как известно, границы жанровых разновидностей паремий не являются застывшими, а специфика конкретного их употребления часто определяется лишь в контексте [2, с. 11].

Пословичные паремии встречаются в рассматриваемом жанре как в прямой речи персонажей, так и в речи сказителя («повествователя»). Тематически выявленные единицы ожидаемо оказываются андроцентричными и акцентируют маскулинные нормативные представления и модели действия. Пословичные паремии в олонхо утверждают отзывчивость, приоритет поступков над речами, слабость женщины, верность данному слову и рискованное поведение.

Наблюдения над записями показывают наличие случаев как ординарного употребления паремийных текстов (обоснование действий некоторого лица, выступающего субъектом или объектом речи, побуждение слушателя соответствовать декларируемой модели поведения):

1. *Уол_обо биир тыл-лаах, ат_кулун биир кымнъыы-лаах.*

young_man one word-has.3 young_horse one whip-has.3

‘У юноши — одно слово, у молодого коня — одно понукание кнутом’.

(Самопобуждение героя к опасному поступку) [3, с. 39].

2. *Кыыс_обо санаа-та аң-ы-наабар кылгас,*

girl think-3.POSS hair-3.POSS-EQU short

‘Мысль девушки — короче ее волоса’.

өй-ө — сон-ун сиэб-и-нээбэр кыараbas.

acumen-3.POSS coat-3.POSS.ACC cuff-3.POSS-EQU tight

‘уже обшлага ее шубы’.

(Пояснение сказителя о причинах поступка персонажа) [4, с. 188].

Обнаруживаются также случаи актуализации смысла пословичного текста с его трансформацией в повествовательные формулы с иным значением (ср. с примером 2):

3. *Айталын-куо киэн көхс-ө сон-ун бэлэньиг-и-нээбэр кыараа-та,*
Aitalyn-kuo wide back-3.POSS coat-3.POSS.ACC cuff-3.POSS-EQU narrow-3.SG.PRF
'Широкая спина Айталын-куо стала уже обшлага ее пальто,
дэлэй-булас санаа-та сап-таабар синньээ-тэ,
plentiful think-3.POSS thread-EQU thin_out-3.SG.PRF
многочисленные ее мысли стали тоньше нити,
көнүл-булас өй-ө ай-ы-наабар кылгаа-та.
loose mind-3.POSS hair-3.POSS-EQU shorten-3.SG.PRF
свободный ее ум стал короче ее волос'.
- (Описание эмоционального состояния персонажа) [5, с. 235].

Наконец, обращают на себя внимание примеры новотворчества, не засвидетельствованные в иных контекстах:

4. *Ылаал хатарыы-та сух буол-бат, массыына унунуоб-а сух бар-бат.*
steel hardening-PART without exist-3.SG.NEG car oiling-PART without go-3.SG.NEG
(В речи персонажа: побуждение адресата соответствовать модели поведения) [6, с. 229].

Единственным признаком этого словесного комплекса, сближающим его с пословичными выражениями, является претензия на обобщенный характер суждения.

Эпический жанр предстает, таким образом, не только сферой спонтанного экспериментирования по расширению функциональных границ пословичного текста, а также порождения новых провербальных единиц.

Литература и источники

- Тарланов З.К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.
Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. М., 2006.
Хара Ньургун бухатыр: олонхо / Кривошапкин А.Н. Якутск: СВФУ, 2014.
Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / К.Г. Оросин. Якутск: ЯкГИЗ. 1947.
Күлкүл Бөбө оённөр Силирикээн эмээхсин икки / М.Н. Андросова // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Санкт-Петербург: Имп. АН, 1909. Т. 1. Вып. 3. С. 195–280.
Улүү Даарын бухатыр: олонхо / Шараборин М.Т. Якутск: Бичик, 2008.

О КОЛИЧЕСТВЕННОМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ДИФТОНГОВ В СОЙКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА

Е. Б. Маркус

Тартуский университет /
Институт языкоznания РАН

Ф. И. Рожанский

Тартуский университет /
Институт лингвистических исследований РАН

Противопоставление гласных по длительности (краткий vs долгий) относится к числу наиболее распространенных фонологических признаков в языках мира. Однако такое же противопоставление дифтонгов наблюдается весьма редко. К числу таких нетипичных языков относится ижорский, в сойкинском диалекте которого отмечались примеры с количественным различием дифтонгов по долготе: *mačkaizin* ‘спать.PST.1SG’ – *mačkaiz* ‘спать.PST.3SG’ [Nirvi 1971: 301], *leiboi* ‘печь.PST.3SG’ – *leipo(o)i* ‘печь.PRS.3SG’ [Porkka 1885: 102]. Лишь в работе Sovijärvi [1944: 20–22] оппозиция кратких и долгих дифтонгов обсуждается эксплицитно.

При этом в сойкинском ижорском значимость этой оппозиции выходит за пределы фонетики и фонологии. Так, например, в ряде имен с основой на *-oi/-öi* таким образом противопоставляются номинатив и иллатив: *kukkoi* ‘петух.NOM’ – *kukkoi* ‘петух.ILL’, *tüttöi* ‘девочка.NOM’ – *tüttöi* ‘девочка.ILL’. В глаголах с основой на *-oi/-öi* противопоставлены формы 3 лица ед. ч. настоящего и прошедшего времени: *murjoi* ‘мять.PST.3SG’ – *murjoi* ‘мять.PRS.3SG’.

Поскольку в ижорском языке активно развивались инновационные процессы, связанные с редукцией гласных и смещением исходных количественных оппозиций в сторону качественных (см, например, [Markus 2011]), можно предположить, что и противопоставление дифтонгов по долготе также могло подвергнуться трансформации. Предлагаемое исследование призвано проверить это предположение и дать предварительную оценку, в какой степени и в каком виде оппозиция кратких и долгих дифтонгов сохранилась в сойкинском ижорском XXI века.

В исследовании был проанализирован материал, записанный в 2011–2018 годах от носителей сойкинского ижорского. Анализ проводился при помощи методов экспериментальной фонетики с последующей статистической обработкой.

Исследование показало, что количественная оппозиция дифтонгов в современном сойкинском ижорском претерпела изменения. Характер изменений определяется, прежде всего, положением дифтонга в слове. Для кратких дифтонгов, находящихся в середине слова, типичной становится редукция второго компонента: в обычной речи второй компонент дифтонга безударного слога просто отбрасывается, и лишь в намеренно четкой речи наблюдается его восстановление: *kärbäïžiä* [kärbäžiä] ~ [kärbäïžiä] ‘муха.PL.PART’. Для долгих дифтонгов такая редукция не является типичной (*igävöittää* [igävöittää], но не [igävöttää] ‘скучать.INF’), хотя в современном языке редукция имеет тенденцию к распространению и на некоторые долгие дифтонги.

В конечных же дифтонгах отбрасывания второго компонента не наблюдается (*tüttöi* ‘девочка.NOM’, но не *tüttö), но происходит стирание контраста между долгим и кратким дифтонгом. Этот процесс протекает по-разному в различных идиолектах и также зависит от конкретной морфологической формы.

Динамика количественных оппозиций в сойкинском ижорском (их стирание или замена на качественные оппозиции) соответствует общей тенденции трансформации количественных оппозиций в малых прибалтийско-финских языках.

От того, какой подход к описанию дифтонгов будет принят для сойкинского ижорского, зависит не только фонетическое описание языка, но и его грамматика, а также практическая орфография.

Литература

- Markus, Elena (2011). The phonetics and phonology of a disyllabic foot in Soikkola Ingrian, *Linguistica Uralica* 47 (2), 103–119.
- Nirvi, Ruben E. (ed.) (1971). *Inkeroismurteiden sanakirja* (Lexica societatis Fenno-Ugricæ XVIII). Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- Porkka, Volmari (1885). *Über den Ingrischen Dialekt: mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte.* (PhD thesis, University of Helsinki.) Helsingfors.
- Sovijärvi, Antti (1944). *Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta* (Suomi-kirjan eripainoksia 5). Helsinki: Finnish Literature Society.

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ: ПЕРСПЕКТИВА БЛАГОДАРЯ ИЛИ ВОПРЕКИ

С. М. Махмудова

Московский государственный психолого-педагогический университет

Проблема сохранения малых языков России относится к весьма важным проблемам в нашей стране, свидетельством чему является внимание, уделяемое государством данному вопросу: в Дагестане издавались и издаются учебники по нескольким языкам – аварскому, даргинскому, кумыкскому, лезгинскому, лакскому, табасаранскому, а с 1991 года были утверждены алфавиты и для агульского, рутульского, цахурского языков, на которых позже было издано несколько учебников для школ с мононациональным составом учащихся. Хотя за прошедшие с тех пор десятилетия было издано всего несколько книг, тот факт, что языки стали новописьменными, имел огромное значение, так как появилась реальная надежда на сохранение народа, история, фольклор, вековая народная мудрость и самый дух которого консервируется в языке. В короткое время на рутульском языке были изданы произведения ашугов, фольклорные произведения, словари пословиц и поговорок, толковый словарь, произведения поэтов и писателей, которые раньше были вынуждены писать или на чужом языке, или же писали на родном без какой-либо надежды на издание. Поиски фольклорных произведений, пословиц, сказок и преданий, произведений ашугов после создания письменности дали удивительный результат – огромное духовное наследие народа, которое за все эти годы не удалось еще до конца описать, сохранялось в памяти народа, отчеканенное веками, выпестованное мыслью народа, очищенное от шелухи и случайных явлений. Перед исследователями появилось богатое духовное богатство, которое не исчерпывается с изданием какой-либо одной книги, а постоянно пополняется источниками из других селений и диалектов. Писатели, поэты, получившие надежду на выражение своей мысли на родном языке, называют не изведенным ими ранее эстетическим наслаждением издание книги на родном языке. Учебники для школ, изданные на рутульском языке, расходятся по домашним библиотекам, бережно хранятся дома, хотя в школах учебников катастрофически не хватает.

В этих условиях, казалось бы, языки приобрели шанс на выживание, однако, наряду со всем изложенным, в последние годы приходится наблюдать неожиданное явление – даже в далеких горных селениях дети начали говорить с родителями на русском языке, в некоторых семьях дети вообще не знают рутульский язык, что связано с тем, что, как объясняют родители, детям надо сдавать ЕГЭ по русскому языку.

Рутульский язык, сумевший выжить во тьме веков и войн, с XIX века оказался разделенным на части между лезгинами, азербайджанцами, армянами и рутулами, государственная граница России и Азербайджана проходит посередине рутульских поселений, что тоже оказывает весьма негативное влияние – язык в результате делится на диалекты, носители которых с трудом понимают друг друга.

Таким образом, несмотря на внимание государства к проблемам сохранения миноритарных языков, в XXI веке языки малочисленных народов оказались под реальной угрозой исчезновения, хотя утверждать, что это результат глобализации и естественного отбора, тоже еще нет оснований.

Тем не менее, XXI век дает языкам возможность сохраниться хотя бы в электронном виде – создание электронных словарей, книг, фольклора и т.д. поможет оставить потомкам грамматику языка, словарный состав, дать представление о его фонетических особенностях. Еще одна уникальная возможность, предоставляемая развитием современной цифровой среды – электронные учебники, создание которых по малым языкам явились бы огромным шагом в деле их сохранения и даже изучения языка и литературы в современной школе.

КОРЕННОЙ ЯЗЫК ИРАНА ЗОРОАСТРИЙСКИЙ ДАРИ В УРБАНИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Е. К. Молчанова

Институт языкоznания РАН

Английский фотожурналист Джимми Нельсон провел десятилетие, путешествуя по миру, встречаясь и фотографируя представителей последних коренных народов Земли. Его работа стала документальным свидетельством образа жизни людей в самых отдаленных и труднодоступных уголках планеты. Нельсон очень обеспокоен гомогенизацией общества: «Если мы сейчас позволим культурной самобытности коренных народов исчезать и дальше, она будет потеряна навсегда». Он подчеркивает, что потеряв это ценнейшее наследие, человечество потеряет разнообразие. «Мы должны объединиться и бороться за поддержку культур коренных народов и гордиться разнообразием их традиций, которые все еще можно найти на планете в наше время».

Сказанное можно с полным основанием отнести к теме предлагаемого доклада, а именно к одному из коренных языков Ирана зороастрийскому дари и культуре его носителей. То есть необходима (и проводится) документация и описание языка (которое выявило его архаичные черты), необходимо и ведется его преподавание, поддержание и ревитализация, создание на нем мультимедийных ресурсов. Вместе с тем должна быть последовательно и на всех уровнях прослежена динамика развития этого оригинального языка, относящегося к северо-западной иранской группе, выявлены факторы, стимулирующие изменения и в языке, и в культуре.

Носители зороастрийского языка живут компактно в пустыне Деште Кевир (города Йезд и Керман) и в виде диаспор – в странах Европы и в США. Они оказались в пустыне в результате длительного преследования их мусульманами (после 7 в.н.э.). Их статус преследуемых отразился в архитектуре и структуре их старинных домов. Дом зороастрийцев был одновременно крепостью, храмом огня и хозяйственным комплексом. В дом было трудно войти, а войдя, разглядеть помещения, следующие за первым из увиденных. В доме не было окон. Были лестницы и переходы. Были помещения для проведения религиозных обрядов; кухня. Была конюшня для ослов и мулов (лошадей держать не разрешалось). В доме же содержались куры. Были места для хранения продовольственных запасов и для фуражка. Был ткацкий станок, на котором работали женщины. Йезд располагался на Великом Шелковом пути. Известный итальянский путешественник Марко Поло (XIII-XIV вв.) в своих путевых заметках одобрительно отзывался о тканях Йезда. Были в старинном зороастрийском доме контейнеры для цветов. В подполье имелась проточная вода. Ее использовали для еды и питья, для мытья посуды и стирки. В этой нижней части дома женщины общались между собой. Там же мелкие недомашние птицы вили гнезда. Плоская крыша служила для хозяйственных нужд, для ночлега, для общения с соседями и подачи сигналов на более далекое расстояние. На крыше в праздники разжигали огни.

В зороастрийском фольклоре засвидетельствованы названия исконных примитивных земледельческих орудий, например, молотильных саней. Подобными орудиями пользовались и в других странах Евразии.

До середины XX в. в горах Ирана сохранялись древние традиционные места трупоположения зороастрийцев – дахмы.

В зороастрийской лексике сохранились рефлексы терминологии эндогамного брака, идущие из авестийского и среднеперсидского языков. Такой брак был засвидетельствован еще в древнеиранскую ахеменидскую эпоху.

В зороастрийской кухне различаются ритуальные и профанные блюда. Сохранился рецепт сакрального блюда «жареный баран» – отголосок древних жертвоприношений. Баран запекался целиком в особой большой печи.

Соблюдение ритуальной чистоты в зороастрийских религиозных обрядах и в быту восходит к древнейшей истории иранцев.

Во второй половине XX и в начале XXI в. отчетливое изменение норм жизни зороастрийцев (отражающееся в языке зороастрийском дари) в большой степени обусловлено глобализацией или урбанизацией. В Йезде, как и во всем Иране, развернуто жилищное строительство. Современные городские квартиры не приспособлены для целого ряда зороастрийских ритуалов и для традиционного быта. Хоронят зороастрийцев теперь на кладбище (арамгах). Свадебная церемония сокращена. В быт входит медицина.

Изменились контуры общения зороастрийцев с мусульманами. Язык зороастрийский дари испытывает очень сильное влияние персидского литературного языка и разговорной речи. Сокращается традиционный зороастрийский лексикон. Оригинальная морфология и синтаксис вытесняются персидскими моделями. Уменьшается количество окрестных деревень и количество зороастрийских говоров. Эмигрировавшие в Европу и США зороастрийцы также оказывают урбанизирующее влияние на своих иранских родственников.

ТУНДРЕННЫЙ ЮКАГИРСКИЙ В СВЕТЕ АРЕАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ РАЙОНЕ*

Д. Д. Мордашова

МГУ им. М. В. Ломоносова / Ияз РАН

М. Ю. Пупынина

ИЛИ РАН

М. А. Сидорова

МГУ им. М. В. Ломоносова / Ияз РАН

Данное исследование посвящено контактным явлениям в тундренном юкагирском языке, последние носители которого проживают в Нижнеколымском районе Якутии (некоторые носители теперь живут в столице республики, Якутске). В этом же регионе распространены чукотский, эвенский, якутский и русский языки. В докладе будут рассмотрены и некоторые социолингвистические аспекты.

Исследование основывается преимущественно на материале, собранном в ходе экспедиций в г. Якутск (лето 2018 г.), где была проведена работа с выходцами из Нижнеколымского района, носителями указанных выше языков, и пос. Черский и с. Колымское Нижнеколымского района (2016–2017).

В 2010 г. тундренных юкагиров насчитывалось примерно 700 чел., тогда как количество говорящих на ТЮ составляло только около 50 чел., см. [Оде и др., 2010]. В то же время количество носителей эвенского и чукотского исчисляется тысячами, а якутского – десятками тысяч. Как отмечается в [Оде и др., 2010], большинство носителей ТЮ также свободно говорит по-русски, по-якутски и хотя бы еще на одном языке района. Таким образом, ТЮ является не только исчезающим (*critically endangered* по данным [Moseley 2010]), но и находится в контактной ситуации, обусловленной многоязычием, в которой потенциально возможно сильное влияние других языков.

В социолингвистических интервью, собранных нами, выходцы из Нижнеколымского района отмечают, что их старшие родственники свободно владели всеми или практически всеми языками, распространенными в регионе, в том числе юкагирским, регулярно используя их в ситуациях межэтнической коммуникации. В [Иохельсон 1926/2005: 91] также отмечается, что в конце XIX века в колымско-алазейской тундре такое многоязычие было характерно для юкагиров и эвенов, что позволяет предположить длительные языковые контакты.

Контактное влияние языков региона на ТЮ засвидетельствовано на всех уровнях, причем фиксируются как заимствование языкового материала, так и заимствование моделей и структур (*matter borrowing vs. pattern borrowing* по [Sakel 2007; Matras & Sakel 2007]).

Заимствования из русского языка происходили посредством якутского, что повлияло на их фонетику, ср. *суоль* < *соль*, *саакар* < *сахар*, *хлеб*: *кильиэп* < *якут. кил(и)эп* < *рус. хлеб*¹.

Значительное количество терминов родства являются заимствованиями из эвенского языка, ср. *энъиэ* 'мать' < *энин* 'мать', *амаа* 'отец' < *ама(н)* 'отец', *акаа* 'старший брат' < *ака* 'брат(ец)', *экыа* 'старшая сестра' < *экэ* 'старшая сестра' [Курилова 2014]. Это противоречит типологическим ожиданиям: согласно [Haspelmath, Tadmor 2009], термины родства в языках мира очень стабильны и заимствуются крайне редко. Особая ситуация в юкагирском может объясняться тем, что в колымско-алазейской тундре уже в конце XIX века кочевали несколько смешанных эвено-юкагирских родов, говорящих на юкагирском языке (вероятно, с элементами эвенского), так называемые юкагиризованные тунгусы, см, например, [Иохельсон 1926/2005: 89–90]. В результате анкетирования носителей в эвенском и ТЮ были выявлены схожие эвфемизмы: обозначение волка досл. 'бродячее существо' (ТЮ), 'бродячий' (эв.), медведя – досл. 'великий дедушка' (ТЮ), 'дедушка' (эв. и также чук.).

В ТЮ насчитывается большое количество чукотских заимствований, однако не все они имеют прозрачную этимологию, поскольку являются давними. Нами были обнаружены за-

* Исследование поддержано грантом РНФ № 17-18-01649.

¹ Данные, собранные нами по специально разработанным словарникам в экспедиции 2018 г.

имствования в сфере материальной культуры, среди которых есть *катка* < *гатка* ‘тоторик’. Кроме того, был обнаружен параллелизм в образовании обозначения водки: дословно и ТЮ, и чук. ‘плохая вода’.

Согласно суждениям носителей, якутизмы в наибольшей степени осознаются как заимствования. Среди обнаруженных нами были такие единицы, как олус ‘слишком’, *нааа* ‘очень, чересчур’. Заимствованная из якутского языка словообразовательная морфология служит для адаптации русских (но не эвенских) глаголов, ср. пример из [Курилова 2015]: *обойдаа* ‘оклеить обоями’ < рус. *обои* + якут. вербализатор *-даа-*.

Таким образом, по предварительным данным, наблюдается некоторое распределение заимствований из различных языков по различным семантическим полям, по-видимому, обусловленное, спецификой контактных ситуаций. Кроме того, интересен факт адаптации русских глаголов с помощью якутского вербализатора (а иногда заимствование в целом виде), как и заимствование русских лексем через якутский. Это может свидетельствовать о доминировании (по крайней мере, недавнем) именно якутского, а не русского языка в исследуемом регионе.

Литература

[ВПН-2010] — Всероссийская перепись населения (2010). «Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года».

Онлайн-ресурс: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата доступа: 11.12.2018).

[Иохельсон 1926/2005] — Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.

[Курилова 2014] — Курилова С. Н. Тематические группы тунгусских лексических заимствований в североюкагирском языке // Журнал "Филологические науки. Вопросы теории и практики". – №12(42). Ч.II. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 101–105.

[Курилова 2015] — Курилова С. Н. Особенности морфологического освоения иноязычных слов в языке тундровых юкагиров // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. – №10 (41). Ч.5. – Екатеринбург: Полиграфист. – 2015. – С. 85–87.

[Оде и др. 2010] — Оде С., Шмальц М., Хенгевелд К. Голоса тундры и тайги: язык тундренных юкагиров // Брошюра. Палео-сибирский язык арктической России, находящийся под серьезной угрозой исчезновения: Коллекция лингвистических и фольклорных материалов на CD/DVD о языке и культуре сибирского народа для документации, образования и сохранения для будущих поколений. 2010. Онлайн-публикация: <http://www.fon.hum.uva.nl/cecilia.ode/>.

[Haspelmath & Tadmor: 2009] — Martin Haspelmath & Uri Tadmor (eds.) 2009. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 1081 pp.

[Matras & Sakel 2007] — Matras, Yaron & Jeanette Sakel. 2007. Introduction. In Yaron Matras & Jeanette Sakel (eds.), Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective, 1–13. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.

[Moseley 2010] — Moseley, Christopher (ed.). 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. Online version, webpage: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (accessed on 11.12.2018).

[Sakel 2007] — Sakel, Jeanette. 2007. Types of loan: Matter and pattern. In Yaron Matras & Jeanette Sakel (eds.), Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective, 15–29. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.

**ПРЕПОДАВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ВО ФРАНЦИИ
КАК ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ РЕВИТАЛИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОКСИТАНСКОГО И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ)**

С. А. Москвичева

Российский университет дружбы народов

Преподавание миноритарного языка является одним из ключевых факторов в деле его поддержки и сохранения. Однако, как показывает практика и многочисленные исследования, само по себе наличие предмета «родной язык» в сетке часов общеобразовательных учреждений отнюдь не гарантирует эффективного противостояния процессам субSTITУции малых языков. Как представляется, было бы полезным сравнить зарубежный, в данном случае французский, опыт организации, управления, выбора методов и оценки качества образовательных программ «Региональный язык» с российским опытом преподавания миноритарных языков.

В выступлении предполагается дать комплексный анализ существующих моделей преподавания (в том числе билингвального) окситанского и баскского языков в образовательных учреждениях различного типа (публичных, частных и ассоциативных).

Выбор данных языков обусловлен их одинаковым статусом «региональный язык», а также географической близостью. Однако, при общих идеологических установках, законодательной базе и административных принципах организации преподавания, результаты обучения (по данным статистики и результатам проведенных исследований) оказываются различными. Положение окситанского языка остается уязвимым. Баскский язык при сохранение современных тенденций, безусловно, находится на пути ревитализации и нормализации (термин Кatalанской социолингвистической школы).

Анализ сложившейся ситуации предлагается провести исходя из учета следующий факторов и их влияния на успешность/неуспешность реализации образовательных программ по региональным языкам в плане перспектив сохранения миноритарных языков:

Роль различных субъектов образовательной политики в двух регионах (Министерства народного образования, высшей школы и научных исследований, Совета регионов, академий и ассоциаций и др.);

Анализ языковой ситуации с точки зрения социолингвистических параметров, в том числе по дифференцированным показателям количества носителей языка (по уровню владения компетенциями, по способу усвоения языка, по социальным параметрам и др.), по показателям использования языка, по типу среды использования языка и др.;

Отдельно рассмотреть такие психологические параметры языковой ситуации как языковая лояльность, отношение к языку, социальный образ языка, потребность в языке и мотивация изучать данный язык.

Эмпирическим материалом для оценки социолингвистических параметров языковой ситуации послужили данные, полученные в ходе массовых социолингвистических исследований, проведенных за последние несколько лет рядом различных организаций Региона Новая Аквитания, Страны Басков и Лангедок – Руссильон, а также, наши собственные исследования.

Библиография

Bernissan F. (2012) Combien de locuteurs compte l'occitan en 2012 ? / Revue de Linguistique romane. T. 76, Strasbourg: SLR, 2012. C. 467–511.

Convention (2015). Convention cadre pour le développement et la structuration de l'enseignement contribuant à la transmission de l'occitan dans les académie de Bordeaux, Limoges, Montpellier, Poitier et Toulouse / <https://www.aplv-languesmodernes.org/spip.php?article6539>

Dompmartin-Normand Ch. (2002). Collégiens issus de Calandretta : quelles représentations de l'occitan? // *Langues et Société* N 101, 2002/3, p. 35–54

Duguine I. (2017). La motivation d'apprendre le basque chez les adultes francophones. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2017.

Viaut A. (2012). La notion de besoin linguistique et les langues minoritaires. // D. Darbon, R. Otayk et P. Sadran (dir.) *Altérité et identité, itinéraires croisés. Mélange offerts à Christian Coulon*. Bruxelle: Bruylant, 2012.

СОСТАВ И СТРУКТУРА КАДАРСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ*

Р. О. Муталов

Институт языкоznания РАН

Кадарский язык относится к даргинской ветви нахско-дагестанских языков, распространен в селениях Кадар, Карамахи, Чанкурби, Качилик, Чабанмахи, Ванашимахи Буйнакского района Республики Дагестан. Общее число говорящих более 9 тысяч. Является бесписьменным языком, который пока не изучен, не имеет изданных грамматик или словарей. Между тем, данный идиом сильно отличается от других даргинских идиомов, поскольку долгое время развивался обособленно от них, в окружении кумыков, носителей одного из тюркских языков. Старшее поколение кадарцев свободно владеет кумыкским языком, делопроизводство также велось на этом языке, что не могло не отразиться на кадарской речи.

В наш век глобализации жизнь людей быстро меняется, и в кадарском языке, как и в других малых языках, происходят кардинальные изменения, приводящие к исчезновению целых лексических пластов, связанных с традиционным ведением хозяйства. С целью сохранения и изучения лексического богатства данного языка разрабатывается кадарско-русский словарь.

В ходе проведения лексикографических работ прежде всего будет подготовлена карточка базовой лексики данного языка, куда будут включены слова, отражающие основные понятия, связанные с жизненным укладом кадарцев. В качестве основы такого словаря будут использованы сравнительно-сопоставительные словари дагестанских языков, подготовленные А.Е.Кибриком и С.В.Кодзасовым, а также двуязычные словари по разным даргинским языкам.

Основное внимание в ходе подготовки левой части словаря будет уделено сбору и систематизации отраслевой лексики, терминологии животноводства и земледелия, большая часть которой в современном языке уже не используются. Будут собраны также традиционные названия еды, одежды и обрядов кадарцев. К словарю предполагается также приложить именослов и микротопонимию кадарских селений. Значительное внимание в ходе работы над словарем предполагается уделить точной фиксации языкового материала, для чего будет подготовлена транскрипционная база. Именные части речи кадарского языка будут даны в форме именительного падежа единственного числа, глаголы – в форме инфинитива.

В правой части словаря будут даны переводы значений кадарских слов на русский язык, омонимичные слова будут даны отдельно. Каждое слово будет снабжено грамматической информацией: будет указана частеречная принадлежность слова, даны показатели грамматических категорий, которые могут функционировать в данном слове – аффиксы числа, падежа и грамматического класса для именных частей речи и наречия, маркеры класса, времени, наклонения, переходности – для глагольных лексем. Будут также указаны аффиксы вербоидов и каузативов. Иллюстративный материал к значениям слов будет взят из корпуса кадарских текстов; будут использованы также фразеологизмы и паремиологические единицы.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-00718 «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари».

НОВОПИСЬМЕННЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

С. В. Нагурная

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В современном цифровом мире, неотъемлемой частью которого стало электронное информационное пространство, представленность языка в данной среде является, с одной стороны, индикатором его реального функционирования и востребованности и, с другой стороны, условием для его дальнейшего развития. Специалисты считают, что выход языка на цифровой уровень функционирования дает ряд ценных возможностей: во-первых, открываются новые сферы применения языка, во-вторых, использование языка в интернете способствует привлечению новых социальных групп, в-третьих, выходя за рамки традиционной бумажной формы, язык привлекает внимание общественности к себе в целом, и своим возможностям и проблемам в частности. Известный венгерский лингвист А. Корнаи в статье «Цифровая смерть языка» (2013) говорит о том, что 96% языков относятся к группе мертвых языков в цифровом пространстве и только 2% от всех существующих языков можно отнести к категории процветающих или жизнеспособных в цифровой сфере.

В последние годы карельский язык все активнее осваивает интернет-пространство. В 2017 году на странице интернет-радио Пенсионного фонда Карелии появился новый раздел «Слушаем на карельском». Удобной с точки зрения результативности и широты охвата аудитории площадкой для размещения материалов стала социальная сеть «ВКонтакте», которая в последние годы пестрит разнообразием групп на карельском языке (или использующих карельский), удовлетворяющих самые разные интересы подписчиков. С сентября 2016 года активисты карельского движения приступили к переводу интерфейса социальной сети на карельский язык, в феврале 2018 года карелоязычная версия интерфейса была готова. В 2007 году активисты начали переводить Википедию на карельский язык. Полноценной языковой версией на сегодняшний день стала ливвицкая, насчитывающая около 3000 статей.

Наиболее информативными показателями, отражающими ситуацию с использованием языка в сети Интернет, представляются такие, как: количество посещений сайтов, где представлен карельский язык; количество групп в социальных сетях, использующих карельский язык; характер и число постов на карельском языке в группах; состав дистанционных слушателей курсов карельского языка и т.д. С лингвистической точки зрения актуальным является анализ интернет-терминологии, использованной, в частности, создателями карелоязычной версии интерфейса социальной сети «В контакте» и карелоязычной версии Википедии.

ТВЕРСКОЙ КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

И. П. Новак

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Говоры субэтноса карельского народа, проживающего на протяжении четырех столетий на территории современной Тверской области, принято относить к периферийным диалектам южнокарельской подгруппы собственно карельского наречия карельского языка. Основываясь на территориальных и языковых критериях, языковеды выделяют три тверских карельских диалекта: толмачевский (Лихославльский, Спировский, Максатихинский, Рамешковский, Бежецкий районы Тверской области), весьегонский (Весьегонский район и сопредельные территории Сандовского, Молоковского и Краснохолмского районов Тверской области) и держанский (группа деревень Зубцовского района Тверской области). Держанский диалект является к настоящему моменту угасшим, остальные два диалекта, как и весь карельский язык, находятся под угрозой исчезновения [Атлас].

Первым письменным памятником тверского (толмачевского) карельского диалекта является перевод «Евангелия от Матфея» Г. Е. Введенского и М. А. Золотинского 1820 г. Стремительный рост населения в начале XX века вызвал потребность в карельской письменности. Так в 1931 г. в Тверской Карелии был создан собственный литературный карельский язык на основе толмачевского диалекта. На карельском языке велось обучение в школах. С 1939 г. начался период забвения тверских карелов, была уничтожена практически вся изданная литература, язык продолжал существовать лишь в устной форме в сельской местности.

В октябре 1990 г. в Твери состоялась учредительная конференция карельского народа, по итогам которой было принято решение о возрождении карельской письменности на основе толмачевского диалекта. Началось издание учебных пособий и художественной литературы. Новописьменный язык тверских карелов, таким образом, находится в процессе становления уже на протяжении почти 30 лет. Стремительное сокращение численности коренного карельского населения региона (со 150 тыс. чел. в начале XX в. до современных 7 тыс. (средний возраст – 59,5 лет), из которых лишь треть владеет карельским языком [Итоги]) требует принятия всех возможных мер для его дальнейшего развития. Большой проблемой здесь является отсутствие нормативной грамматики, а также комплексных исследований грамматической системы тверских карельских диалектов, столь необходимых в процессе выработки орфографических правил и норм литературного тверского карельского языка.

Литература

Атлас = Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО. 2016. URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/>.

Итоги = Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm.

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

А. А. Озонова

Институт филологии СО РАН

Доклад посвящен аналитическим скрепам и формируемым ими новым семантическим типам аналитических конструкций в алтайском языке.

За последние десятилетия наблюдается расширение социально-коммуникативных сфер функционирования алтайского языка: появляется официально-деловая и научная литература, развивается публицистика и т.д. В нем неизбежно происходят языковые изменения, которые, в частности, затрагивают сферу синтаксических связей.

В алтайском языке, как и в других сибирских тюркских языках, преобладает синтетический способ связи частей сложного предложения. Однако в современном алтайском языке наблюдается активное использование конструкций с аналитическими показателями связи. Необходимость передачи на алтайском языке определенных синтаксических смыслов и отношений между событиями, свойственных официально-деловой, научной сферам общения, приводит к формированию новых синтаксических средств связи и конструкций. Появление новой конструкции нередко обуславливается влиянием русского языка. Интенсивное стилевое развитие алтайского языка обуславливает нормирование употребления существующих конструкций. Некогда синонимичные конструкции начинают различаться в употреблении, приобретают новые специфические оттенки смысла и между ними постепенно устанавливаются семантические оппозиции. Наглядным примером таких изменений служит подсистема конструкций причинной семантики. В ней хорошо видны процессы нормирования употребления тех или иных конструкций, а тем самым специализации их на выражении определенной причинной семантики. Для выражения новых отношений алтайский язык не калькирует русские средства связи, а использует собственные средства: богатую систему послелогов, местоимений и частиц. В языке активно формируются новые двуместные и составные скрепы на основе сочетаний указательных местоимений с послелогами, служебными именами и частицами.

Литература

- Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
Грамматика алтайского языка. Сост. членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869.
Данилова Н. И. Смысловая структура аналитической связи в якутском языке. Новосибирск, 2001.
Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940.
Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.
Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
Убяровова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1–2. Новосибирск, 1976.
Филистович Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка. Новосибирск, 1991.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ №14.Y26.31.0014 по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

КОМИ ЯЗЫК В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

З. В. Остапова

Коми республиканский институт развития образования

Для дошкольных образовательных учреждений Республики Коми характерны разные виды в зависимости от социокультурной среды, степени использования коми языка в педагогическом процессе и конкретных целей образования: 1 вид – детские сады с углубленным изучением коми языка и погружением в родную культуру в условиях моноэтничности; 2 вид – детские сады с этнокультурным (национальным) компонентом содержания воспитания и образования в условиях городов, поселков, райцентров республики, где отсутствует коми языковая среда.

Особенности каждого вида детского сада предусматривают наличие специальных программно-методических пособий, определяющих содержание и технологию педагогического процесса в них, а также учитывают преемственность с обучением коми языку в школе.

Разработку необходимого программно-методического сопровождения на коми языке для дошкольных образовательных учреждений осуществляет научно-методическая лаборатория национальных проблем дошкольного образования (год создания лаборатории- 1995). Основными жанрами издательской продукции являются учебно-методические пособия (сценарии занятий и развлечений, сборники игр), сборники песен, хрестоматии, рабочие тетради для детей и т.д.

В Республике Коми есть малокомплектные детские сады, где дети воспитываются в разновозрастных группах. Для обеспечения более качественного дошкольного образования детей старшего дошкольного возраста созданы аудиопособия для реализации разных образовательных областей.

Особое место в перечне пособий в электронном виде занимают видео-пособия, которые позволяют в доступной форме, ярко, образно, преподнести дошкольникам материал, что соответствует наглядно-образному мышлению детей дошкольного возраста:

Сегодня в лаборатории создаются мультимедийные электронные издания с материалами из опыта работы педагогов детских садов республики. Это позволяет представить необходимый для практики работы набор наглядного материала для детей, интерактивные игры, кроссворды, видеоматериал.

С 1998 года по инициативе лаборатории на ГТРК «Коми гор» транслируется познавательно-развлекательная радиопередача «Дзолюк» (Малышок), с 1999 по 2007 год осуществлялся выпуск образовательной телепрограммы «Кекёнач» (Ладушки), в настоящее время на КРТК «Юрган» реализуется новый телепроект «Чолём, дзолюк» (Привет, малыш). Сотрудники Лаборатории являются авторами передач.

С 1999 года стало уже традиционным проведение праздника «Чолём, дзолюкъяс». Праздник позволяет сплотить между собой не только детские сады и школы, но и широкую общественность того района, где он проводится. Подготовка к празднику, переписка детей с «персонажами» передач, беседа взрослых с детьми по поводу содержания праздника и приезда гостей способствуют единению детей и педагогов, стимулируют потребность к общению на коми языке.

В 2014 году лаборатория создала свою группу в контакте «Дзолюк-Малышок» (<https://vk.com/club69286686>). На странице официальной группы размещены такие рубрики как: полоса новостей, полезные ссылки, анонс новинок литературы этнокультурного содержания, детской телепередачи «Чолём, дзолюк!».

В 2018 году был реализован Республиканский проект «Школа игропедагогики «Дзолюк-Малышок» на средства Фонда Президентских грантов. Цель проекта – популяризация дву-

язычного развития детей с раннего возраста, активизация детско-родительских отношений через участие в игровых мероприятиях и театральных постановках.

Для педагогов двуязычных детских садов регулярно проводятся семинары и вебинары. В 2017 году создано республиканское методическое объединение педагогов.

Исчезновение родного языка, отрицание ценности родного языка молодым поколением имеет духовно-нравственные причины.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ШОРСКОГО ЯЗЫКА. АНАЛИТИКА С БОЛЬЮ

Н. М. Печенина

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

В 1989 году в Новокузнецком государственном педагогическом институте (НГПИ) профессором А.И. Чудояковым была образована Кафедра шорского языка и литературы, которая осуществляла подготовку педагогических кадров по специальности «Учитель русского языка и литературы, учитель родного (шорского) языка и литературы». На кафедре работало 7 человек.

С 1989 по 2014 год кафедрой было подготовлено 128 педагогов, которые работают в учреждениях дополнительного и среднего и образования, административных структурах муниципальных образований Кемеровской области. Среди выпускников 2 кандидата наук, 1 аспирант, 1 член Союза писателей России. Шорский язык с 1990-х гг. по 2001 год изучался в 26 учебных заведениях Кемеровской области. Издано более 15 учебных пособий, букварь, словарь, учебники по шорскому языку с 1 по 4 класс.

В результате проводимых реорганизаций, из 26 действующих учреждений, в которых работали шорские учителя и преподавался шорский язык, осталось всего пять. В 2010 году кафедра шорского языка и литературы закрыта, создан Центр языков и культур народов Сибири. Количество набора абитуриентов снизилось с 25 до 10 бюджетных мест. Число педагогов сократилось с 7 до 3-х человек.

В результате присоединения КузГПА (НГПИ) к Новокузнецкому филиалу института Кемеровского государственного университета в 2013 году сокращены ставки Центра языков и культур народов Сибири, кроме 0,1 ставки руководителя Центра. Количество бюджетных мест сокращено до 5. Центр стал работать на условиях самофинансирования. В 2015 году набор на профиль «родной язык и литература» прекращен, несмотря на заверения чиновников разного уровня. В 2018 году фактически не стало и Центра.

Краткий анализ реализации языковой политики в Кемеровской области на примере шорского языка свидетельствует об отсутствии должного внимания к данному вопросу со стороны уполномоченных органов исполнительной власти Кемеровской области в сфере образования и национальной политики, что привело к фактическому развалу системы подготовки национальных педагогических кадров в Кемеровской области, что противоречит целям и задачам Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Литература

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 21 октября 2009 г. № 442
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.12.2011 № 2895
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 августа 2013 № 999 «О реорганизации ФГБУ «Кемеровский государственный университет» и ФГБУ «Кузбасская государственная педагогическая академия» КузГПА
4. Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности Центра языков и культур народов Сибири и общественными организациями
5. Письма шорских общественных организаций в адрес Министра образования и науки Российской Федерации Ливанова Д.В. №43 от 18.10.2014г, от 25.01.2014г.
6. Ответы Минобрнауки РФ от 04.2014г №10-ПГ-МОН-4513
7. Письмо Директору НФИ КемГУ Гершгорину В.С. № 33 от 03.07.2015г
8. Закон Кемеровской области от 08.07.2015 № 73-ОЗ "О мерах по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Кемеровской области"

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АЛЯСКИ В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ*

М. К. Раскладкина

Институт языкоznания РАН

В докладе исследуются специфика сбора данных о языках коренных народов территории Аляски с момента ее присоединения к США, недостатки официальной статистики и альтернативные методы сбора информации. 20 основных аборигенных языков Аляски в настоящее время относятся к категории исчезающих.

Официально первая перепись населения Аляски после ее присоединения к США состоялась в 1890-м году. Ее руководителем был специальный агент Иван Петров, который несколькими годами ранее проплыл самостоятельно всю Аляску, переписал 33426 человека, разработал свою классификацию местных народов. Его доклад Конгрессу США содержал в том числе некоторую информацию о языках, на которых говорили жители посещенных Петровым территорий.

Государственная перепись в США проводится каждые 10 лет. Среди вопросов, связанных с языком, в 1890, 1900, 1910 гг. были: умение читать и писать, умение говорить по-английски. В 1910 году появляется вопрос о посещении школы. Конечно, американской школы, оказавшей губительное влияние на языки коренных жителей, разрушившей их буквально в течение жизни одного поколения.

В 1920 году добавился вопрос о родном языке и родном языке родителей. Однако Конгресс интересовали не данные о языках народов, населяющих США, а данные «приезжих» – из Финляндии, Германии, России и десятков других стран, приведенных в примерах. В инструкциях содержалось указание: этот вопрос не применяется к лицам, родившимся в Штатах и их отдаленных территориях, в том числе на Аляске. То есть до 1940 года данные о языках коренных народов американское правительство не интересовали совсем.

В 1940 году в вопросах переписи впервые появляется раздел *Linguistic stock*, примененный для всего населения, и коды языков, включающие языки коренных жителей, например, для Аляски: Al, Esk, Ath (covers Dene, Tinne and Tinneh), Hai, Ti, US stocks, Canadian Stocks.

До 2000 года включительно данные о языках собирались в рамках государственной переписи: в каждое 6-е домохозяйство посыпалась длинная анкета. Там были такие вопросы: этническое происхождение (*What is your ancestry or ethnic origin?* – фактически страна происхождения); язык общения дома (*Do you speak a language other than English at home?* – *What is this language?*), степень владения английским (*How well do you speak English?*).

Начиная с 2005 года, эти данные на ежемесячной основе собирает Бюро переписи (American Census Bureau) при помощи исследования, известного как American Community Survey (ACS). Всего за год его вопросы посыпаются в 3,5 млн домохозяйств.

Главный недостаток официальной переписи применительно к оценке социолингвистической ситуации – отсутствие выделения статистики по конкретным языкам из языковых групп, например, по атабасской группе, включающей 11 языков, приведены лишь сводные данные.

Существуют различные иные источники данных о сохранности языков коренных народов, в частности, Alaska Native Language Center при Университете Аляски в Фэрбэнксе, занимающийся документированием и ревитализацией языков, ведет свою статистику носителей языка среди коренного населения. Также информативны проекты сохранения исторического наследия, в последнее время в больших объемах реализующиеся на уровне штата, вовлекающие старейшин и активистов. Перспективны историко-генеалогические методы, позволяющие исследователям оценить семейную историю аборигенов и выявить потенциальных носителей.

* Research underlying this paper was supported by a Russian Science Foundation grant #17-18-01649.

**ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ВИТАЛЬНОСТИ
РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АРДЕННСКОГО РЕГИОЛЕКТА)**

Т. И. Ретинская

Орловский государственный университет

Доклад посвящен изучению жизнеспособности региолекта как гетерогенной лингвистической макросистемы, включающей не только лексемы, обозначающие региональные реалии, не отраженные в общенациональном фонде, но и специфические лексемы, сосуществующие с единицами общестандартного языка. В качестве фактического материала выступает лексика арденнского идиома (регион Гранд-Эст / Франция).

Процесс изучения жизненной силы регионального языкового субстрата сопровождался шкалированием степени витальности локально ограниченных в употреблении лексем с выделением нескольких маркеров: 1) наличие региолекторецептивных реалий; 2) обращение исключительно к лексическому фонду региолекта (отсутствие денотата в общестандартном лексическом репертуаре); 3) фиксация регионализмов на территории двух и более населенных пунктов; 4) использование лексической единицы из поколения в поколение. Полевые записи, сделанные в ходе девяти командировок (2016–2018 гг.), отражены в региолектографической картотеке. Каждая региолектографическая карточка снабжена в том числе и информацией о высокой, средней или низкой витальности региональной лексемы.

Значительную помощь в подготовке и проведении полевого эксперимента оказали Медиатека имени Ива Коппенса (*Médiathèque Yves Coppens de Signy l'Abbaye*) и «Клуб л'Аббеи» (*Le Club de l'Abbaye*) коммуны Синьи л'Аббеи. Непосредственное участие в рекреативных занятиях и традиционных фольклорных и семейных праздниках позволило эффективно использовать методы «включенное наблюдение» и «интервьюирование». Отметим такие приемы полевой работы, как анкетирование и «свой от своего» (термин А.С. Герда), позволяющие уточнить степень живучести регионального слова. Индикаторы «знаю/понимаю» и «знаю/ употребляю» являются основными показателями способности региолекта к сохранению функциональных качеств.

Данные обозначенной картотеки войдут в лексикографический труд, систематизирующий регионализмы, входящие в активный словарный запас носителя региолекта. Отдельный интерес представляет использование собранного материала для характеристики эволюции статуса арденнского субстрата как «нематериального культурного наследия» (*«patrimoine culturel immatériel»*).

К ПРОБЛЕМЕ НОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКА ЛЮДИКОВ

А. П. Родионова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Процессы возрождения карельского языка, начавшиеся с середины 1990-х гг., практически не затронули людиковского наречия: письменность активно развивалась на собственно карельском и ливвиковском наречиях; на людиковском наречии издавалась только духовная и художественная литература. Язык людиков оказался на периферии ревитализационных процессов и сегодня слабо представлен в образовательном пространстве: не ведется его планомерное и систематическое преподавание. Далеко не позитивной предпосылкой для сохранения языка является и численность этноса. Согласно оценочным данным, людиков осталось не более 4–5 тысяч человек, но только 300–500 из них являются носителями родного языка. Большая часть владеющих языком – представители старшего поколения. В настоящее время людиковское наречие карельского языка (*Lude*) относят к языкам, которые испытывают серьезную угрозу исчезновения (*severely endangered*).

В спасении и сохранении языка людиков, с одной стороны, заинтересованы сообщества и отдельные активисты, общественные организации, а органы власти готовы оказать институциональную поддержку. С другой стороны, возникают объективные и субъективные преграды. Существует определенный образовательный стандарт, только в строгом соответствии с которым изучение языка как предмета может быть начато в системе школьного образования. Серьезными препятствиями являются отсутствие специалистов, географическая дисперсность людиков, языковая неоднородность.

В то же время более чем двадцатипятилетняя история возрождения карельской письменности на ливвиковском и собственно карельском наречиях подтверждает, что поистине титанический труд по сохранению и развитию языка не напрасен. За время ревитализации, несмотря на различные проблемы, многое достигнуто с точки зрения обучения карельскому языку, расширения его функционального поля. Выросло поколение молодой карельской интеллигенции, не просто интересующееся родным языком и культурой, но и активно продвигающее вперед идеи по его спасению, сохранению и развитию.

Рассмотрим один из наиболее злободневных вопросов – проблему нормирования языка людиков. Диалекты людиковского наречия имеют значительные различия в плане лексики и грамматики. Для создания учебной литературы необходим унифицированный вариант, приемлемый для носителей разных говоров. В докладе приведем примеры унификации грамматических норм при создании людиковского разговорника и написании текстов на людиковском наречии.

АККУЗАТИВНЫЙ ОБЪЕКТ В НЕСОБЫТИЙНЫХ НОМИНАЛИЗАЦИЯХ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН

Во многих работах, например, [Abney 1987; Убрытова, Литвин 1987; Koptjevskaia-Tamm 1993 и др.] структура именной группы при событийной номинализации считается (в разной степени) аналогичной структуре предложения, состоя из номинализованного глагола и его актантов, оформляемых по глагольной модели. В языках Сибири (алтайских, уральских) такими номинализациями в первую очередь являются причастные и деепричастные формы [Сердобольская 2005; Гращенков, Лютикова 2008; Baker 2011 и др.]. В эвенкийском кроме причастий и деепричастий (конвербов), ср. (1), возможны событийные номинализации, при которых аргументы синтаксически не выражены, ср. (2) с показателем номинализации *-л*.

Агентивные, результативные и инструментальные номинализации показаны в (3)–(5). Интересной особенностью номинализаций, не являющихся причастиями или деепричастиями, является возможность при них аккузативного объекта в (6)–(8). В (6) номинализация обозначает деятеля, в (7) – абстрактное действие, в (8) – инструмент. О таких случаях упоминает только В.Д. Колесникова [Колесникова 1966: 167], в то время как в грамматиках [Константинова 1964; Nedjalkov 1997: 299 и др.] подобные случаи не упоминаются (включая более ранние грамматики, такие как [Василевич 1940]). Также не удалось найти схожие конструкции в работах по родственным тунгусским языкам: по эвенскому, нанайскому и удэгейскому [Мальчуков 2008; Аврорин 1981; Nikolaeva, Tolskaya 2001].

Непонятно, насколько подобные (6)–(8) номинализации распространены в языках Сибири. Согласно работе [Baker, Vinokurova 2009], агентивные номинализации в якутском языке могут присоединять аккузативное дополнение, как и в (6)–(8). Кроме аккузативного (прямого) дополнения, якутские номинализации могут включать еще косвенные дополнения, которыми управляет непосредственно глагол, но не могут содержать такие компоненты предложения, как наречия образа действия, аспектуальные слова или морфемы, отрицание, пассивную морфологию. М. Бейкер и Н. Винокурова делают вывод, что в таких случаях агентивная номинализация является фразовой, как и сентенциальная, но номинизуется только глагольная группа (которая может включать дополнение глагола), а не более крупная составляющая. В остальном агентивное отглагольное существительное сходно с именной группой: у него может быть аффикс множественного числа, аффикс падежа, а также посессор. Словообразовательные аффиксы, имеющие признаки фразовых, найдены по крайней мере в корейском [Yoon 2010] и тохарском [Курицына 2018: глава 2] языках.

И в эвенкийском, и в якутском языках отсутствует генитив, что делает интуитивно привлекательной гипотезу о фразовой номинализации, а также параллель М. Бейкера и Н. Винокуровой между рассматриваемой конструкцией и английской конструкцией с герундием типа *the [find-er of the wallet]*, или с русскими номинализациями с генитивным объектом (ср. переводы (6)–(8)). В эвенкийской конструкции вершина V присваивает дополнению аккузатив, и VP номинизуется, в русском же номинизуется V (например, по схеме V → [[V N]], и N присваивает дополнению генитив. В эвенкийском аккузативный объект возможен не только в агентивной номинализации (ср. (7)–(8)). Как кажется, предлагаемый для якутского языка анализ корректен и для эвенкийского (хотя в эвенкийском, в отличие от многих алтайских языков, нет грамматических фразовых аффиксов).

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод об отсутствии четкой границы между словоизменением и словообразованием в эвенкийском (ср. пример (8), который переводится на русским сложным словом: согласно [Nedjalkov 1997: 308], в эвенкийском языке нет словосложения). Такой вывод согласуется с наличием в эвенкийском (Рудницкая 2017) и

также эвенском (Мальчуков 2008: 173–174) «словообразовательных частиц» с кванторным или ограничительным (грамматическим) значением.

- (1) ...*tolgokī-duk=tə-pi jū-Ø-m*
санки-ABL=FOC-RFL выйти-NFUT-1SG
[*amī nōyu-ju uji-t-čən-ma-n paka*]
отец передовой.олень-RFL привязать-DISTR-CVB.LIM-ACC-3SG пока
'Я вышла из своих санок, пока отец привязывал передового оленя'
- (2) *tarə aŋ-dū-ji ŋənə-n-dū-ji irgi-n*
TOT.ACC ЭТО-DAT-RFL ИДТИ-NMLZ-DAT-RFL ХВОСТ-PS.3SG
śum-ča əjānə-n-dū-ji
вытянуться-PTCP.ANT плыть.по.текению-NMLZ-DAT-RFL
'Вот пока он это самое делал, пока он шел, пока плыл, хвост его истончился'
- (3) *bulta-mnī=dā bi-s'ō-f*
охотиться-NMLZ.AG=FOC быть-PST-1SG
'Охотником тоже был'
- (4) *həktə-wu-r-dū irəks'ə-l-dū baldi-s'ā-w*
стелить-NMLZ.RES-PL-DAT шкура-PL-DAT родиться-PST-1SG
'На постели, на шкурах я родился'
- (5) *ŋəli-fši-pču=keme əru-pču əwī-wun=dō*
испугать-INTS-ATR=FOC несчастье-ATR играть-NMLZ.INST=FOC
bi-mi atə-kəl atə-kəl
быть-CVB.COND не.стать-IMPER.2SG не.стать-IMPER.2SG
'Очень страшно, плохая игрушка, не надо, не надо'
- (6) *hō-dih tarə [oror-wo*
сильный(о.проявлении.качества)-SUPERL ТОТ.ACC олень-PL-ACC
tahi-kta-mni-tin] ərə jəkəŋdə-won
гнать-DSPRS-NMLZ.AG-PS.3PL этот Эконда-RESID
'Он лучший [пастух оленей] в Эконде (букв. «...этот экондинец»)'
- (7) *oləníwodi-l huŋtu ism'ińi= ism'ińi-rə-Ø*
оленевод-PL другой изменить.SLIP изменить-NFUT-3PL
[*oron-mi irgi-hīt-pə*] [при присоединении *-mi* '-RFL' морфема -ACC стирается]
олень-RFL воспитать-NMLZ-ACC
'Оленеводы другие изменили [воспитание оленей]'
- (8) [*doyinŋəkta-l-wə həlgī-wun*]
гриб-PL-ACC сушить-NMLZ.INS
'Грибосушилка'

Некоторые ссылки:

- Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1940.
Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966.
Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964.
Baker M., Vinokurova N. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations. Language 85(3). 2009. Pp. 517–556
Nedjalkov I. Evenki. London, New York: Routledge, 1997.

ОБ ОПЫТЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ АРХАИЧНЫХ ВЬЕТСКИХ ЯЗЫКОВ СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ВЬЕТНАМА

И. В. Самарина

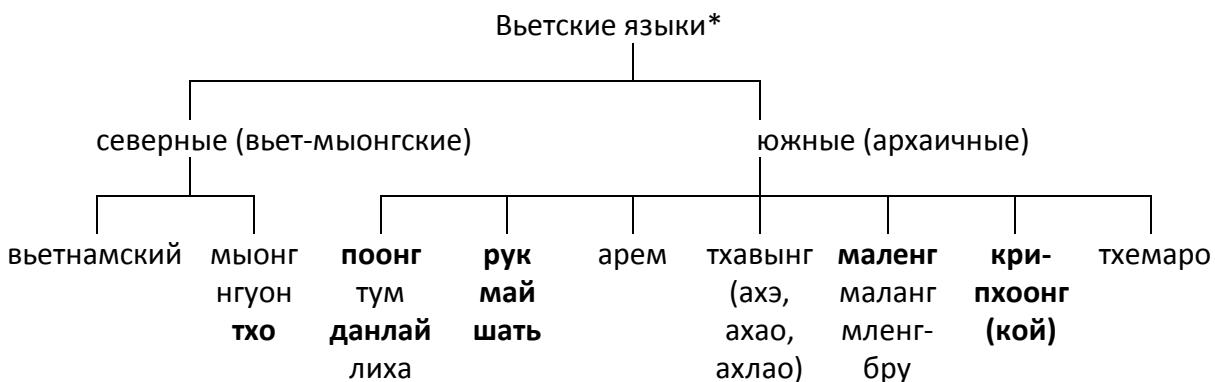
Институт языкоznания РАН

Группы носителей архаичных вьетских языков являются автохтонным населением севера Центрального Вьетнама и входят в состав двух официально признанных народов СРВ (1979) — тьыт (6022 чел., 2009) и тхо (74458 чел., 2009). В числе этих групп также недавние охотники-собиратели горных районов провинций Куангбинь и Хатинь — май, рук, шать, малиенг и арем, лишь к началу 21 в. перешедшие к оседлому образу жизни. Первые сведения об архаичных вьетских языках были получены от этнографов, публикаций по ним, за редким исключением (см. [1], [2], [7], [8]), крайне мало, при этом все они находятся под угрозой исчезновения, усиливающейся в условиях общей глобализации и активных контактов с вьетнамским языком, являющимся государственным языком СРВ и средством межнационального общения. Выделение во вьетской группе архаичных языков основано на их типологических особенностях: они сохранили ряд реликтовых черт, уже не встречающихся в северных вьетских языках [5]. Архаичные вьетские языки являются полуторасиллабическими [3] изолирующими языками с просодическими системами, находящимися на разных стадиях перехода от традиционной мон-кхмерской регистрово-фонационной системы к вьетнамской тональной. Характеризуясь различной степенью моносиллабизации, эти языки на синхронном уровне демонстрируют исторические изменения, происходившие ранее во вьетнамском языке. Таким образом, их изучение представляет интерес и в теоретическом плане.

В 2012–2018 гг. был проведен целый ряд российско-вьетнамских лингвистических экспедиций по документированию архаичных вьетских языков севера Центрального Вьетнама с целью введения в научный оборот новых языковых данных и последующего их исследования и описания, а также собственно для сохранения языковых данных исчезающих вьетских языков. Документирование языков осуществлялось по единой программе, разработанной российскими и вьетнамскими участниками экспедиции и базирующейся на использовании эталонных анкет — слованика-тезауруса (4 тыс. ед.), грамматических анкет (1 тыс. предложений), социолингвистической анкеты. На основе этой программы документировались и тай-кадайские языки Вьетнама в 2008–2011 гг. [4].

В процессе работы с информантами языком-посредником является вьетнамский язык, как, соответственно, и исходный язык эталонных анкет, в то же время имеющих перевод на русский и английский языки. Программа работы по каждому языку включает: 1) сбор лексико-фонетических материалов с использованием слованика-тезауруса с иллюстрациями; 2) сбор связных текстов; 3) сбор грамматических материалов (преимущественно синтаксических, поскольку морфология в исследуемых языках практически отсутствует); 4) проведение социолингвистического анкетирования; 5) фиксирование полевой работы в аудио- и частично видеоформатах, в том числе аудиозапись эталонного произнесения собранных лексических и грамматических материалов (трехкратное произнесение каждой лексической единицы, двукратное произнесение каждого предложения одним-двумя информантами); 6) создание электронного корпуса гlosсированных полевых материалов (в формате EXCEL) и цифрового корпуса аудиоматериалов. Для единиц слованика и грамматических анкет разработана система нумерации (присвоения числовых индексов), единая для всех исследуемых языков, однако учитывающая появление в процессе сбора материалов новой лексики/предложений, их синонимов, вариантов и т. д. Это позволяет впоследствии легко устанавливать соответствия между полевыми материалами и их аудиозаписями, а также оперативно производить сопоставление лексических и грамматических материалов по разным обследованным языкам, что немаловажно, учитывая значительный объем полевых материалов.

Среди сложностей, которые возникают в процессе полевой работы, недостаточный уровень владения информантами вьетнамским языком. Кроме того, при сборе грамматических материалов через вьетнамский язык часто встречаются калькирование грамматических средств и пословный перевод с вьетнамского языка, что заставляет рассматривать грамматическое анкетирование скорее как вспомогательное средство, требующее верификации, которая может быть осуществлена в первую очередь на материале связных текстов.

* Полужирным шрифтом выделены названия языков, которые были обследованы Российской-вьетнамской лингвистической экспедицией в 2012–2018 гг.

Пример глоссирования (язык май)

<i>lɛ²</i>	<i>kɔ̃t⁴</i>	<i>ta^{0~'tu³}</i>	<i>hǎn³</i>	<i>'hǎj¹</i>	<i>nak^{4~nai¹}</i>	<i>'nyh¹</i>	/	<i>kɔ̃t⁴</i>	<i>ta^{0~'tu³}</i>	<i>na³</i>
<i>thẽ́</i>	<i>éch</i>	<i>cóc</i>	<i>nó</i>	<i>tốt</i>	<i>lǎm</i>	<i>nǐa</i>		<i>éch</i>	<i>cóc</i>	<i>dó</i>
PRT	лягушка	жаба	3SG	хороший	очень	ещё		лягушка	жаба	tot

'Con cóc dó rât tốt';

'Жаба очень-очень хорошая... та жаба'.

Литература

- [1] Бабаев К. В., Самарина И. В. Язык май. Материалы Российской-вьетнамской лингвистической экспедиции. Выпуск 5. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 576 с., ил.
- [2] Материалы Российской-вьетнамской лингвистической экспедиции. Выпуск 4. Язык рук / Солнцев В. М., Солнцева Н. В., Самарина И. В. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- [3] Самарина И. В. Процессы моносиллабизации в языках Юго-Восточной Азии // Вопросы филологии. 2007. № 1. С. 41–49.
- [4] Самарина И. В., Мазо О.М., Нгуен Ван Лой, Нгуен Хыу Хоань. Языки гэлао: материалы к сопоставительному словарю кадайских языков / Под общ. ред. И. В. Самариной. — Москва: Academia, 2011. 944 с. + 16 илл. + DVD.
- [5] Самарина И. В. Архаичные вьетские языки: полевые обследования // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2014. С. 98–101.
- [6] Nguyễn Phú Phong, Trần Trí Dõi, Ferlus M. Lexique vietnamien – ruc – français. Paris: Université de Paris VII, 1988.
- [7] Nguyễn Văn Lợi. Tiếng Rục. (Язык рук.) Hà Nội: NXB Khoa học Xã hội, 1993.

ФОРМАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АПРЕХЕНСИВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Г. С. Сахатова

Георг-Аугуст Университет, Геттинген

В рамках настоящего доклада будут представлены результаты описания формальных языковых средств и способов для выражения опасения в тюркских языках [ТЯ], категории, известной в научной литературе как *apprehensive*, в широком смысле понятия: опасения и предостережения. Эти средства в ТЯ были впервые выявлены и систематизированы в монографии автора доклада [издание 2019]. На основе собранного автором материала, в том числе и во время полевых экспедиций в Туркменистане, Турции, Греции, Иране, на Кипре, и др. было установлено, что говорящий на различных (коренных) тюркских языках России и мира [татарском, алтайском, крымско-татарском, карачаево-балкарском, тувинском, кумыкском/туркменском, турецком и его идиомах в Турции, на Кипре, Балканах и Западной Фракии, а также на тюркских языках в Иране, находящихся в интенсивных языковых контактах с греческим, персидским, русским, другими славянскими либо кавказскими языками] имеет в своем языковом арсенале различные грамматические и лексические средства для передачи смысла опасения по поводу ,нежелательной, с его точки зрения ситуации, которая вот-вот могла бы случиться' [ср. Плунгян 2000, 2004, 2011; Добрушина 2006; Гузев 2015]. В ходе исследования были выявлены и описаны следующие грамматические и лексические средства для передачи семантики опасения, такие как, обстоятельственные наречия *hazır* в значении 'готов, готовый / вот-вот', *tas, az kala, az kalsın, az qalib (ki), az keçsa*, 'без малого / еще немногого (и) / чуть не / осталось немного и ...', которые в сочетании с морфологическими показателями, как побудительные аффиксы *-Aylm* (Voluntative 1.лицо ед. число) и *-sIn* (Voluntative 3. лицо ед. число), временные (смешанные) индексы *-(y)AcAk(dI), -(l)yordu, -mIşdI* и т.д.: КТ *az gala evet de-sin* < еще немного и она бы сказала да>, ТКМ *tas elimden düsyärdi* <вот-вот и она бы выпала из рук> и т. д. Особое внимание в докладе будет уделено спорным вопросам грамматикализации форм для выражения опасения, имеющимся в научной литературе. Так, например средства для сообщения об опасении на кипро-турецком, турецком или туркменском языках отличаются друг от друга, что привело к предположениям об их не-туркской, заимствованной природе в кипро-турецком или турецком языках в Западной Фракии.

В конце доклада будут подведены итоги и намечены исследовательские задачи на будущее.

Литература

Adamović 1985 – Adamović, M. *Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache*. Leiden: E.J. Brill.

Бондарко 2002 – Бондарко А. В. *Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка*. Москва: Языки славянской культуры.

Бондарко 1990 – Бондарко А. В. & коллектив авторов. Темпоральность. Модальность. *Теория функциональной грамматики*. Ленинград: Из-во Наука, 1990.

Добрушина 2006 – Добрушина, Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкоznания. 2006. Выпуск 2. С. 28–67.

Дыбо 1995 – Дыбо, А. В. *Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд. Пратюркский период*. Москва: Вост. Лит-ра, 2007.

Гузев 2015 – Гузев В. Г. *Теоретическая грамматика турецкого языка*. Санкт-Петербург: Издательство СПГУ, 2015.

Elliott 2000 – Elliott J.R. *Realis and Irrealis: Forms and Concepts of the grammaticalisation of reality*. In: *Linguistic typology* 4, 1. 2000. P. 55–90.

- Johanson 1975 – Johanson L. *Gesprochenes Türkisch als Forschungsobjekt. Materialia Turcica*. 1975. No 1. P. 1–8.
- Johanson 2002a – Johanson L. *Structural Factors in Turkic Language Contacts*. London: Routledge, 2002a.
- Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: РГГУ, 2011.
- Plungian & van der Auwera 2006 – Plungian V. A. & van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypol. Univ. Forschung* (STUF), 59/4. Pp. 317–349.
- Плунгян 2004 – Плунгян В.А. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта. Исследования по теории грамматики. Вып.3. Ирреалис и ирреальность. Ландер Ю.А., Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю. М.: Гнозис, 2004. С. 273–292.
- Плунгян 2000 – Плунгян В. А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: УРСС, 2000.
- Тенишев 1988 – Тенишев Э. Р. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*. М: Наука, 1988.
- Урманчиева 2004 – Урманчиева А.Ю. Седьмое доказательство реальности ирреалиса. In: Исследования по теории грамматики. Вып.3. Ирреалис и ирреальность. Ландер Ю.А., Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю. М.: Гнозис, 2004. С. 28–74.
- Щербак 1994 – Щербак А. М. *Введение в сравнительное изучение тюркских языков*. СПб.: Наука, 1994.
- Щербак 1981 – Щербак А. М. *Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол*. Ленинград: Наука. 1981.

ПАРТИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПОСЕССИВАМИ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ*

Н. В. Сердобольская

Институт языкоznания РАН / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Партитивные конструкции в ряде языков (славянские, романские, тюркские и др.) включают показатели с ablative значением, например рус. *два студента из нашей группы, одна из них* и т.п. (партитивные конструкции «отделительного» типа, *separative type*, в терминах [Koptjevskaia-Tamm 2009]). Для пермских языков, однако, характерны конструкции, где отсылка к множеству кодируется посессивным показателем, ср. (1а), (1б) (партитивные конструкции посессивного типа в терминах [Koptjevskaia-Tamm 2009]). В удмуртском языке при наличии квантификатора и выраженной вершине возможны четыре комбинации: посессив на квантификаторе и на вершине (2а), нет посессива на обоих элементах (2б), посессив только на вершине (2в), посессив только на зависимом (2г). Посессив на вершине обычно отсылает к посессору ('моя дочка', 'твоя каша') и имеет лично-числовую парадигму, или же обозначает известное множество (3), а посесив на зависимом всегда выступает в 3-м лице единственного числа и обозначает отсылку ко всей группе или целому. В коми-зырянском языке посессив возможен только на вершине (5); он может отсылать к посессору (6) или обозначать известное множество или целое (5). Если вершиной является квантификатор, то он обычно присоединяет посессив, см. (1) и (7).

Таким образом, в обоих языках посессив 3-го лица используется для анафорической отсылки к известному множеству. Мы предполагаем, что допустимость такой конструкции следует из такого свойства пермских посессивов, как способность к неисчерпывающей (non-exhaustive) интерпретации. Исчерпывающая интерпретация определяется как «максимальная» референция именной группы (Schwarz 2013): именная группа обозначает максимальное количество референтов, описываемых данным языковым выражением: например, *John's friends* отсылает ко всем, кто может быть описан данным языковым выражением (если нет специального указания на сужение множества). Неисчерпывающая интерпретация возникает, если именная группа обозначает лишь часть референтов, описываемым данным языковым выражением: например, в русском языке выражение *мои друзья* может отсылать как ко всем друзьям говорящего, так и к части друзей. В языках с исчерпывающей интерпретацией (английский, французский и др. романские языки, см. [Dobrovie-Sorin 2004, Barker 2011]) сочетания с квантификаторами и посессивами недопустимы по определению, ср. *some my friends / *one my friend. Для выражения соответствующего смысла необходима предложная конструкция с *of*. Наоборот, в пермских языках посессивные показатели могут иметь неисчерпывающую интерпретацию (например, удм. бесерм. *nəl-ə* (девочка-Р.1SG) может интерпретироваться как «моя единственная дочь», и как «одна из моих дочерей»). Отсюда возможность использования именных групп с посессивами для выражения части множества или целого.

Примеры

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

- (1) *odig-əz*   'один из них'
один-Р.3(SG)
- (2) a. *odig-əz nəl-ə*   'одна из моих дочек'
один-Р.3(SG) девушка-Р.1SG

* Работа поддержана грантом РНФ № 18-18-00462.

6. odig nəl   ‘одна из девушек’ (обсуждаются девушки из экспедиции)
один девушка
- в. odig pun’ə kaša-de   ‘одна ложка твоей каши’
один ложка каша-ACC.P.2(SG)
- г. odig-əz   gord   kureg   ‘одна из рыжих куриц’ (на картинке две рыжих курицы)
один-р.3(SG) красный курица
- (3) tare muket-jos-əz=no   kalək-jos-sə   kâtč’ə-ke   košk-i-z-ə   muket korka.
потом другой-PL-P.3(SG)-ADD народ-PL-P.3PL где.ILL-INDEF уходить-PST-3-PL другой дом
‘Я сижу в машине, жду того человека, который обещал дать бензин.) Потом и другие
(которых я привёз) ушли в другой дом’.
- КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ ПЕЧОРСКИЙ
- (4) ət’ik mužyk
один мужик
- (5) ət'i   l'ist-sə   orəd-i-s   ət'i   kn'iga-š'i-s.
один лист-ACC.P.3(SG) рвать-PRT-3(SG) один книга-Р.EL-P.3(SG)
‘Открыл что-то ... а, один лист из одной книги вырвал (было несколько книг)’.
- (6) ət'i   č'oj-əj   ‘одна из моих сестер’
одна сестра-Р.1SG
- (7) məd-ys   i   šu-ə   kojməd-ys-ly
другой-Р.3(SG) и сказать-PRS.3SG третий-Р.3(SG)-DAT
(Три мужика в лодке.) ‘И другой говорит третьему’.

Литература

- Barker, Chris. 2011. Possessives and relational nouns. *Semantics: An international handbook of natural language meaning*, 2, pp.1109–1130.
- Dobrovie-Sorin, Carmen. 2004. Genitives and determiners. In *Possessive and beyond: Semantics and Syntax*. Ed. by Kim et al., pp. 115–132.
- Koptjevskaia-Tamm, Maria. 2009. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions. В Y. N.-M. Johannes Helmbrecht, Form and function of language research. Mouton de Gruyter. P. 329–347.
- Schwarz, Florian. 2013. Maximality and definite plurals – experimental evidence. In Emmanuel Chemla, Vincent Homer & Gregoire Winterstein (eds.), *Proceedings of Sinn und Bedeutung 17*, P. 509–526.

КИТАЙСКИЕ И УЙГУРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВАХАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Г. Силантьева

Институт стран Азии и Африки МГУ

К числу бесписьменных языков памирской подгруппы юго-восточной ветви иранских языков, относится ваханский, распространённый в Афганистане, Пакистане, Таджикистане и в Синьцзян-Уйгурском АР КНР. Ваханцы в своём большинстве многоязычны.

В Таджикистане помимо своего родного они используют также более престижные: шугнанский и таджикский, которыми они владеют в обязательном порядке, а в ряде случаев и русский. В свою очередь ваханский является более престижным, чем ишкашимский (о престижности языка см. [Михальченко 2006: 171–172]). Многие ваханцы Афганистана знают более престижные шугнанский, дари и пашто.

Другая система престижности наблюдается у ваханцев северного Пакистана, где государственными являются два языка – английский и урду. В зависимости от окружения вторым языком у них может быть шина или бурушаски. Все три местных языка находятся на одной ступени престижности.

У ваханцев КНР родной язык находится в самом низу шкалы престижности. Более высокую ступень занимает другой бесписьменный иранский язык – сарыкольский, очень близкий к шугнанскому. Выше стоит официальный письменный язык – уйгурский. На самом верху шкалы престижности находится китайский [Лашкарбеков 2013].

Последние десятилетия ваханский язык вытесняется из многих сфер употребления, кроме личного семейного общения. Для сохранения ваханского языка на повестке дня стоит создание официальной письменности, приемлемой для всех ваханцев независимо от места их проживания и совместимой с письменностями других памирских народов.

Нами была проанализирована речь носителей ваханского языка, проживающих в Синьцзян-Уйгурском АР КНР. В этимологическом словаре ваханского языка [Стеблин-Каменский 1999] был выявлен ряд слов, которые предположительно являются заимствованиями из китайского и уйгурского языков. Всего 18 заимствований из китайского языка и 74 – из уйгурского.

Среди китайских заимствований выделяется группа слов, обозначающих названия чая и, как правило, имеющих корень čou (с одним исключением из этой закономерности). Например, čou чай – слово, усвоенное ваханским языком из перс. čāy, которое в свою очередь произошло от китайского chá; čouwyl̄ чайная трава, растение, используемое для заварки вместо чая [Стеблин-Каменский 1999: 130] образовано сложением корней čou чай и wyl̄ трава; lamsá чёрный чай, заварка. По-видимому, слово lamsá-čou чёрный чай [Стеблин-Каменский 1999: 224], как можно судить по фонетическому сходству, заимствовано из кит. làmiànchá. Данный сорт чая распространён в северных районах Китая, отличается невысоким качеством, достаточно дёшев и поставляется во все регионы Китая.

Вне этой тематической группы обнаруживается название китайской денежной единицы уоттыш, уотбú ямб, серебряный слиток [Стеблин-Каменский 1999: 430]. Фонетическое сходство позволяет предположить, что оно заимствовано из кит. yuánbǎo (в прошлом серебряная монета с таким названием имела хождение в Китае).

В ваханском есть слова, которые могли быть заимствованными из китайского, но, скорее, пришли в ваханский из персидского или таджикского. Например, čang варган (язычковый музыкальный инструмент, на котором играют преимущественно женщины и дети [Стеблин-Каменский 1999: 121]), возможно, происходит от китайского qín цинь, цитра, музыкальный инструмент [Laufer 1919: 565] (ср. кит. kǒuqín варган). Однако слово čang варган встречается и в среднеперсидских текстах.

В последнюю группу попали слова, китайское происхождение которых доказать не представляется возможным. Например, dəmqánd кумган (металлический кувшин для умывания с носиком и ручкой). Аналогично, сарыкольское danqon чугунный котелок заимствовано из тюрк. [Стеблин-Каменский 1999: 154]. В китайском существуют такие слова как guàn pán ‘таз для умывания’ и tāng píng кувшин для горячей воды для омовения у мусульман, однако, заимствование их ваханским представляется маловероятным.

Большинство предположительных заимствований из уйгурского возводятся к общетюркским. Среди них выделяются ботанические и животноводческие термины: bəqlá, boqlá бобы ← уйг. baqla, cap. baqli, мдж. boqla, ишк. boq(b)la, яgn. bokila [Стеблин-Каменский 1999: 109]. Agyır, аұыр жеребец ← тюрк. ajyır, аұыр [Стеблин-Каменский 1999: 77]. Nəyərčaq выючное седло (для осла) ← тадж., кирг. īryīrčaq бычье седло, уйг. īnyīrčaq выючное седло [Стеблин-Каменский 1999: 248].

Итак, лексемы из китайского языка пришли в ваханский или напрямую, или через персидский и таджикский языки. Лексемы, заимствованные из уйгурского языка, возводятся к тюркским.

Классифицировать данные слова можно по времени заимствования: старые заимствования, которые приходили в регион Средней Азии и Иранского нагорья из Китая с начала нашей эры вместе с реалиями того периода: чай и т.п., и новые заимствования, которые получили проживающие только в Китае ваханцы в XX–XXI вв., отражающие современные реалии.

Список литературы

Лашкарбеков Б.Б. Изучение ваханских общин в условиях языкового сдвига: социолингвистическая ситуация в Синьцзяне (КНР) и Северных провинциях Пакистана. Вестник Российского научного гуманитарного фонда, 2013

Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006

Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб, 1999

Laufer B. Sino-Iranica; Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran with special reference to the history of cultivated plants and products. 1919

Список сокращений

- ишк. – ишкашимский
- кирг. – киргизский
- кит. – китайский
- мдж. – мунджанский
- перс. – персидский
- тадж. – таджикский
- тюрк. – тюркские
- уйг. – уйгурский
- яgn. – янгобский

УСЛОВНАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Юлия Спешилова

Языковой институт Венгерской академии наук

Удмуртский язык относится к типу языков с дифференцированным маркированием объекта (Сердобольская, Толдова 2012, Tánczos 2016). Согласно научной литературе выбор маркирования или не маркирования ПД зависит от бинарного противопоставления его определенности/неопределенности (Kozmács 2001: 26) или от характеристик глагола (ГСУЯ: 93; Csucs 1990: 34; Winkler 2001: 20). В предложении с определенным объектом $\pm$ одушевленный предмет прямого дополнения (ПД) всегда маркируется, а при условии, что ПД является неодушевленным неопределенным объектом, но специфичным (подробнее: von Heusinger, Kornfilt 2005) объект может быть как маркированным, так и немаркированным; выбор использовать маркированный аккузатив или нет в конкретном предложении остается все же за носителем языка (Tánczos 2016:46). Прямое замещение немаркированных форм маркированными возможно лишь тогда, когда предикативные единицы предложения представлены синтетическими или аналитическими формами прошедшего времени (Кондратьева 2011: 58).

Однако при беглом рассмотрении статей, которые публикуются в настоящее время на страницах удмуртскоязычных СМИ, блогосфере или статей в интернете, можно заметить, что стиль/традиция написания таких статей на русском языке оказывает огромное влияние на построение текстов на удмуртском. Например, в газетных статьях удмуртскоязычной газеты «Удмурт Дунне» встречаются примеры маркированного использования прямого дополнения, где, согласно научной литературе или мнению носителей языка, должен употребляться немаркированный вариант аккузатива. Связано это скорее всего из-за того, что большинство материала в газете – быстро составленный перевод информации (Edygarova 2013:14). Поэтому в настоящем исследовании будет уделяться внимание подобному вариативному использованию маркированного или немаркированного аккузатива в удмуртском языке. Данные варианты в рамках нашего исследования будем принимать за условную языковую переменную. За основу мы использовали определение Wardhaugh (2005: 143), согласно которому языковая переменная – это такой лингвистический элемент, который имеет опознаваемые варианты. Цель данного исследования определить использование тех маркированных объектов ПД в предложениях, которые были возможно инициированы под влиянием русского языка, параллельно уделив внимание отношению носителей языка к данным морфологическим переменным

В текущем исследовании мы делаем пробный анализ результатов полученных от 32 респондентов. Сбор данных происходил посредством анкетирования через интернет-платформу. Анкета состояла из 5 блока вопросов: сбор метаданных, перевод предложений на удмуртский язык, оценка предложений по 5-ти бальной шкале, выбор между маркированным или немаркированным ПД, составление предложений из предоставленных слов.

Мы показываем, что согласно предварительным результатам носители языка принимают калькированное использование маркированного ПД в предложениях, взятых из удмуртского СМИ, где использование маркированного аккузатива не было ожидаемо. Однако, когда речь идет о выборе между двумя предложениями, которые отличаются лишь маркированным или немаркированным ПД, респонденты отдали предпочтение немаркированной языковой переменной.. На данном этапе исследования мы не получили релевантных результатов о влиянии пола или возраста респондентов на выбор предложений с маркированным или немаркированным аккузативом. На следующем этапе, после увеличения числа респондентов,

мы предполагаем, что результаты подтвердят нашу гипотезу о том, что молодое поколение, в особенности женского пола, будет чаще использовать маркированное ПД, даже там, где его использование не требуется. В любом случае вопрос требует дальнейшего анализа.

Литература

ГСУЯ = Перевощикова П.И., Вахрушев В.М., Алатырев В.И. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке: монография. Ижевск, 2011.

Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // А.И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва, 2012. С. 59–142.

Edygarova, Svetlana V. (2013) “Ob osnovnyx raznovidnostjax sovremenennogo udmurtskogo jazyka”. Ežegodnik finno-ugorskix issledovanij. Yearbook of Finno-Ugric Studies, 3, 7–19.

Csúcs S. Chrestomathia Votiacica. Budapest, 1990.

Kozmács István: Az udumrt (votják) nyelv alapjai. Budapest, 2001

Tánczos Orsolya: Causative constructions and their syntactic analysis. PhD dissertation. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2016

von Heusinger K., Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: Semantics, Syntax and Morphology // Turkic Languages. 2005, No 9. P. 3–44.

Wardhaugh, Ronald 2005: An Introduction to Sociolinguistics. Blackwell Textbooks in Linguistics. (5th edition) Oxford: Blackwell.

Winkler E. Udmurt. München, 2001.

ДАННЫЕ ДОКУМЕНТАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДОКУМЕНТАЦИИ ЯЗЫКА*

Н. М. Стойнова

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН / Ияз РАН

И. А. Хомченкова

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН / Ияз РАН / МГУ

В процессе документации малых языков России исследователи (вполне закономерно) фокусируются на сборе аудио- и видеоматериалов, содержащих исключительно исследуемый язык и призванных обеспечить его полноценное описание. При этом лингвисту приходится задумываться и о том, что полученные им эксклюзивные данные в дальнейшем могут понадобиться для решения задач, далеко выходящих за пределы его непосредственных интересов, в особенности при работе с труднодоступным языком или языком, находящимся под угрозой исчезновения.

В нашем докладе мы хотим обсудить опыт работы с «побочным продуктом» документационных проектов: аудиозаписями на русском языке и записями с переключением кодов. Нашей задачей было, во-первых, описание нестандартного русского языка билингвоносителей малых языков Севера Сибири и Дальнего Востока, во-вторых, исследование его взаимодействия с автохтонным языком при переключении и смешении кодов в горномарийском, мокшанском, нанайском и ульчском языках. В докладе мы приведем практические соображения о том, насколько подходящим оказывается материал текущих и недавних проектов по документации малых языков (изначально не ориентированных на такие задачи) для подобного рода исследований.

Тексты на русском языке и тексты с большим количеством русских вкраплений, оказавшиеся в фокусе нашего внимания, как правило, признаются «негодными» или как минимум наименее ценными для документационного проекта. Они записываются часто случайно (например, вместо ожидаемого текста на исследуемом языке); к тому же их обрабатывают, описывают и хранят менее тщательно, чем основные данные проекта. В нашем докладе мы обсудим, в частности, следующие проблемы, с которыми мы столкнулись при работе с такими текстами:

а) лакуны в социолингвистической информации о носителях: как правило, очень мало или нет информации о времени и процессе освоения русского языка, о ситуациях его использования;

б) процесс записи: стоит ли прерывать человека, если он перестает говорить на своем языке и переходит на русский, стоит ли прерывать аудиозапись; насколько удобной для наших целей оказывается «сплошная» многочасовая запись vs. запись отдельных коротких фрагментов текста;

в) обработка записей: часть ценной для исследования переключения кодов и русского языка билингвов информации теряется при «нарезке» записей, удаления «лишних» фрагментов по краям текста и особенно в середине записи;

г) метаданные к текстам: далеко не всегда тексты на русском языке и с большими русскими вкраплениями снабжаются метаданными, далеко не всегда для текстов на автохтонном языке в метаданных указано, что в них есть фрагменты с переключением кодов и что для них есть параллельная версия на русском языке; наконец, практически никогда при наличии параллельных текстов на автохтонном языке и на русском не указывается, в каком порядке они были записаны (что достаточно важно при исследовании интерференции).

Таким образом, в докладе будут рассмотрены технические принципы документации языков, которые влияют на решение важных задач, вторичных по отношению к основному проекту. Материал доклада может быть полезен и в более общей дискуссии о том, как обес-

---

* Исследование поддержано грантом РНФ #17-18-01649.

печить максимальную универсальность полевых данных, насколько это возможно и в какой мере необходимо.

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

3. И. Строгальщикова

Карельский научный центр РАН

Сложнейшее положение с языками коренных малочисленных народов России является постоянной темой обсуждения научным сообществом и общественностью. Для содействия их сохранению и развитию необходимо устранение противоречий между законами: «Об образовании в РФ» и «О языках народов РФ» (далее закон о языках). В отличие от законодательства в сфере образования, которая предусматривает возможность изучения родных языков малочисленных народов в школе как предмета на таких же условиях, как и преподавание русского и иностранных языков, закон о языках содержит нормы, обеспечивающие возможность принятия специальных мер при их использовании в системе образования. Закон принимает во внимание особый статус коренных малочисленных народов, установленный ст. 69 Конституцией РФ.

Чрезвычайно важно, что закон о языках относит «создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами» к полномочиям федеральных органов власти (ст. 6, часть 5). Как отмечали его разработчики, есть опасение, что о них «государственные органы другого уровня могут вообще не позаботиться». Согласно ст. 9 (часть 5) «государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями». Закон принимался Верховным Советом РСФСР (далее ВС) 25.10. 1991 года и, учитывая сложность исполнения данной нормы, срок её действия переносился до 1.06. 1995 года. В статье 10 государство гарантировало создание письменностей для бесписьменных народов (часть 2) и условий для их научных исследований (часть 3). В соответствие со ст. 7 закона правительство РФ «разрабатывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов РФ и осуществляет меры по реализации таких программ». В настоящее время нет федеральных программ по поддержке языков нерусских народов, но данная статья дает право принятия соответствующих целевых программ и в субъектах РФ. Из 28 регионов проживания малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, в 10-ти приняты специальные правовые акты и программы по поддержке языков малочисленных народов.

Создание «Фонда сохранения и изучения родных языков народов России» (Указ Президента РФ от 26.10. 2018 г.) после принятия закона «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в РФ» соответствует задачам реализации ст. 7, ст. 10 (части 2 и 3) закона о языках. Министерство просвещения до 1.01. 2019 года должно создать Институт поддержки развития родных языков народов России, подготовить Концепцию преподавания государственных и родных языков народов России.

Все эти меры в определенной мере повторяют решения ВС РСФСР, направленные на реализацию закона о языках 25.10.1991 года: о подготовке к концу 1992 года «Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР», созданию структур, ответственных за её разработку и реализацию, в том числе Института языков народов РСФСР под руководством В.П. Нерознака, который просуществовал до 1996 года. Опыт реализации закона о языках в первой половине 1990-х годов, анализ причин ликвидации созданных механизмов в целях его исполнения на федеральном уровне, важен для выработки предложений по совершенствованию законодательства по сохранению и развитию языков малочисленных народов. Обсуждение данной проблемы приобретает особую актуальность в связи с провозглашения ООН 2019 года Международным годом языков коренных народов.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМОВ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ЛЕЗГИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

А. Н. Таджибова

Сургутский государственный университет

Фразеология – величайшая сокровищница, представляющая собой непреходящую ценность для любого языка. В ней отражается история и многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его нравственные ценности, религиозные воззрения и верования. Фразеологизмы складывались из тех ассоциаций, образов, ситуаций, с помощью которых человеку легче и понятнее воспринимать события и явления окружающего мира.

Лингвокультурологический подход к исследованию фразеологических единиц и паремий позволяет проследить тесную связь с различными сторонами человеческой деятельности, открывая удивительные страницы из жизни народа, помогая понять мир чувств, образов, оценок того или иного народа.

Фитонимы (названия растений), отраженные во фразеологии разных языков вызывают ассоциации, которые могут совпадать или не совпадать у разных народов. Под ассоциацией (лат. *assotiatio* – соединение) понимают связь между элементами психики, благодаря которой появление одного элемента в определенных условиях вызывает другой [4].

Целью данной работы является систематизация русских, английских и лезгинских пословиц и поговорок с фитонимным компонентом, выявление и описание их этнического своеобразия.

Актуальность определяется все возрастающим интересом к проблемам изучения взаимоотношений языка и культуры. Изучение фразеологии различных языков повышает эффективность изучения лексики и способствует обогащению языка страноведческими знаниями, отражающими специфические условия жизни.

Так, анализ ассоциаций носителей рассматриваемых языков по отношению к реалиям флоры подтвердил гипотезу о том, что изучение отличительных и общих черт фразеологизмов в русском, английском и лезгинском языках помогает лучше понять реалии языка.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что круг реалий флоры, используемых в русской, английской и лезгинской фразеологии сходен. Так, совпадают названия растений и их морфологических частей: ветвь/branch/хел, яблоко/apple/ич и т.д. Тем не менее существуют и расхождения. Например, ряд растений участвуют в образовании фразеологических единиц: 1) только русского языка (белена, вяз, гречиха, ольха, клюква и др.); 2) только английского языка (bilberry, bark, carrot, daisy и др.); 3) только лезгинского языка (цаз, къавах, хват, дамбул, букуш и др.).

Тождественность представлений является результатом схожих взглядов на явления окружающего мира у русского, английского и лезгинского этносов.

В то же время стоит упомянуть о том, что языковая картина мира в изучаемых культурах этнически дифференцирована (так, например, в русской фразеологии с фитонимным компонентом отсутствует ассоциация «ум», в английской «надежность», а в лезгинской «опыт» и т.д.).

Таким образом, язык выступает в качестве «зеркала национальной культуры» [3]., ее хранителя: языковые единицы фиксируют содержание, которое в той или иной мере восходит к условиям жизни народа – носителя языка.

Таблица 1. Фитоним «яблоко» в русском, английском и лезгинском языках.

Русский язык	Английский язык	Лезгинский язык
Яблоко\ Apple\ Ич		
<i>Acc.: Человеческая натура, семья, происхождение</i> Яблоко от яблони недалеко падает.	The apple never falls far from tree.	Ич таран къаник аватда (букв. «яблоко падает под яблоню»)
<i>Acc.: Искушение</i>		
Яблоки по другую сторону забора – самые сладкие.	The apples on the other side of the wall are the sweetest.	Чарадан салавай ичер вири-далайни ширинбур я (букв. «яблоки в чужом саду – самые вкусные»).
<i>Acc.: Молодость, полезность, здоровье</i>		
Молодильные яблоки.	Apples of perpetual youth. (букв. «яблоки вечной молодости»); An apple a day keeps the doctor away (букв. «съедай по яблоку в день и доктор не понадобится»)	Хъульхъвер яру ичер хъиз ава (букв. «щеки как красные яблоки»)
<i>Acc.: Качество, ценность – анг/лезг</i>		
	Высокое качество – The apple of smb's eye (букв. «глазное яблоко»); Низкое качество – A rotten apple (букв. «гнилое яблоко»)	Еке ич тарал алумъдач, гуьрчек цъук хилел (букв. «крупное яблоко не останется на дереве, а красивый цветок – на ветке»)
<i>Acc.: Успех, удача</i>		
Попасть в яблочко		
<i>Acc.: Ум</i>		
	One smart apple (букв. «сообразительное яблоко»)	

Литература

- Большой энциклопедический словарь. Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь. В.Н. Ярцева. 1998 / Гл. ред. В. Н. Ярцева – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил.
- Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 721 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: Уч.пособие. – М.: Академия, 2001. – 183 с.
- Ожегов С. И. "О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка)", Лексикографический сборник, II (Москва, 1957), 38.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 776 с.

О ФОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ДОЛГИХ СОГЛАСНЫХ В ТЕЛЕУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. М. Токмашев

Томский политехнический университет

В 1975 г. была предпринята первая попытка экспериментально-фонетического описания бачатско-телеутского консонантизма К.В. Меркульевым, который выделил в нем две долгих согласных фонемы [k:] и [t:] [1].

Цель нашей работы – исследование природы этой долготы с точки зрения как экспериментальной, так и исторической фонетики тюркских языков. Язык бачатских телеутов относится к восточной (иначе – центрально-восточной) группе кыпчакских языков. Следовательно, историческое развитие телеутского консонантизма протекало в соответствии с общими принципами эволюции кыпчакских согласных от пракыпчакского состояния до образования четырех групп современных кыпчакских языков [2, с. 216–217]. Для пракыпчакского состояния реконструируются 17 согласных фонем (или 19, если считать пары заднеязычных *q-k* и *g-d* разными фонемами)

В пратюркском консонантизме также реконструируются сильные придыхательные [*p'*], [*t'*], [*c'*], [*k'*] и [*q'*], более долгие, за счет ларингальной напряженности, чем противопоставленные им слабые непридыхательные. Пратюркское различение сильных и слабых смычных в кыпчакских языках системно не сохраняется; в телеутском его рефлексом, возможно, является йотирование в словах *ийт* ‘собака’ (< ПТ **y'tə*) и *пийт* ‘вошь’ (< ПТ **by'tə*) [3, с. 17–18].

Тюркские согласные противопоставлены по долготе в большей степени количественно, а не качественно¹. Например, на морфемных стыках при стечении одинаковых реализаций морфонем. Например, тел. *от* ‘огонь’ ~ *оттық* ‘огниво’, *қурт* ‘червь’ ~ *қуртту* ‘червивый’, где морфонема *L* в аффиксах *-LXK и *-LXG реализуется как фонема *T*, что приводит к геминации смычного глухого [t].

Для телеутского языка, по-видимому, речь можно вести о трех типах геминации:

1) квантивативно долгие согласные – собственно однофокусные геминаты с удлиненными фазами смычки или голоса, возникающие на стыках морфем и противопоставленные кратким, ср. тел. *қапты* ‘схватил’ ~ *айтты* ‘сказал’, *сöйттöр* ‘кости’ ~ *öрттöр* ‘пожары’ и т.д.;

2) геминаты, возникающие в интервокальном положении во избежание озвончения смычного: тел. *јыду* ‘гнилой’ ~ *јытту* ‘пахучий’, *қаду* ‘гвоздь’ ~ *қату* ‘твердый’ (в последнем примере *t* на письме не удваивается, что подтверждает факт, что интервокальные геминаты типа *јытту* – не столько долгие, сколько глухие);

3) геминаты – квазифонемы, которые возникают в интервокале и образуют фонематическую пару по длительности: тел. *тату* ‘сладкий’ и *татту* ‘ржавый’ – в этом и аналогичных примерах, где исторически словообразовательный аффикс *-LXG синхронно не выделяется, долгота смычки взрывного [t], действительно, имеет фонематический статус.

Геминация первых двух типов не коррелирует с фонематической долготой согласных. Геминация третьего типа приводит к смыслоразличительной оппозиции «краткий/ долгий», но рассматривать геминированный согласный как фонему затруднительно, так как все подобные случаи восходят к морфонологическим процессам на границах морфем, поэтому можно считать эти звуки реализацией долгих квазифонем.

Отдельные случаи представляют собой дискурсивно-обусловленные и лексически связанные геминаты.

¹ Как качественно долгие можно рассматривать придыхательные в ряде языков саянской группы, ср. пары [t'] и [t] в тув. *оът* ‘трава’ и *от* ‘огонь’; в телеутском все согласные непридыхательные, ср. тел. *от* ‘трава’ и *от* ‘огонь’

Выводы: Телеутские согласные не противопоставлены по долготе/краткости. Выделение К.В. Меркурьевым долгих согласных [t:] и [k:] в телеутском консонантизме не имеет удовлетворительных фонологических оснований. Их акустически регистрируемая долгота имеет морфонологическую природу.

Литература

Меркурьев К. В. Бачатско-телеутский консонантизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.

Таблица 1. Сопоставительный анализ длительности фонемных реализаций словоформ, приведенных К. В. Меркурьевым, и собственных материалов

1	2	3	4	5					
				1	2	3	4	5	6
$\varepsilon^1 k^2 i^3$ ‘два’	M								
	H	501	167	180	116	205			
$s^1 \lambda^2 l^3 q^4 t^5 n^6$ ‘ветер’	M	779	129,9	186,2	155,8	68,4	121,6	76	171
	H	676	112,5	156,8	123,4	125,4	52,9	76,4	141,1
$q^1 \sigma^2 r^3 t^4$ ‘червяк’	M	642,2	160,7	102,6	144,4	60,8	333,4		
	H	324	81	40	30	200	54		
$t^1 \infty^2 r^3 t^4$ ‘четыре’	M	706,8	176,7	117,8	235,6	60,8	292,6		
	H	593	148,2	26	161,3	221,3	184,4		

Обозначение заголовков граф:

1 – Транскрипция с порядковой нумерацией звуков и перевод словаформы;

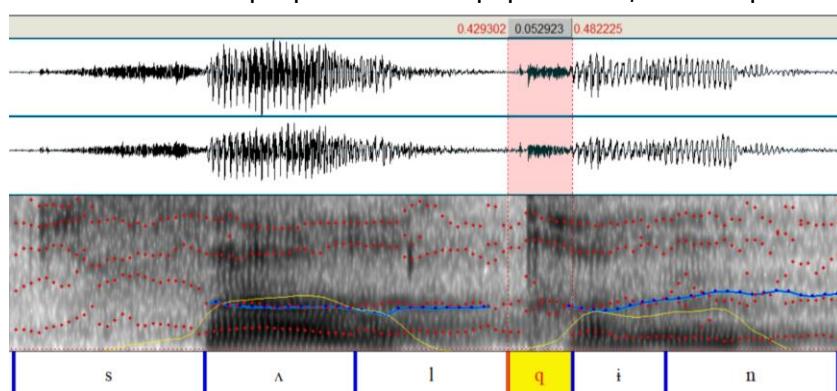
2 – Варианты словаформы (M – по К. В. Меркурьеву; H – наш вариант);

3 – Общая длительность словаформы, мс;

4 – Средняя длительность звуков, мс;

5 – Порядковые номера и абсолютная длительность звуков, мс.²

Рис. 1. Спектрограмма словаформы *салқын* ‘ветер’

² Как отмечалось выше, определение границ и длительности согласных из-за коартикуляции носит условный характер.

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТИНУУМА: СООТНЕСЕНИЕ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИКИ, ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН

В селькупском языке (< самодийские < уральские) отчетливо выделяется пять диалектов, ряд из которых, в свою очередь, подразделяется на отдельные говоры. При этом географически селькупский диалектный континуум распадается на две дистанто расположенные зоны: центральные и южные диалекты распространены в среднем течении Оби и по ее притокам, северная диалектная группа обосновалась в ходе миграции группы селькупов с Тыма на Таз и далее на Турухан.

Селькупские диалекты характеризуются значительным разнообразием нарративных стратегий, которые могут различать даже говоры, относящиеся к одному и тому же диалекту. В докладе будет представлена карта распространения различных нарративных стратегий в селькупском ареале. Как известно, дискурсивные элементы в ходе языковых контактов заимствуются достаточно легко [Thomason 2001]. Соответственно, отраженное на этой карте совпадение/несовпадение нарративных стратегий между диалектами/говорами может служить своего рода индикатором:

- 1) локальных контактов селькупских идиомов с географически сопредельными языками;
- 2) локальных междиалектных контактов;
- 3) путей миграций отдельных групп селькупов внутри освоенного селькупами ареала;

Во всех возможных случаях географическое распространение нарративных стратегий будет сопоставлено

- с распространением других лингвистических черт, дифференцирующих/объединяющих селькупские диалекты и говоры;
- с данными этнографии, в частности, с данными комплексного исследования освоения селькупами ныне занимаемых ими территорий [Тучкова 2014]);
- с данными фольклористики, в частности, с данными об ареалах бытования тех или иных фольклорных сюжетов [Тучкова 2018].

Литература

Тучкова Н. А. (2014) Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014

Тучкова Н. А. (2018) Указатель сюжетов с героем Итя: опыт классификации // Сибирский филологический журнал. 2018. №1. С. 57–76.

Thomason, Sarah G. (2001). Language contact. An introduction. Washington: Georgetown University Press, 2018.

КОНЦЕПТ «НОКТО/ДОРОГА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНКОВ

Н. Ю. Ушницкая

Средняя школа №20 п. Хатыстыр

В статье рассматривается лингвокультурный концепт «*нокто/дорога*» в языковой картине мира эвенков. Цель данного исследования – выявить национально-специфическое, культурное содержание концепта «дорога» в языковой картине мира этноса, а также обнаружить и показать его своеобразное представление о мире, стереотипы и установки.

Для эвенкийского этноса передвижения всегда играли заметную роль в жизни, поэтому, несмотря на небольшое количество эвенки расселили большую территорию. Эвенки ведут кочевой образ жизни, поэтому дорога в национальном сознании эвенков играет важную роль. *Нульги* – кочевка, *нульгими* – кочевать (Мыреева, С. 400–401). Прежде всего, дорога эвенками обозначается словом «*нокто*». Так, в эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыреевой словом *нокто* определяется тропа, дорога, *ноктыс* – старая дорога, *ноктоды* – дорожный, *ноктокон* – тропа, тропинка, *ноктолдывун* – дорожная вещь, *ноктомогин* – олень, привыкший бродить по тропам, *нокторонми*: 1. протаптывать тропу; 2. проложить тропу; 3.ходить, ездить часто. Эда тала *нокторолчол*, эва таду *бакачал*. – Почему туда стали часто ездить, что там они нашли? *Ноктыми* – протоптать дорогу. *Орор эли ноктычал*. – Олени здесь пропоттали дорогу. (Мыреева, С. 562).

Кроме этого, «*нокто*» в эвенкийской языковой картине мира это жизнь, судьба. Этому свидетельствуют такие выражения: *нокто- мутни бидэт*. – дорога – наша жизнь; *элэ мини нокто олус эру бимали*. – Жизнь моя может быть плохой; *ноктос горо бигин*. – жизнь твоя будет долгой, будешь полезен обществу, дело твое будет продолжаться, *ноктовон кайча* – Запретил ему, помешал ему (досл. Дорогу его закрыл). Кэ, *хоктос ая бигин!* Чтобы жизнь была хорошей, т.е. чтобы все было хорошо впереди. Кэ, *эру-да бигин!* Пусть хоть плоха дорога! *Хокто дутэкит* дорога напрямую. По эвенкийскому поверью, нельзя деревья валить поперек дороги, жизнь свою перекроешь.

В эвенкийском героическом сказании «Умунду оскечэ умусликэн-мата» имеются такие строки:

Таду билирги хокто бихин, Там древняя дорога есть,
Долбохик инцактадин Волчьей шерстью
Сугар хокто бихин. Отмеченная дорога есть
Тар хокто илкэн. Дорога та со знаками.
(Варламова, 236)

Билирги хокто – древняя дорога.

Во время перекочевки эвенк часто подвергается опасностям, поэтому производят разные обряды, которые могут обезопасить человека. Бывают большие реки перевалы, возле которых эвенк обычно проводит обряд *нулгани*. Обряд этот проводится таким образом: например, на берегу реки (если это большая опасная горная река) разрезают цветные ленточки и вешают их на дерево, приговаривая, обращаясь к реке по названию: «*Сакукан-энikan!* Гудянкэл эвэнкилвэ *нульгидерилвэ*, аяя *ноктоё букэл!* – Сакукан-матушка! Пожалей кочующих эвенков, дай хорошую дорогу! (Мальчакитова М.Г.). Такой же обряд могут провести у перевала, обращаясь к горе по названию. Также, проводят повседневный обряд кормления огня (*имты*), так как огонь является связующим звеном между людьми и верховными божествами. Это позволяет, по мнению эвенков хорошо добраться до места назначения.

В языковой картине мира эвенков *нокто*- это одна из главных ценностей. Имеется много запретов, связанных с данным словом. *Эпкавун нодара коксоливур хокторонмо мова* – Деревья не вали поперек дороги

На тропах звери делают метки. Амикан хокторондуви бэледапки тара эпкавун алдаина не делай выше метку (не руби топором) (Мальчакитов Ю.Ю. информант) – медведь на деревьях у дороги делает метки, выше его метки свою не делай и не руби это дерево.

Показаны национально-культурные особенности исследуемого концепта в языковой картине мира эвенков, а именно его лингвоспецифичность.

Литература

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь (Эвэды-лучады турэрүк). – Новосибирск, 2004.

Варламова Г.И. (Кэптукэ). Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. – Новосибирск: Наука, 2002. – 376 с.

Информанты

Мальчакитов Юрий Юрьевич, 1960 г.р., с. Кюсть-Кемда Каларского района, Забайкальского края, знает эвенкийский и русский.

Мальчакитова Мира Григорьевна, 1958 г.р., с. Кюсть-Кемда Каларского района, Забайкальского края, знает эвенкийский и русский.

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЕГО РЕВИТАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧАЛКАНСКОГО ЯЗЫКА)*

Н. Н. Федина

Институт филологии СО РАН

Чалканцы – тюркоязычный этнос, который живет в Турочакском районе Республики Алтай. Они живут в окружении русского населения, что явилось причиной ассимиляционных процессов. В результате это привело к постепенной утрате языка и традиционной культуры. С 1994 по 2000 г. чалканцы добились законодательного закрепления за ними статуса малочисленного народа РА и были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ.

Чалканский язык является бесписьменным языком. Он находится под сильным влиянием литературного алтайского и русского языков. В ходе экспедиции 2000 г. сотрудниками ИФЛ СО РАН выявлено, что родным языком признали чалканский 81,6 % от числа анкетируемых. Русский язык родным языком назвали 9,9 %, два родных языка – русский и чалканский 4,2%, русский, алтайский и чалканский – 3,5%. Социолингвистическое обследование показало, что подавляющее большинство чалканцев владеет чалканским языком 73 %. Владеют родным (чалканским языком), но предпочитают русский 25,6%, не владеют языком 1,4 %. Так, филологи-туркологи пришли к выводу, что данные факты свидетельствуют о высоком уровне сохранности родного языка, но во время экспедиции 2015 г. обнаружено, что большинство чалканцев стали предпочитать при общении русский язык.

В связи с тем, что язык бесписьменный, изменения в языке идут гораздо быстрее, чем в письменных языках. Например, в чалканском языке многие аналитические глагольные конструкции, представленные 70 лет назад в работе Н.А. Баскакова, стянулись в одну словоформу. В результате стяжения в ряде форм сохранились только корневые морфемы и личный показатель. Наиболее активно эти изменения происходят в индикативе. Это привело к тому, что в языке образовались многочисленные омографы, различить которые можно только по ударению.

Некоторые исследователи считают, что в тюркских языках отсутствует ударение, а эту функцию выполняет сингармонизм. Другие же придерживаются той точки зрения, что в тюркских языках основным средством, характеризующим слово, является сингармонизм, а ударение – дополнительное акцентное средство. Некоторые исследователи считают, что тюркскому ударению не присуща смыслоразличительная функция. Мы считаем, что смыслоразличительную функцию ударения все же стоит выделить в чалканском языке, поскольку в результате процессов стяжения глагольных словоформ, именно ударение выполняет эту функцию. Например: 1) форма 3-го л. мн. ч. настоящего времени сегментно совпадает с формой 3-го л. ед. ч. прошедшего заглазного времени на =тыр, например: *улар пár-т-ыр* ‘они идут’ – *ол пар=тыр* ‘он шел, оказывается’; 2) формы 1-го л. ед. и мн. ч. в настоящем времени на =ып тъат и прошедшем времени на =ды в глаголах с глухим согласным в ауслауте основы: *мен кáp-т-ым* ‘я ловлю’ – *мен кап-ты́-м* ‘я ловил’; *пыс кáp-т-ыс* / *=ывыс* ‘мы ловим’ – *пыс кап-т-ы́с* / *=ывыс* ‘мы ловили’; 3) формы 2-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени, в которых выпал показатель времени, и формы повелительного наклонения: *сен кáp=сын* ‘ты ловиши’ (2-е л. ед. ч. наст. вр.) – *ол кап=сын* ‘пусть он ловит’ (3-е л. ед. ч. повелит. накл.); *слер кáp=сар* ‘вы ловите’ (2-е л. мн. ч. наст. вр.) – *слер кап=сár* ‘вы ловите’ (2-е л. мн. ч. повелит.).

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».

накл.); 4) глаголы с ауслаутным гласным основы в положительной и отрицательной форме неопределенного прошедшего времени на *=гын* совпадают при написании: *оъы=в-а-н* ‘он сел’ – *оъы=вá-н* ‘он не садился’. Эти словоформы образованы на базе разных форм: положительная восходит к аналитической конструкции *оъы=(п>в) ал=ган*, а отрицательная состоит из одной простой глагольной основы с аффиксом отрицания *=ва* и аффиксом лица.

Эти процессы показывают насколько быстро меняется бесписьменный язык, поэтому подобные процессы должны быть хорошо изучены для написания новых учебников и литературы для подрастающего поколения. В условиях трехъязычия многие носители предпочитают говорить на доминантном русском языке, потому что их язык нигде не используется кроме как в быту, среди своих. И несмотря на попытки возродить культуру и традиции своего народа, язык чалканцев находится на стадии исчезновения. Научные исследователи должны не только исследовать и зафиксировать исчезающий язык, но и издать учебники, литературы для чтения (особенно для детей), пропагандировать среди носителей о необходимости и важности сохранения их языка. Потому что язык представляет собой неотъемлемый компонент этнической культуры этноса. Сохранение языка и практика его использования является обязательным условием сохранения, поскольку именно в языке скрыто все многообразие культуры этноса.

Литература

Баданова Т.А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2011.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (*куу – кижи*). М., 1985.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава–Пб., 1875.

Жунисбек А. Введение в сингармоническую фонетику. Алматы, 2009.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., Наука, 1984.

Чемчиева А.П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: 2012.

ЯКНС – Языки и фольклор коренных народов Сибири. Экспедиционные материалы. Образцы текстов на тубаларском и чалканском языках / Под ред. Н. Н. Широбоковой, Н. Б. Кошкаревой. Новосибирск: 2003. Вып. 7. Ч. 1.

РУТУЛЬСКОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ: РЕАЛИЗАЦИОННЫЙ И ИНКРЕМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

К. В. Филатов

НИУ ВШЭ, Москва

Целью данного исследования является сравнение двух теоретико-морфологических подходов к описанию рутульского субстантивного склонения. Материалом исследования послужил список из 130 именных парадигм, собранных в ходе экспедиции в с. Кина Рутульского района Республики Дагестан в августе 2017 г.

Подавляющее большинство анализов, рассматривающих этот фрагмент рутульской грамматики, оперируют диахроническими данными, например [Махмудова 2002], [Алексеев 1985]. Отдельные грамматики воздерживаются от теоретического осмысления проблемы синхронного описания [Ибрагимов 1978] и [Alekseev 1994].

Пожалуй единственными попытками теоретической интерпретации рутульского субстантивного склонения являются работы А. Е. Кибрика: [Кибрик 1992, 2003], [Кибрик, Кодзасов 1990]. Однако все эти работы по своей идеологии относятся к ареальной типологии, и рутульские данные используются там фрагментарно.

Инкрементальные морфологические теории предполагают, что словоформы не имеют изначально того или иного грамматического значения и приобретают его путем присоединения аффиксов или применения морфологических правил, в то время как реализационные теории утверждают, что изначально присутствующие в архитектуре лексемы грамматические характеристики реализуются, получая определенное формальное выражение.

Теоретический фреймворк А. Е. Кибрика может быть определен как принадлежащий к множеству инкрементальных морфологических теорий. Использование подобного аппарата, как нам представляется, приводит к описательным проблемам с вычленимостью сегментов и определением вклада каждого из них в грамматическое значение словоформы.

Рутульское субстантивное склонение характеризуется большим количеством словоизменительных типов (см. Таблицу 1).

Применение реализационного подхода, по сравнению с инкрементальным позволяет решить в первую очередь проблему неясного морфологического статуса сегментов типа *-ta-*, *-ś-*, *-b-* (во мн. ч.); *-i-*, *-e-*, *-u-* и пр. (в ед. ч.), которые представляют собой переходное звено между морфонологическим наращением и морфемой, и которым в некоторых клетках парадигмы невозможно приписать никакого грамматического значения, а в некоторых — возможно.

Пользуясь формализмом теории парадигматических функций Г. Стампа (Paradigm Function Morphology, PFM) [Stump 2001], можно избежать постулирования незначимых показателей введением блока правил выбора основы. В то время как при инкрементальном анализе мы вынуждены были бы все же приписывать тому же показателю значение в определенной клетке парадигмы, например *xal-a* ‘house-obl[in.ess]’, PFM позволяет интерпретировать это как неудачу в формальной реализации граммемы.

Кроме этого, интерпретация данных при помощи PFM разрешает также и другие проблемы:

Проблема множественного выражения (multiple exponence) ср., например, форму *lix-e-ś-e* (*louse-DIR.PL-OBL.PL-ERG.PL*), при инкрементальном анализе.

Постулирование морфологических нулей для форм номинатива множественного числа ср. анализ [Кибрик, Кодзасов 1990: 293]

Проблема добавочных правил для описания умлятизации во множественном числе некоторых лексем (например, *śi* ‘брать’, *riś* ‘сестра’)

Причиной подобного парадигматического устройства рутульского субстантивного словоизменения может являться процесс, в [Кибрик 2003] называемый фоссилизация, то есть маскированная морфологизация показателей с потерей или размыванием их грамматического значения.

Таблица 1. Словоизменительные типы рутульского субстантива

	SG	PL	SG	PL
NOM	<i>xex</i> nose	<i>xexbir</i> nose:PL	<i>šu</i> brother	<i>šübe</i> brother:PL
OBL	<i>xexis</i> nose:DAT	<i>xeximis</i> nose:DAT:PL	<i>šus</i> brother:DAT	<i>šübešes</i> brother:DAT:PL
NOM	<i>juš</i> night	<i>jušbir</i> night:PL	<i>bil</i> foot	<i>bilabir</i> foot:PL
OBL	<i>jušes</i> night:DAT	<i>jušmis</i> night:DAT:PL	<i>bilira</i> foot:ERG	<i>bilabirmira</i> foot:ERG:PL
NOM	<i>bejni</i> brain	<i>bejnibir</i> brain:PL	<i>gunši</i> neighbour	<i>gunšijmar</i> neighbour:PL
OBL	<i>bejnijera</i> brain:ERG	<i>beijnigmira</i> brain:ERG:PL	<i>gunšijes</i> neighbour:DAT	<i>gunšijmašes</i> neighbour:DAT:PL
NOM	<i>sus</i> bride	<i>susmar</i> bride:PL	<i>t'ili</i> finger	<i>t'ilabir</i> finger:PL
OBL	<i>susikan</i> bride:COM	<i>susmaškan</i> bride:COM:PL	<i>t'iliijera</i> finger:ERG	<i>t'ilabara</i> finger:ERG:PL
NOM	<i>baluš</i> fish	<i>balušmar</i> fish:PL	<i>riš</i> sister	<i>rišbe</i> sister:PL
OBL	<i>balvura</i> fish:ERG	<i>balvumaše</i> fish:ERG:PL	<i>rišera</i> sister:ERG	<i>rišbiše</i> sister:ERG:PL

Библиография

- Alekseev 1994 — М. Е. Alekseev. Rutul // R. Smeets (ed.) Indigenous languages of the Caucasus. New York: Caravan books, 1994.
- Stump 2001 — G. T. Stump. Inflectional Morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М.: Наука, 1985.
- Ибрагимов 1978 — Г. Х. Ибрагимов. Рутульский язык. М.: Наука, 1978.
- Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Принципы организации именной парадигмы в дагестанских языках (сопоставительно-типологические наблюдения) // Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания. М.: Издательство Московского университета, 1992. Р. 80–99.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями // Константы и переменные языка. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. Р. 196–268.
- Кибрик, Кодзасов 1990 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Издательство Московского университета, 1990.
- Махмудова 2002 — С. М. Махмудова. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Дагестанский государственный университет, 2002.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА И ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

З. М. Халилова, М. Ш. Халилов

Институт литературы и искусства им. Г. Цадасы

В данной работе рассматривается морфосинтаксис личных имен в некоторых дагестанских языках (бектинский, хваршинский и аварский языки), а именно описываются морфосинтаксические способы кодирования посессивных отношений в именной группе (ИГ), состоящей из имен собственных.

Существительные подразделяются на имена собственные и нарицательные. Очень часто в большинстве языков имена собственные ведут себя иначе, чем имена нарицательные, в плане эксплицитного маркирования грамматических категорий. Традиционно во многих работах по ономастике освещается этимология личных имен, адаптация заимствованных личных имен, диахронический анализ, и подобные явления, но морфосинтаксический анализ собственных имен остается не изученным.

Главные грамматические различия между нарицательными и собственными именами в дагестанских языках – это специальная морфология для собственных имен, например, при оформлении множественного числа личных имен, оформление категории притяжательности/посессивности (при помощи специальных аффиксов); словообразование – деривационные суффиксы ограничены в употребление с личными именами. Это значит, что есть такие именные аффиксы, которые употребляются с личными именами, но никогда с нарицательными именами, и наоборот.

Главное отличие личных имен от нарицательных в некоторых дагестанских языках – использование уникальной морфологии при маркировании категории посессивности. В посессивной конструкции посессор, выраженный личным именем или термином родства, маркируется специальным показателем принадлежности и показателем генитива. Такая конструкция выражает родовую/семейную принадлежность. Посессор, выраженный личным именем или термином родства, в посессивной конструкции также может быть оформлен только генитивом. В таком случае, данная посессивная конструкция выражает общее обладание и собственно принадлежность.

В докладе будет подробно рассмотрена специальная морфология оформления личных имен в посессивных конструкциях в трех дагестанских языках, аварском, бектинском и хваршинском.

Литература

Гращенко П. В. Типология посессивных конструкций. // Вопросы языкоznания. № 3. 2007. С. 25–54.

Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. Типография дагестанского научного центра Российской Академии Наук. 2008.

Халилов М. Ш. Суффиксальное словообразование в субстантивах бектинского языка. Сборник статей «Вопросы словообразования дагестанских языков». Махачкала, 1986, с.18–29.

Khalilov, M., & Khalilova, Z. Das awarische Personennamensystem. In Andrea & Silvio Brendler (Ed.), Europäische Personennamensysteme: ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch. Hamburg: baar, 2007. pp. 80–90.

Khalilova, Z. A Grammar of Khwarshi. PhD dissertation, Leiden University. 2009.

ОПЫТ ОЖИВЛЕНИЯ НАНАЙСКОГО ЯЗЫКА

В. С. Харитонов

Музей истории Новгородского гуманитарного университета

Нанайский язык находится на последних фазах языкового сдвига — сейчас около 200–300 носителей из числа около 12 тыс.чел. нанайцев в России, использующие язык преимущественно в домашней сфере, сфере рыбалки и при общении с лингвистами. Мною были предприняты разнообразные меры по оживлению¹ языка в центре Нанайского района (сёла Найхин, Даерга, Троицкое, Джари, Дада) и удалённо с другими участниками нанайского сообщества. Происходит взаимодействие с носителями, молодёжью в этническом сообществе, учителями «родного языка», лингвистами, изучающими нанайский язык, органами власти, общественными организациями.

При работе с нанайским языком существует ряд положительных факторов:

- нанайцы проживают достаточно компактно, в соцсетях также существуют общие площадки для их общения;
- отсутствует активное национальное противостояние в регионе проживания нанайцев;
- тема языкового оживления близка молодёжи (в большей степени горожанам);
- нанайский язык активно представлен в школьном образовании (результаты пока скромные, но с этим можно работать).

Также наблюдаются типичные проблемы:

- общий консерватизм носителей, способствующий языковому сдвигу (убеждение в «исключительной правильности» своего идиома, часто противление литературной норме, негативное отношение к акценту у тех, кто учит язык);
- социальные проблемы, в первую очередь неготовность к самоорганизации, объективность в гражданском отношении, в ряде случаев замкнутость нанайского сообщества (это является также и положительным фактором), в целом невысокий экономический уровень, транспортные проблемы региона;
- неспособность учителей «родного языка» использовать современные педагогические приёмы, а также учитывать современные лингвистические представления о языке;
- стремление уехать из сельских районов, впрочем не такое сильное как в других регионах (в т.ч. связано с возможностью активно пользоваться льготами коренных малочисленных народов на вылов ценных пород рыбы).

О результатах моей работы говорить пока сложно, в т.ч. по причине удалённого проживания. В то же время возник ряд эффектов: так, в с. Дада ТАМ не только проводит ряд неформальных активностей, связанных с нанайским языком, но и при работе в школе каузирует использование пассивного владения нанайским языком родителями учеников; молодёжь регулярно консультируется по поводу изучения и использования языка. Созданы и работают площадки для общения о нанайском языке и по-нанайски, в которых спорадически бывает высокая активность.

Кроме социального взаимодействия разработан сайт по нанайскому языку, в работе несколько ресурсов для изучения нанайского языка, создание и обработка мультимедийной продукции и т.п.

Опыт по оживлению нанайского языка можно использовать для другим подобных языков, а также в дальнейшей деятельности по оживлению нанайского языка.

---

¹ Оживление (также языковой активизм, ревитализация, деятельность по языковой экологии, обратному языковому сдвигу и прочее) — меры по расширению сфер употребления языка и в конечном счёте по увеличению активных носителей языка.

АНАЛИЗ ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВ РОССИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ

В. С. Харитонов

Музей истории НовГУ

Ф. Г. Алексеев

НИУ ВШЭ СПб

Нами проводится комплексный анализ состояния языков России, и предварительная работа показала, что необходимо учитывать следующие факторы, связанные с положением языка:

Группа факторов, связанных с основными входными данными:

- количество носителей (также относительно этноса);
- наличие статуса в определённых границах (также размер такой территории), диаспоры вне этнической территории, а также расположение относительно других подобных территорий;
- наличие общепринятой литературной нормы (и сопутствующие факторы, такие как близкая языковая норма, большая диалектная раздробленность);
- использование языка в официальной сфере (в речи представителей власти разных уровней, для наполнения официальных СМИ, географических указателей).

Группа факторов, связанных с образованием:

- представление языка на разных уровнях образования — дошкольном, школьном, высшем (как предмета; как языка преподавания);
- курсы по изучению языка (онлайн и офлайн);
- организуются ли выездные многодневные («летние») языковые лагеря? Однодневные семинары?

Группа факторов, связанных с образовательным контентом на языке:

- наличие учебников для образовательных учреждений (несколько разнотипных?);
- наличие доступных самоучителей;
- наличие (современных) разговорников;
- наличие обучающих видеокурсов.

Группа факторов, связанных непосредственно с работой лингвистов:

- уровень документации языка (наличие корпуса, обработанных материалов на языке);
- разработка лингвистических инструментов (словарь, парсер/анализатор);
- наличие «свежего» грамматического описания языка.

Группа факторов, связанных с наличием контента на языке:

- как представлен язык в СМИ (есть (не)регулярные программы на телевидении / радио, существуют блоги на языке и т. п.);
- выпускаются ли (мульти)фильмы на языке (и их количество), клипы, музыкальные композиции;
- литература, периодика на языке, их доступность в электронном виде.

Группа факторов, связанных с языковым активизмом:

- сколько человек активно занимаются языковым активизмом? (общественные организации, причём учитывается их акцент именно на языковом вопросе);
- представление языка в соцсетях, сайты с подборками материалов.

На данный момент проведён предварительный анализ нескольких языков России по такой системе, выявляются её недочёты, а также ведётся работа по другим языкам.

Как вытекающие эффекты из такой работы нам представляются:

Обнаружение «слепых зон» отдельных языков и взаимодействие с различными заинтересованными лицами на тему устранения существенных лакун, например лингвистическое сообщество может быть заинтересовано в разработке грамматики, корпуса и т. п., которыми могли бы в свою очередь пользоваться разработчики учебных материалов и педагоги; творческая интеллигенция могла бы обратить внимание на отсутствующие виды контента и т.п.

Публикование результатов на едином ресурсе для возможности удобного поиска контента и пользования носителями, изучающими язык и преподавателями.

**ФАКТОРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВИТАЛЬНОСТИ
В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ:
ВНУТРЕННИЕ VS. ВНЕШНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО,
ЯКУТСКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Э. В. Хилханова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Государства в современном мире, несмотря на процессы глобализации и демократизации, еще более уверенно претворяют в жизнь концепцию национальных государств (*nation-states*). Примеров политики строения национального государства множество, прежде всего в странах постсоветского ареала (Казахстан, страны Балтии, Украина и др.). Российская Федерация также сменила политический курс от «парада суверенитетов» 1990-х годов до «имитационного федерализма» 2000-х годов. Смена политического вектора непосредственным образом сказывается на положении языков Российской Федерации, количество которых, по последним данным, варьируется от 150 до 290 [Коряков 2018, с.369–370]. Современная государственная политика РФ, направленная на укрепление единства страны, построение «вертикали власти», в языковом аспекте выливается в поддержку русского языка, что проявляется в ряде таких мер, как введение ЕГЭ только на русском языке, законопроекте № 438863–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» 2018 г.» и др. Усиление поддержки одного, государственного языка ведет к изменению удельного веса факторов, влияющих на витальность миноритарных языков.

Весь комплекс факторов лингвистической витальности можно разделить на три группы: 1) *внешние* (политические, исторические, демографические и т.д.), 2) *внутренние* (субъективные, прагматические и фактор идентичности) и 3) *собственно лингвистические* (отсутствие понятия в миноритарном языке, недостаточная языковая компетенция говорящих и др.). Удельный вес данных факторов неодинаков: политический фактор, фактор государственности является главенствующим. В данной статье мы хотели бы остановиться на факторе этнической идентичности, который порой один стоит на чаше весов в пользу миноритарного языка. Другими словами, осознание своего этнического «я» или «мы» является фактически единственным основанием и стимулом для сохранения и использования этнического языка. Все остальные факторы, как правило, «работают» в пользу мажоритарного языка. Далее тезис о важности этноидентификационного фактора будет рассмотрен на примере трех сибирских этносов, имеющих республиканскую автономию¹: бурятского, якутского и тувинского.

Степень витальности данных языков неодинакова: якутский и тувинский находятся в гораздо лучшем положении, чем бурятский. У тувинцев уровень владения родным языком был и остается высоким. По переписи 2010 г. 96,7% тувинцев указали владение тувинским языком. У якутов численность владеющих якутским языком составляет 86 % среди всех представителей данной национальности, у бурят – 42,8% [ВПН РФ 2010]. Конечно, тут действуют и другие факторы, в частности демографический: тувинцы составляют демографическое большинство в Республике Тыва (81%), якуты – 48,7% от общего количества населения в Республике Саха (Якутия), в то время как буряты – всего 29,5%. Тем не менее, витальность языка нельзя свести к одному демографическому или другим внешним факторам. Степень национального самосознания и этнической самоидентификации в Республиках Тыва и Саха (Якутия) традиционно высока, и это напрямую обуславливает витальность языков данных этносов. Так, в статье Ламажаа Ч. К.-О. говорится: «Тыва — территория с сильно этнически маркированным пространством. Здесь этничность определяет многое: особенности политической

---

¹ Равенство юридического статуса было важно для сравнительного анализа.

жизни, особенности социокультурных процессов [...]. Здесь конфликты сразу обретают формы межэтнических разбирательств, даже если в их основе иные причины (экономические и пр.). [...]. Специфичность Тувы — в высокой степени этничности» [Ламажаа 2016, с. 42].

Касательно Якутии в научных исследованиях прямо не говорится о том, что этническая идентичность, ощущение национальной гордости у якутов сильно выражено, но некоторые материалы все же можно найти. Напр., в диссертации Васильевой М.И. сказано: «Якуты стали ближе к своему этносу, проявляют больше обеспокоенности за его судьбу. [...]. Усиление этноаффилиативных ориентаций, стремления следовать правилам нормам своего народа, привели к некоторому сужению ареала пользования русским языком в городе, увеличению численности горожан, практикующих двуязычие» [Васильева 2001]. В ненаучном дискурсе, в частности в интернете люди гораздо прямее выражают свое мнение о таких щекотливых вопросах: «Якуты националисты. В Якутии процветает здоровый и вполне адекватный национализм. Люди любят свою историю и традиции, помнят о том, что было раньше и следуют своим канонам. У многих народов это практикуется либо искусственно, либо среди определенных кругов. Сам факт того, что вся республика выходит на Ысыах (абсолютно языческий праздник), говорит о том, что частная жизнь здесь намного важнее светской» [Впечатление уральца...].

Таким образом, характер этнической идентичности, развитость национального самосознания играет чрезвычайно важную роль в витальности миноритарных языков. Конечно, витальность того или иного языка всегда обусловлена комплексом факторов: так, напр., витальность тувинского языка обусловлена и поздним вхождением в состав СССР, и отсутствием железной дороги, и преобладанием сельского населения. Но ни один из этих факторов неприменим к Якутии, хотя при этом данные республики имеют схожую языковую ситуацию, где высокий уровень витальности миноритарного языка базируется на ярко выраженном чувстве этнической идентичности.

Литература

Васильева М. И. Этническая идентичность современных якутов: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Улан-Удэ, 2001. 167 с.

Коряков Ю.Б. Языки России: сколько же их? // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкоznания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: Языки Народов Мира, 2018. – 752 с. – С. 365–370.

Ламажаа Ч. К. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. – С. 32–51.

Материалы переписей населения

Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8> (дата обращения: 06.01.2014).

Материалы СМИ

Впечатление уральца про Якутию... [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pikabu.ru/stories/vpechatlenie_uraltsa_pro_yakutiyu_3857998 (дата обращения: 30.11.2018).

ОБ УСЛОВИЯХ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Б. Ж. Цыбденова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

В настоящее время положение языков многих коренных малочисленных народов России, так же как и других стран вызывает тревогу и обеспокоенность их носителей, общественность, лингвистов и обществоведов. Процессы урбанизации и все возрастающей глобализации с ее информационными и коммуникационными технологиями, сложившиеся политический, экономический, лингвистический, демографический, исторический факторы не благоприятствуют сохранению языка – главного культурного наследия любого этноса. Языковые групповые стратегии, языковые ориентации людей, т.е. выбор языка изучения, общения в разных сферах общения, определяют степень социализации, социальной мобильности индивида и межэтнической интеграции.

В декабре 2018 г. нами проведен социологический опрос в форме анкетирования. Объектом исследования выступило население г. Улан-Удэ Республики Бурятия (бурятской национальности) в возрасте от 16 лет и выше. Анкета составлена с целью получения достоверной эмпирической информации о языковых ориентациях респондентов и мнения респондентов относительно мер и условий сохранения бурятского языка. Анкета включает 5 вопросов: 1) Языковые предпочтения респондента (выбор языка изучения для детей); 2) Причина выбора русского языка как родного; 3) Причина выбора бурятского языка как родного; 4) Мнение респондентов об условиях сохранения бурятского языка; 5) Данные о респонденте (пол, возраст, национальность, образование, род деятельности (См. анкету в приложении 1). Выборочная совокупность составила 100 чел. разных социальных слоев и групп городского бурятского населения.

Рассмотрим результаты проведенного мини-опроса.

Недавно Госдума приняла закон об изучении родных языков, в соответствии с которым родной язык остается в обязательной части школьной программы. При этом родители учеников смогут выбрать в качестве родного как национальный язык, так и русский язык, написав заявление. Большинство опрошенных по поводу этого закона считают, что их дети должны изучать оба языка (русский и бурятский) – 83% или 95% (поскольку еще 12% назвали бурятский язык).

При этом респонденты объясняют выбор изучения бурятского языка как родного тем, что:

- это их родной язык – 36 %;
- чтобы знать свою культуру и язык – 46 %;
- чтобы передавать язык будущим поколениям – 35 %;
- бурятский язык – второй государственный язык РБ – 18 %.

Большинство респондентов предпочитают, чтобы их дети изучали в школе русский язык как родной, поскольку русский язык – язык межнационального общения в РФ (52%), это их родной язык (32%).

По результатам проведенного опроса важными условиями сохранения языка для будущих поколений являются:

- деятельность общественных организаций по распространению языка и расширению социальных функций языка – 40 %;
- рост этнического и языкового самосознания представителей коренного этноса – 45 %;
- введение льгот, таких как дополнительные баллы при поступлении в ВУЗы, особенно на филологический факультет – 11 %;
- увеличение дохода (определенные надбавки за знание и владение языком) – 11 %;

– наличие карьерных возможностей и доступа к власти (необходимость знания бурятского языка в государственных структурах, учреждениях культуры, образования, здравоохранения) – 19%;

5% респондентов считают, что нужно закачать курсы бурятского языка как приложение в телефоне; необходима заинтересованность на правительственном уровне, нужно использовать весь правительственный аппарат, министерства; обязательность знания бурятского языка в государственных структурах, учреждениях культуры, образования и здравоохранения; чиновники, работающие в национальных республиках, должны владеть языком национальной республики.

Таким образом, проведенный социологический мини-опрос позволяет нам сделать следующие выводы.

В свете недавно принятого Закона об изучении родных языков большинство респондентов бурятской национальности желают, чтобы их дети изучали в школе оба языка (русский и бурятский).

Следует отметить, что положение языка не ухудшится при условии, если взрослое население, а именно родители сознательно будут отдавать детей в классы и группы с изучением (кроме русского языка) бурятского языка. Со знанием бурятского языка должны быть связаны льготы, такие как дополнительные баллы при поступлении в ВУЗы, особенно на филологический факультет, такие материальные вознаграждения как доход (определенные надбавки за знание и владение языком), карьерные возможности и доступ к власти (необходимость знания бурятского языка в государственных структурах, учреждениях культуры, образования, здравоохранения).

Примечания

R. M. Bienvenue. Symbolic and Material interests in Language Policy Disputes: A Canadian Case // Social Science Quarterly, Volume 71, Number 4, December 1990. С 1990 By the University of Texas Press.

Приложение 1

АНКЕТА

Просим вас принять участие в социологическом опросе. Для заполнения анкеты необходимо обвести кружком номер того варианта, который соответствует Вашему мнению, либо дописать свой ответ на свободных строках.

1. Недавно Госдума приняла закон об изучении родных языков, в соответствии с которым родной язык остается в обязательной части школьной программы. При этом родители учеников смогут выбрать в качестве родного как национальный язык, так и русский язык, написав заявление. Какой язык, по вашему мнению, должны изучать ваши дети?	
Русский язык	1
Бурятский язык	2
Оба языка	3
Другое мнение (напишите)	4
2. Если Вы предпочитаете, чтобы ваши дети изучали в школе русский язык как родной, то почему?	
это их родной язык	5
чтобы успешно конкурировать при поступлении в ВУЗы Москвы, Санкт-Петербурга и других городов	6
русский язык позволяет овладеть достижениями мировой культуры	7
русский язык – язык межнационального общения в РФ	8
другое мнение	9

3. Если Вы предпочитаете, чтобы ваши дети изучали в школе бурятский язык как родной, то почему?	
это их родной язык	10
чтобы знать свою культуру и язык	11
чтобы передавать язык будущим поколениям	12
бурятский язык – второй государственный язык РБ	13
другое мнение	14
4. Как вы считаете, какие факторы и меры позволяют сохранить национальный язык (бурятский) для будущих поколений?	
деятельность общественных организаций по распространению языка и расширению социальных функций языка	15
рост этнического и языкового самосознания представителей коренного этноса	16
введение льгот, таких как дополнительные баллы при поступлении в ВУЗы, особенно на филологический факультет	17
увеличение дохода (определенные надбавки за знание и владение языком)	18
наличие карьерных возможностей и доступа к власти (необходимость знания бурятского языка в государственных структурах, учреждениях культуры, образования, здравоохранения).	19
другое мнение	20
5. Для статистической обработки информации просим Вас указать следующие сведения о себе:	
Ваш пол: Женский	21
Мужской	22
Возраст (укажите)	23
Национальность (напишите)	24
Образование (укажите)	25
Род Вашей деятельности (напишите)	26

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИХ СОХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Б. Д. Цырендоржиева

Бурятский государственный университет /

Бурятский республиканский институт образовательной политики

Современная языковая ситуация по бурятскому языку представляет собой противоречивый клубок вопросов, который необходимо решить действующим ученым, как филологам, так и методистам, а также основным актором остается обычный носитель языка.

В этом отношении, система образования занимает промежуточную и практически ключевую позицию в вопросе сохранения и развития любого языка. Поэтому стратегическое планирование развития родного бурятского языка в современном обществе, в частности, в системе образования на всех уровнях – дошкольном, школьном, среднем профессиональном, вузовском необходимо и важно. Поскольку закрепление и развитие (а также и формирование) языковой, речевой, социокультурной компетенций у подрастающего поколения бурят осуществляется, в первую очередь, при изучении родного языка, что способствует формированию (сохранению) их этнической идентичности.

Какими законодательными актами и организационными процедурами регулируется преподавание родных языков, в том числе бурятского языка в современной системе общего образования?

Обратимся для начала к истории вопроса. Как показывает история бурятского языка, на функционирование языка оказали влияние школьные реформы языкового образования СССР 1960-х гг. В результате реализации закона 1958 г. «Закон об укреплении связи с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР» в бурятских национальных школах было осуществлено «последовательное вытеснение преподавания на родных языках преподаванием на русском не только на уровне из среднего (5–8 классы) но и из начального (1–4 классы) звена национальной школы» [1:97]. В настоящее время в республике нет ни одной школы, детского сада с родным языком обучения. В общеобразовательных организациях сохранилось и развивается преподавание отдельного учебного предмета «Бурятский язык как родной», нормативно-правовое, организационно-методическое, учебно-методическое обеспечение которого осуществляют исполнительные органы государственной власти республики, а также подведомственные им организации дополнительного профессионального образования, региональные издательства. Кроме того, достаточно хорошо в методическом и содержательном плане обеспечен учебный предмет «Бурятский язык как государственный».

Вместе с тем, можно констатировать, что возврат к обучению на родном языке даже на уровне начального общего образования вряд ли возможен в ближайшие два – три года, в силу ряда современных федеральных требований, предъявляемых к организации учебного процесса в детском саду и в школе. Это касается перевода действующих учебно-методических комплексов на родные языки (в том числе бурятский язык) и соответствующей экспертизы для их допуска к использованию в процесс преподавания родного языка. А также действующие требования федеральных государственных образовательных стандартов, основной образовательной программы, утвержденного на федеральном уровне перечня учебников для общеобразовательных организаций в определенной степени создают барьеры для преподавания на родном языке в школе и детском саду.

Одним из вариантов улучшения ситуации с преподаванием на родном языке может стать законодательное закрепление и признание статуса «национальной школы» за общеобразовательной организацией, в которой преподавание как минимум 5 учебных предметов осуществлялось бы на родном (в нашем случае, бурятском) языке. Понимая заинтересованность родителей в том, чтобы их дети успешно сдавали итоговые экзамены на государственном

языке Российской Федерации, возможно в этом случае преподавать бурятский язык, бурятскую литературу, изобразительное искусство, физическую культуру, технологию, культуру Бурятии и ряд других учебных предметов на родном языке.

Подобные школы возродили бы национальную бурятскую школу в обновленном варианте, отражающем современные тенденции языковых и культурных потребностей бурят.

Кроме того в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 29.12.2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в системе общего образования осуществляется «свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам...» [2]. Согласно данной статье, в российской системе образования равный статус придается языкам «русский язык родной», «государственный язык субъекта РФ», «родной язык из числа языков народов РФ». Другими словами, можно сказать, что проведена линия в образовательной системе: «государственный язык Российской Федерации», которым является русский язык, с одной стороны, и все остальные языки народов Российской Федерации, с другой стороны. При этом статус «государственный язык республики Российской Федерации» нивелирован до уровня «родной язык народа Российской Федерации». А статус государственного языка Российской Федерации, в принципе, в достаточной степени обеспеченный обязательным количеством часов, выделенных на его изучение, усилен введением еще дополнительных часов на его изучение «как родного». В этой ситуации можно предполагать, что наибольшему вытеснению из школьных программ подвергнуться, в первую очередь, языки национальных республик Российской Федерации, обладающие в регионе статусом государственного.

Другой момент, на котором хотелось бы остановиться, это определение понятия «родной язык». Как известно, это достаточно многокомпонентное, противоречивое междисциплинарное понятие, которое одновременно относится к разным отраслям науки, таким как социолингвистика и этнология [3:15]. При этом согласно различным концепциям существует различная классификация понятия «родной язык», когда за основу определения берутся разные критерии: порядок и тип усвоения языка (*родной язык обычно первый и усвоенный естественным путём, без специального обучения, от родителей-носителей языка*), качество усвоения (*родной язык – тот, на котором индивид осуществляет мыслительную деятельность, лучший язык индивида*), язык этнической самоидентификации (*родным языком признаётся язык народа или этнической группы, к которой относится человек, язык, связывающий его с предыдущими поколениями, их духовными приобретениями, служащий фундаментом этнической и национальной самоидентификации*).

К сожалению, в настоящее время нет никаких разъяснительных документов, согласно которым необходимо проводить организацию выбора родного языка обучающихся в школах. В этом отношении, в регионах страны, а если точнее, в каждой общеобразовательной организации реализация данного пункта Федерального закона «Об образовании» может идти по различным вариантам. Для миноритарных языков, какими являются практически все языки народов России, в ситуации, когда часть народа не владеет родным (этническим) языком, есть опасная тенденция уменьшения количества изучающих родной язык обучающихся. Снижение количества изучающих язык своего народа может произойти из-за путаницы вариантов понятия «родной язык» с точки зрения порядка усвоения или национальной идентификации. Для того чтобы избежать подобного варианта развития сценария преподавания родного языка в школах необходима разъяснительная, пропагандистская работа среди педагогического, родительского сообщества.

Как показывает анализ материала по функционированию родного (бурятского) языка в системе общего образования, есть ряд вопросов организационного регулирования, норма-

тивно-правового обеспечения его преподавания. Вместе с тем, как известно, что одним из эффективных путей поддержания и развития любого языка является его преподавание, или преподавание ряда дисциплин на родном языке. Существует, конечно, много проблем, относящихся к содержательному плану преподавания родного (бурятского) языка. Однако, при отсутствии стабильной сбалансированной системы национального образования необходимо, в первую очередь, решить вопросы базисного фундамента языковой общеобразовательной политики. Поскольку вопросы по передаче родного языка от действующего поколения к последующему сосредоточены, наряду с семьей, прежде всего в сфере общего образования.

Литература

Елаев А.А. История бурятского языка/А.А. Елаев. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. – 128 с.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ

Дьячков М. В. Социальная роль языков в многоэтнических обществах // М.В. Дьячков. Пособие для университетов и педагогических институтов. — М.: ИЯНР и ИНПО, 1993. — 115 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

С. И. Шарина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Изучение исчезающих миноритарных языков решает безотлагательную задачу фиксации и документации языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также выявления путей формирования языковых идиомов, локусов их взаимодействия и взаимовлияния, внесения корректив в классификацию говоров и диалектов рассматриваемого этноареала.

Хотя усилиями многих исследователей XIX – нач. XXI вв. собраны и опубликованы обширные материалы по многим диалектам и говорам эвенского языка, отдельные эвенские идиомы еще не получили освещения в литературе, некоторые из них не имеют системного описания, возможно даже, что не все и выявлены. Полевые исследования территориальных вариантов эвенского языка еще далеки от завершения. Наиболее хорошо изучен лишь восточный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), на территории же Якутии исследования не доведены до логического конца. Для воспроизведения полной картины диалектов и говоров эвенского языка возникает необходимость сбора материалов по отдельным местам проживания эвенов, особенно в северном и северо-западном ареалах (нижнеколымский, бассейн Яны, Индигирки и т.д.)

Доступные ныне языковые материалы по отдельным районам Якутии не отвечают современным требованиям, что не позволяет установить ареал распространения тех или иных диалектов, определить междиалектные границы, решить таксономический вопрос о разграничении или объединении говоров среднего и западного наречий. Существенно при этом учесть то, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой территориальной единицы может быть осмыслено только при сопоставлении с диалектами соседних районов, зачастую относящимся к другим субъектам РФ и требующих специальных полевых исследований. Касательно эвенских говоров также выясняется, что наблюдаемый ныне лингвистический ландшафт может быть обусловлен только особенностями истории этноса и динамики его ареала. Сложность описания говоров эвенов Якутии обусловлена и тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях – это объясняется двуязычием и многоязычием носителей, влиянием якутского языка и т.п. В данной связи привлекают внимание исследователей и особенности контактирования диалектов и говоров в зонах языкового пограничья.

Сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных эвенских идиомов, системного описания говоров и диалектов эвенского языка, выявления их лингвистических особенностей, систематизации имеющихся данных. Требуется существенно дополненная и уточненная классификация, основанная на собственно лингвистических признаках говоров и диалектов, отличающих данные языковые формации друг от друга, по особенностям фонетики и надежно установленных особенностях морфологии, наиболее ярким особенностям говоров в части лексики. Предусматривается обобщение текстовых материалов по недостаточно изученным диалектам и говорам, в первую очередь, на территории Якутии. При этом важно учесть специфику функционирования эвенского языка в современных условиях и особенности этнокультурной ситуации.

Классификация идиомов эвенского языка должна основываться на собственно лингвистических дистинктивных признаках говоров и диалектов. В ней должны быть обобщены некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными.

Исследования по функционирующему ныне говорам и диалектам эвенского языка имеют прикладное значение для лексикографии (составление словарей и атласов), для разработки

академической грамматики эвенского языка, для выполнения задачи максимально полного описания языков малочисленных народов Севера.

Литература

- Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку// Тунгусский сборник. Выпуск 1. Л., 1931. С.1–108.
- Бурыкин А.А. К фонологической интерпретации некоторых явлений в вокализме диалектов эвенского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск. 1986. С. 57–63.
- Бурыкин А.А. Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского края // Лингвистические исследования 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней. М., 1988. С. 46–53.
- Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб., Петербургское востоковедение, 2004.- 374 с.
- Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенского языка. СПб: Наука, 1995 – 144 с.
- Дуткин Х. И., Белянская М. Х. Тундrenный диалект западного наречия эвенского языка: этнолингвистическое и этногеографическое исследование. СПб.: Бельведер, 2009 – 168 с.
- Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. – 112 с.
- Лебедев В.Д. Момский говор эвенского языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1970. – 20 с.
- Лебедев В.Д. Особенности языка пенжинских эвенов Камчатки // Отчет 1978 а (рукопись).- Архив ЯФ ЧО АН СССР, ф.5, оп. 14, ед. хр. 38.
- Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. – 207 с.
- Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. – 241 с.
- Новикова К.А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР// Докл. и сообщ. Ин-та языкоznания АН СССР. М., 1958а. Вып. 11. С. 186–205.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л., 1961. – 263 с.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 2. Л., 1980. – 244 с.
- Ришес Л.Д. Арманский диалект эвенского языка: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1947. 20 с.
- Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л., 1989.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1 (А–Н). Л., 1975; Т.2 (О–Э). Л., 1977.
- Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. – 270 с.
- Шарина С.И. Некоторые особенности языка усть-янских эвенов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013, №6 (26). С. 152–157.
- Шарина С.И., Петрова В.А. Система гласных фонем в томпонском говоре эвенского языка // Инновации в науке. Сборник статей по материалам XXV международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С. 137–142.
- Шарина С.И. Некоторые особенности языка нижнеколымских эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №8, Ч.II. С. 191–193.
- Sharina S.I. Some Features of the Language of Verkhnekolymsky Evens. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2014. T.7, №10. C.1738–1742.

EVEN DIALECT SYSTEM

Sardana Sharina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North

The study of endangered minority languages solves the urgent problem of fixing and documenting endangered languages, as well as identifying ways of forming language idioms, locus of their interaction and two-way influence, making corrections to the classification of dialects and

dialects of the considered ethno area. Although the extensive materials on many dialects and dialects of the Even language have been collected and published by efforts of many researchers of XIX-beg. XXI centuries.; some Even idioms have not yet been covered in the literature, some of them do not have a system description, it is even possible that not all have been identified. Field studies of the territorial variants of the Even language are far from complete. Only the eastern habitat of the Evens living area (Kamchatka, Chukotka, Magadan Oblast, Khabarovsk Territory) is the most well studied, but in the territory of Yakutia, research has not been brought to its logical conclusion. To reproduce the full picture of the dialects and idioms of the Even language, there is a need to collect materials on separated living areas of Evens people, especially in the north and north-west areas (Nizhnaya Kolyma, Yana basin, Indigirka, etc.)

The language materials currently available in individual regions of Yakutia do not meet modern requirements, which does not allow to establish the distribution area of various dialects, define inter-dialectic boundaries, and solve the taxonomic question of delimiting or combining the middle and western dialects. It is important to consider the fact that modern linguistic boundaries of the dialects do not coincide with the administrative borders, and therefore the linguistic division of each territorial unity can be understood only when compared with the dialects of neighboring regions, often belonging to other subjects of the Russian Federation and requiring special field studies. Regarding the Even dialects, it also turns out that the linguistic observed landscape now can only be due to the features of the history ethnus and the dynamics of its area. The complexity of the description of the Yakutia's Evens dialects is also due to the fact that these dialects are characterized by a high degree of variability at all language levels – this is explained by the bilingual and multilingual speakers, the influence of the Yakut language, etc. In this connection, the attention of researchers is attracted by the features of the contacting dialects and dialects in the zones of language borderlands.

Nowadays, linguists are faced with the problem of clarifying the territories of distribution of individual Even idioms, the systemic description of the dialects and idioms of the Even language, the identification of their linguistic features, and the systematization of the available information. A substantially supplemented and refined classification is required, based on the linguistic features of the dialects and idioms that distinguish these language formations from each other, on the features of the phonetics and reliably established features of the morphology which are the brightest features of the dialects in the lexicon. It provides for a generalization of text materials for insufficiently studied dialects and dialects, primarily in the territory of Yakutia. At the same time, it is important to consider the specifics of the Even language functioning in modern conditions and the characteristics of the ethnocultural situation.

The classification of the idioms of the Even language should be based on the linguistic distinctive features of the dialects and idioms. It should summarize some dialects and idioms, which material were absent in the literature or were not complete enough.

Studies on the currently functioning conversations and dialects of the Even language have applied importance for lexicography (composition dictionaries and atlases), for developing academic grammar of the Even language, for performing fully specification of the languages of indigenous people of the North.

References

1. Bogoraz V.G. Materials on the Lamut language // Tungus collection. Issue 1. L., 1931. C.1–108.
2. Burykin A.A. Towards a phonological interpretation of some phenomena in the vocalism of the dialects of the Even language // Phonetics of the languages of Siberia and adjacent regions. Novosibirsk 1986. pp. 57–63.
3. Burykin A.A. The lexical features of the dialects and dialects of the Evens of the Okhotsk district of the Khabarovsk Territory // Linguistic Studies 1988. The Problem of the Interaction of Language Levels. M., 1988. S. 46–53.

4. Burykin A.A. The language of the small people in its written form (on the material of the Even language). St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2004.- 374 p.
5. Dutkin H.I. Allaikhovskogo Even language. St. Petersburg: Science, 1995 – 144 p.
6. Dutkin Kh. I., Belyanskaya M. Kh. Tundrenny dialect of the western dialect of the Even language: ethno-linguistic and ethno-geographical research. SPb .: Belvedere, 2009 – 168 p.
7. Kuzmina P.P. The language of the Lamunkh Evens. Novosibirsk: Science, 2010. – 112 p.
8. Lebedev V.D. Moma speaking Even language: Avtoref. dis. Cand. filol. Sciences.- L., 1970.-20 p.
9. Lebedev V.D. Features of the language of the Penzhin Evens of Kamchatka // Report 1978 a (manuscript). - Archive of Nuclear Physics of the Academy of Sciences of the USSR Academy of Sciences, f. 14, units xp 38
10. Lebedev V.D. Language Evens Yakutia. L .: Science, 1978. – 207 p.
11. Lebedev V.D. Okhotsk dialect of Even language. L .: Science, 1982. – 241 p.
12. Novikova K.A. The main features of the Even dialects of the Yakut ASSR // Dokl. and message Inst. Of linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. M., 1958a. Issue 11. pp. 186–205.
13. Novikova K.A. Essays dialects of the Even language: Olsk dialect. Part 1. M .; L., 1961. – 263 p.
14. Novikova K.A. Essays dialects of the Even language: Olsk dialect. Part 2. L., 1980. – 244 p.
15. Riches LD Arman dialect of Even language: Author's abstract. diss. Cand. filol. sciences. L., 1947. 20 p.
16. Robbek V.A. Even Berezovka language. L., 1989.
17. Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages. T. 1 (A – H). L., 1975; T.2 (O – Ǝ). L., 1977.
18. Zincius V.I. Essay grammar of the Even (Lamut) language. L .: Uchpedgiz, 1947. – 270 p.
19. Sharina S.I. Some features of the Ust-Yans Evens language // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2013, № 6 (26). Pp. 152–157.
20. Sharina S.I., Petrova V.A. The system of vowel phonemes in the Tompon dialect of the Even language // Innovations in science. Collection of articles on the materials of the XXXV international scientific-practical conference. Novosibirsk: Izd. SibAK, 2013. p. 137–142.
21. Sharina S.I. Some features of the language of the Lower Kolyma Evens // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Letter, 2014. №8, Part II. Pp. 191–193.
22. Sharina S.I. Some Features of the Language of Verkhnekolymsky Evens. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2014. V. 7, №10. P.1738–1742.

НЕФИНИТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД С НАПОЛНЕНИЕМ БАНКА ДАННЫХ

С. Х. Шихалиева

ИЯЛИ ДНЦ РАН

1. Постановка задачи: методика корпусного исследования
  - исследовать инструмент изучения лексики и грамматики;
  - отслеживать изменение лексики с течением времени;
  - проводить статистические исследования в электронной форме.
2. В настоящее время электронный ресурс табасаранского Словаря размещен на веб-сайте www.tabasaran.webonary.org и открыт для свободного доступа¹
  - состав электронного корпуса - проза на табасаранском языке;
  - объем электронного корпуса - около 5 тыс. словоупотреблений;
  - грамматическая разметка лексем и сочетание словоформ.
3. Примеры запросов - метод сплошной выборки
  - найти все употребления словоформы *аплúз* «делать»;
  - найти употребления лексемы *аплúз* «делать» с характеристиками классов «мочь / хотеть / начинать»;
  - найти употребления словаформы *аплúз* «делать» с освоением лексического разнообразия классов (рефлексивные / нерефлексивные);
4. Глагол как синтаксическая вершина предложения регистрирует освоение словоформы
  - зависимого элемента INF // PTCP // MSD // CNV;
  - коррелят фразеологического ряда INF $\vee$ PTCP $\vee$ MSD $\vee$ CNV.
5. Выводы: выявить три типа нефинитных конструкций (на табасаранском литературном языке)
  - типы с указанием группы зависимого элемента – соотносительные рефлексивные / несоотносительные рефлексивные / частично-соотносительные рефлексивные;
  - типы с указанием деривата зависимого элемента – приставочные / суффиксальные / приставочно-суффиксальные;
  - типы семантических полей с коррелятами конструкций Словаря «Нового Завета».

Литература

- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1990. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Из-во МГУ.
- Кибрик А.Е. (ред.) 2005. Малые языки и традиции: существование на грани. Выпуск 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство.
- Майсак Т.А. 2008. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка (отв. ред. М. Е. Алексеев). М.: Akademia. С.162 – 223.
- Мельчук И.А. 1998. Курс общей морфологии. Т. 2. М.-В.: Языки русской культуры.
- Плунгян В.А. 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. Русский язык в научном освещении. № 2 (16). М. С.7–20.
- Теньер Л. 1988. Основы структурного синтаксиса. Редкол.: Г.В.Степанов и др.. М.: Прогресс.
- Шихалиева С.Х. 2004. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Махачкала: Юпитер.

¹ https://scripts.sil.org/cms/scripts/page.php?cat_id=RenderingTechnologies

О РАЗРАБОТКЕ АЛФАВИТА ДЛЯ ЯЗГУЛЯМСКОГО ЯЗЫКА (ПАМИР)

Д. И. Эдельман

Институт языкоznания РАН

Язгулямский язык — один из языков Памира, принадлежит к севернопамирской генетической подгруппе восточной группы иранских языков. Бытует в долине Язгулям на Западном Памире и в среде выходцев оттуда в других регионах. Служит средством устного общения носителей языка. Языком письменности, школы, культуры, официальной сферы, СМИ является государственный таджикский язык. Он же служит *lingua franca* при общении язгулямцев с носителями других памирских языков.

До середины XX века долина Язгулям была в глубокой изоляции от «большого мира»: только в начале 1940-х годов была построена машинная дорога, проходившая мимо устья долины, а вверх по долине вели только пешие и конные тропы, прерываемые в ряде мест искусственными карнизами «ковингами». Это обусловило сохранение в быту и в языке глубоких архаизмов. Язык изучался лингвистами, запись материала и его публикация осуществлялись в международной иранистической транскрипции на латинской основе.

В настоящее время для языков Памира разрабатываются алфавиты на основе таджикского (который, в свою очередь, базируется на русском), с дополнением латинских и греческих букв и диакритик, по принципу 1 фонема = 1 буква. Начали печататься детские книжки на памирских языках: шугнанском, рушанском и ваханском. Методика подготовки этих книг тщательно разработана: они снабжены учебной таблицей алфавита, где к каждой букве приводится слово на родном языке и его перевод на таджикский и русский языки. Поскольку эти книжки предназначены для детей от 2-х до 6-и лет, то данная таблица полезна не только для детей, но и для взрослых, которые читают такие книжки малышам. Тем самым решаются две проблемы: развитие речи ребенка и обучение взрослого (привыкшего читать по-таджикски) алфавиту и чтению письменного текста на родном языке. Книги издаются усилиями Общества NGO «Нур» («Свет») при международной поддержке. Сейчас Общество «Нур» намерено подготовить такие книжки и на язгулямском языке. В связи с этим, по просьбе «Нура» разработан проект язгулямского алфавита, следующий тому же принципу, что и алфавиты для других памирских языков. В нем учтена сложность язгулямской консонантной системы (наличие серий палатализованных и лабиализованных согласных), при относительной простоте вокализма, в отличие от инвентаря фонем других памирских языков. Образец учебной таблицы алфавита с примерами язгулямских слов и с их переводом на таджикский и русский языки приложен к данным тезисам.

Алфавит для язгулямского языка

Буква	Язгулямский	Таджикский	Русский
A a	аз	ман	я
Ā ā	нāн	модар	мама
B b	бэбāн	зин	седло
V v	ваз	буз	коza
W w	wapŕ	гург	волк
Г г	гэхт	гӯшт	мясо
Ѓ ѡ	ғачаѓ	духтарча	девочка
Ѓ° ѡ°	баг°он	пушти сар	затылок
F f	ғэвон	гӯш	ухо, уши
F° f°	ғ°аҳт	ангушт	палец
Ӯ Ӳ	ӹиw	шикор	охота

Буква	Язгулямский	Таджикский	Русский
Д д	дәвүр	дар	дверь
Δ δ	δўст	даст	рука
Е е	дед	падар	отец
Ә ә	кәп	санг	камень
Ж ж	жўw, жў	гандум	пшеница
З з	зәнағ	барф	снег
Ӡ ӡ	ӡӯf	сӯроҳ	дыра
И и	миð	рӯз	день
Ӣ ӣ	йўрҳ	хирс	медведь
Қ қ	қўд	хона	дом
Ӯ ӹ	кәбес	пахта	хлопок
Ҝ ҝ	к°од	саг	собака
Ӆ Ӷ	қашд	куртai занона	женское платье
ӭ Ӹ	қ эром	сангреза	каменистая осыпь
Ӆ ӷ	лап	бисёр	очень, много
Ӎ ӎ	магўд	қурбоқقا	лягушка
Ҥ ҥ	неч	бинӣ	нос
Ӧ Ӧ	оинак	оина	зеркало
Ӯ Ӱ	пеб	пой	нога
Ӫ ӫ	рағд	девор	стена
Ҫ Ҫ	сабо	пасфардо	послезавтра
Ҭ ҭ	тағд	тез	острый
Ӯ Ӯ	увд	ҳафт	семь
Ӯ Ӯ	δўс	даҳ	десять
Ӯ Ӯ	фонус	фонус	фонарь
Ӫ ӫ	ұән	оташдон	очаг
Ҳ Ҳ	хәwўр	офтоб	солнце
Ӯ Ӯ	х°ер	чиян	племянник
Ӯ Ӯ	ҳәр	намак	соль
Ӯ Ӯ	ҳ°арғ	ҳоҷар	сестра
ұ ұ	чāм	чашм	глаз
ұ ұ	чет	мӯй	волосы
Ӯ Ӯ	шамол	бод	ветер
ұ ұ	цәгаг	хурд	маленький

Научное издание

Международная конференция
«Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира»
4–6 апреля 2019 г. Институт языкоизнания РАН, Москва.
Тезисы докладов